

Максим Бодэ

ХРОНОМОТ

Молодой человек, Гильермо Ромеро, подвергается нападению со стороны неизвестных. Он чудом выживает благодаря помощи таинственного прохожего. Вместе этим двоим предстоит расследовать запутанное дело, связанное с преступной религиозной сектой. Чем ближе они к разгадке, тем отчетливей Гильермо понимает, что его встреча с напарником неслучайна, а в истории появляется все больше мистики.

Максим Бодэ

Хрономот

Глава 1. Атака

Мы гуляли до самой ночи. В полночь Аника сказала, что ее ждут дома. Мартин вызвался проводить ее до дверей. Я в шутку предложил им обоим сначала проводить меня, но получил возмущенный отказ: вот так остаешься на старости лет в одиночестве. Однако нам было по пути, и потому до бульвара Сальвадора Дали мы доехали вместе на автобусе. Там я сошел, а Мартин с Аикой поехали дальше: им было еще две остановки.

Я шел по пустой улочке, с наслаждением вдыхая легкий ночной воздух и вслушиваясь в шелест пальм. Ночь — чудесное время суток. Тускло-желтый свет фонаря выхватывал из темноты грациозные силуэты пальм. Мой нос улавливал аромат хвои — у кого-то в саду росли сосны, из другого сада до меня донесся дымок и запах шашлыка с жареным луком. Мимо меня неспешно пропорхала тяжелая ночная бабочка, я проводил ее взглядом. Идти мне было недалеко, но и не сказать, что близко: метров триста. Из этих трехсот метров я преодолел лишь пятьдесят, когда начались неприятности.

Я услышал позади себя легкое шуршание автомобильных шин. Шорох возник стремительно и словно неоткуда. Повинуясь инстинкту, я, не оборачиваясь, прыгнул вправо, на узенький тротуар — мимо меня в считанных сантиметрах пронесся черный джин «инфинити». Я шумно выдохнул: только что я избежал верной смерти. Меня спасла привычка носить кофр с гитарой в руке: если бы она была у меня за спиной, я бы просто не успел увернуться. Ну и кретины же гоняют по нашим дорогам! Должно быть, водитель пьян, наверно, перепил вина на фестивале.

Вильнув вправо так, что взвизгнули шины, джип остановился на обочине. «Похоже, у меня неприятности» — подумал я с дурным предчувствием и перебросил гитару в левую руку. Передние двери джипа распахнулись и на дорогу выскочили двое мужчин в черных костюмах. Решительным шагом они направились ко мне. Было непохоже, что они собирались передо мной извиняться.

Я молча, как ни в чем не бывало шел им на встречу, слегка наклонив голову вперед. Я старался выглядеть не нагло, просто пройти мимо. Мне не хотелось выглядеть подготовленным к драке: пусть лучше эти двое думают, что я хочу избежать конфликта. Я бросил внимательный взгляд на их ноги. Было понятно, что передо мной не профессиональные бойцы: один плотный, среднего роста, при ходьбе слишком сильно разводил носки, другой, высокий, шел слегка подпрыгивая и уводил центр тяжести слишком далеко вперед. Но что было точно, они не были пьяными: это меня насторожило еще более. Они надвигались на меня, и я сделал вид, что нервничаю: чуть съежился, слегка приподнял плечи, и попытался обойти их слева. Как я и ожидал, они тоже сместились влево. Тот, который был выше ростом, одернул пиджак, словно приободряя себя.

Между мной и первым нападавшим было полтора метра, а я все шел, не поднимая головы. Я заметил, как его шаг удлинился, он явно заносил руку для удара. Его правая рука, сжатая в кулак, поднялась и начала медленно двигаться к моему виску. Я, не прекращая движения, распластался по земле в одном большом шаге и со всей силы врезал ему локтем по ребрам. Он охнул и согнулся пополам. Не глядя я ударил ногой назад и ощутил твердую плоть. Надеюсь, я сломал ему копчик.

Я бросил быстрый взгляд на высокого: тот явно не собирался дать мне уйти и бросился наперерез. Тем хуже для него. В руке моего противника я заметил нож. Дело принимало

серьезный оборот, и в данный момент от моих действий зависела моя жизнь. Я старался не запаниковать и действовал на рефлексах. Я быстро вынес вперед левое колено и ногой ударил мужчину по запястью. Он, по-видимому, не ожидал такой атаки и выронил оружие. Правой ногой я отшвырнул лезвие в кусты. Он попытался ударить меня левой рукой, но я пресек это начинание: ребром ладони саданул ему по локтю, а потом этой же рукой заехал по челюсти. Он отшатнулся назад, сплевывая разбитый зуб. Не давая ему вновь обрести равновесие, ударом ноги в живот я отбросил его еще на два метра. Он скрючился и повалился на землю.

Я повернулся к первому нападавшему. Тот уже пришел в себя.

— Ну, так как насчет извинений? — спросил я, покачивая гитарой в левой руке. Вместо ответа он молча поднял руку с пистолетом. Внутри меня бурлил страх, но я пока что контролировал эмоции. До нападавшего было четыре метра. Три шага. За сколько я преодолею это расстояние? За секунду? Слишком долго.

— Хмм... а если извинения будут с моей стороны? — улыбнулся я, заранее зная, каков будет ответ.

— Сдохни, — прошипел мой противник, и по выражению его глаз и легкому колебанию руки я осознал, что выстрел прозвучит примерно через полсекунды.

Умирать я не собирался, и потому рывком поднял гитару, защищая прежде всего живот и грудь. Выстрел прозвучал тихо — пистолет был с глушителем. Страшный удар заставил меня отшатнуться, гитара больно врезалась мне в бедро. Однако пуля не прошла навылет. Покупая дорогую гитару, я не сэкономил на кофре: твердый и тяжелый, с толстой внутренней прокладкой, сегодня он спас мне жизнь, хотя, кажется, не спас саму гитару. Но сейчас было не время предаваться печали по этому поводу. У меня был всего один шанс, и я не собирался его терять.

Я бросился вперед, выдвинув гитару перед собой, как щит. Еще один мощный толчок, на этот раз выше, на уровне груди. Кофр громко затрещал, и на этот раз пуля прошла насквозь. Я ощутил резкую боль в правом боку. Похоже я еще был жив, а если ранен, то не критично: пуля была на излете. Еще один шаг и я повалю этого гада на землю. Надо будет сразу выкрутить ему руку и отобрать пистолет. Иначе он меня пришьет, как собаку, в упор, и никакой чехол мне больше не поможет.

Еще один выстрел. Удара я не почувствовал. Должно быть, у моего противника сдали нервы, раз он умудрился промахнуться с полутора метров. Я толкнулся левой ногой и ощутил то, чего так хотел: столкновение. Это оказалось на удивление легко: он повалился на спину, и я мгновенно оседлал противника, отшвырнув ставшую ненужной гитару в сторону. Его правая рука, сжимавшая пистолет, отлетела в сторону, оружие выпало из ладони. Я быстро согнул его ослабевшую кисть в запястье, перехватил левой рукой. Поднявшись на одно колено, я с силой надавил правой рукой на его локоть: этот прием должен был заставить его перевернуться на живот. Мельком я заметил лицо моего противника — удивленное и какое-то безвольное. Он перевернулся тяжело, как мешок с песком, и только сейчас я увидел торчащую из-под самого затылка длинную иглу. Именно поэтому он уже не боролся. Возможно, кто-то решил мне помочь. Я медленно встал и обернулся в поисках неожиданного благодетеля.

Это был молодой парень, на вид я ему мог дать лет двадцать пять — тридцать. Первое, что мне бросилось в глаза в его внешности — огромная пушистая копна кудрявых волос, прямо как у Джима Моррисона на старых фотографиях. В руке у парня был пистолет. Ствол

смотрел в землю, однако сейчас вид оружия был мне неприятен как никогда. Не хотелось снова уворачиваться от пуль.

— Иглы со снотворным, — пояснил кудрявый, перехватив мой настороженный взгляд и с этими словами направился ко второму бандиту.

Тот в этот момент как раз тщательно пытался подняться с земли. Крепко, должно быть, я ему врезал — мужчина до сих пор не мог даже толком разогнуться. Увидев приближение кудрявого, он потянулся к бедру и выхватил пушку. Я мысленно выругался.

— Ты сгоришь в аду!

Но мой неожиданный союзник оказался быстрее: раздался тихий свист, и в шею бандита вонзилась игла. Тот пронзительно взвизгнул, а потом обмяк и оставил попытки подняться.

— Хорошо ты их отделал, — улыбнулся кудрявый, поворачиваясь ко мне и протягивая мне руку, — меня зовут Фернандо Мигуэль. Лучше сразу просто Фер.

— Гильермо Ромеро, — ответил я, — Можно Гил.

А за несколько часов до всего этого...

У меня вспотели руки. Я ожидал этого — пот начинает течь минут за пятнадцать до выступления. Я достал из кармана салфетку и стал мять ее в ладонях, чувствуя всю бесполезность сего действия. Салфетка не промокала, а руки, казалось, становились все более горячими и влажными. «Спокойствие, Гил» — приказал я себе. Естественно, мне это ничуть не помогло.

Как я не старался убедить себя, что это выступление ничуть не отличается от предыдущих, я знал, что это не так. Раньше я пел и играл не небольших сценах, а порой и вовсе без сцены — на улице, с друзьями. Сейчас же я участвовал в серьезном и официальном мероприятии: севильский фестиваль гитары-фламенко проводится лишь раз в два года. Это, конечно, не конкурс, в котором целью участника является кубок или какой-то иной приз — здесь все решают симпатии зрителей. Да, симпатии...

— Гил, — окликнул меня Мартин, — что вначале: малагуэнья или твоя песня?

Малагуэнья мы с Мартином играли в дуэте. Мартин был отличным гитаристом, хотя начал играть относительно недавно. Возможно, мне не очень нравилось, как он держал ритм на скорости. Впрочем, в малагуэнье по нашему договору он играл первую партию. «У тебя еще ведь и сольный номер будет» — аргументировал он это обстоятельство, когда мы начинали репетировать и обсуждали, как распределить партии. Я согласился, и сейчас отнюдь не жалел об этом.

Мартин был моим старым другом, мы были знакомы со второго класса школы. Он был среднего роста и плотного телосложения. Сквозь его пухлые щеки с отчаянной волей к жизни пробивался темный пушок, сбривать его Мартин наотрез отказывался. У моего друга были темные волосы, которые он раньше отращивал и завязывал в хвост, недавно он постригся и сейчас постоянно убирал со лба длинные волосы — отказаться от шевелюры полностью он не захотел.

— Сперва малагуэнья, — ответил я после двухсекундного размышления. Песню лучше спеть в конце.

— Волнуешься? — спросил Мартин.

— Почти что нет, — соврал я, — нам ведь не в первой.

— Да уж, — нервно подтвердил мой друг, в который раз вставая и меряя шагами нашу клетку.

Мы сидели в набитой людьми репетиционной. Если быть точным, это была палатка. Для фестиваля на площади Испании — самой большой в Севилье — установили каркасную сцену, а к сцене пристроили тентовый домик, чтобы дать выступающим разыграться перед концертом.

Кроме нас в этом домике было еще человек двадцать — гитаристы, преимущественно одетые в традиционную одежду: строгие черные брюки в сочетании с расстегнутыми чуть ли не до пояса белыми сорочками и остроносыми ботинками на высоких каблуках. Многие марьячи для пущего антуража еще напмадили и зачесали назад волосы. Напмаженные ходили петухами, выпятив грудь и периодически поправляя ремни с гитарами, снисходительно поглядывали на более скромных товарищей вроде нас с Мартином. А мы с Мартином были одеты и вовсе не по регламенту: вместо черных брюк на нас были узкие чиносы, а нелепые ботинки мы вовсе заменили на удобные белые кроссовки.

ПеркуSSIONисты, всегда настроенные либеральнее токаоров и кантаоров, поглядывали на нас с явной симпатией: они все были преимущественно в джинсах и футболках. Один из них, когда Мартин прошел мимо него, оторвался от своего перкусионного ящика и с добродушной улыбкой показал ему большой палец и пожелал удачи. Мартин лишь слабо улыбнулся: он нервничал и часто бросал косые взгляды на разряженных в разноцветные платья девушек, отрабатывавших движения булериаса и севильяны. Девушки тоже старались размяться перед предстоящим выступлением. Как же неудобно им, должно быть, танцевать в таких платьях в обlipку. Впрочем, мне нравилось, что они были такие обтягивающие.

Мартин подошел к девушке в красном, Анике, нашей танцовщице. Мартин о чем-то заговорил с ней, обильно жестикулируя, а я снова сконцентрировался на своих руках. В такие минуты меня всегда спасают размышления. Я сконцентрировался и услышал, как сама собой задрожала басовая струна. Это, к слову, моя особенная способность: мои мысли более материальны, чем у большинства людей. Узнал бы об этом Мартин, наверное, счел бы меня за сумасшедшего. А может, как герой комиксов про супергероев, стал бы моим апостолом и продюсером в одном лице.

— Пора, — прошептал Мартин и похлопал меня по плечу, — наш выход.

— Что-то ты сегодня сонный, Гил, — участливо заметила Аника, — не засни на сцене. — А ты танцуй так, чтобы я не заснул, — шепнул я, вставая и плотоядно проводя рукой по ее платью сантиметров на десять ниже спины.

Втроем мы бодро вышли на сцену. Площадь встретила нас одобрительными возгласами и энергичными хлопками. Народу набралось прилично, стояла праздничная доброжелательная атмосфера. Нас здесь не знали, но ожидали от нас хорошей игры. Я ободряюще улыбнулся Мартину, и мы начали наш номер.

Мы не зря остановили свой выбор на малагуэнье. Несмотря на свою заводную ритмическую фактуру и эффектную мелодию, пьеса была проста в исполнении. Мы с Мартином, правда, оба умудрились по разу немного ошибиться, но не в самом кульминационном месте, так что это прошло вполне незамеченным. Аника вертелась в своем ярко-красном платье то перед нами, то за нами, то где-то сбоку. Я с улыбкой заметил, что парни больше смотрят на нее, чем на нас, а девушки в основном на меня. Все шло как по маслу.

В руках у меня была новая гитара: я присмотрел ее себе около месяца назад. Гитара обошлась мне в тысячу с лишним евро, но она стоила того. Корпус из ели, гриф с накладкой из бразильского палисандра — музыка словно лилась из-под моих пальцев. «Эта гитара

хочет, чтобы я выступил удачно» — сказал я себе, и, словно в ответ на мою мысль, Мартин неудачно сыграл мелизм. Вряд ли кто-либо заметил эту небольшую ошибку, к тому же приятель справился: не выбился из ритма. Аника окончательно выправила положение дел, выполнив особенно сложный элемент танца: парни стоявшие поближе к сцене одобрительно захлопали. Дальше Мартин не ошибался и мы доиграли под хлопки и довольные возгласы зрителей.

— Это были Аника Алканис, Мартин Санчес и Гильермо Ромеро! — оглушительно крикнул в микрофон ведущий, мужчина лет тридцати в красной рубаше, стоявший на краю сцены. Площадь захлопала еще сильнее, кто-то опять свистнул, — а теперь Гильермо выступит соло с собственной песней, которая называется «Марафон»!

Мартин и Аника под затихающие аплодисменты зрителей сошли со сцены вниз, прямо на площадь — теперь они были свободны и могли смотреть оставшиеся выступления с площади, Я же остался в одиночестве перед микрофоном.

Эту песню я написал на первом курсе университета, и еще не разу не исполнял перед большой аудиторией. Текст у песни был с философским посылом, но мелодию я сочинил стремительную и веселую.

Когда-то мне в голову пришла мысль, что жизнь подобна горькому вину с высоким градусом. Где-то далеко-далеко — в другом мире, человек заходит в бар и напивается там до свинского состояния. Он засыпает с бутылкой в руке, и в голове его рождаются безумные и бессмысленные образы: картины нашей жизни, которую мы привыкли считать единственной реальностью. И этот сон с его бессмысленной суетой и вечным страхом — глупый бред одинокого пьяницы.

Я настроил микрофон и заиграл стремительный проигрыш. Поначалу публика явно удивилась: это было не настоящее фламенко, а скорее авторская песня с простыми гармониями и незамысловатым ритмическим рисунком. Это был смелый ход с моей стороны — севильский фестиваль фламенко не отличается либерализмом по отношению к другим направлениям. Но дело ведь в зрительских симпатиях, а здесь много молодежи, которая, может быть, одобрит мою выходку. И я запел:

Опять кабак, я пью вино,
Какое горькое оно!
Мои глаза, они мутны,
Я снова вижу эти сны.

Мой первый вдох, я закричал
И сразу встал и побежал.
Сперва детсад, как сущий ад,
Оттуда выйти был я рад.

И это жизнь — мой странный сон,
Здесь все как в пьяном дурмане!
И я бегу свой марафон,
Забыв, что он мой сон.

Площадь мало-помалу отходила от первого недоумения и начала прислушиваться к

словам. Легкий шепоток проносился иногда в толпе, но в целом меня слушали внимательно. В толпе я увидел Анику, она мне улыбнулась, а потом, выбрав свободное место в скоплении людей, пустилась в пляс под мою музыку. Толпа одобрительно зашелестела — кажется, все шло нормально. Я пел, стараясь, чтобы звук шел из области живота — так голос звучит глубже.

Потом я в школу загремел,
С десяток лет в ней отсидел,
И в институт окно рубил,
Экзамен сдал и поступил.

Учеба шла, и жизнь текла,
И я на ком-то женился.
Она кричала “presto, presto”,
Не замечая, что спит.

И каждый день я к девяти
Куда-то должен был идти,
И я пахал что было сил,
Домой бумажки ей носил.

Потом играл в отцов-детей,
Завел животных всех мастей,
И пробежал свой марафон,
К концу подходит чертов сон.

О, голова! О, как болит!
Мне нужен срочно анальгин:
Я под столом в том кабаке
С пустой бутылкою в руке.

На последнем припеве мне стали хлопать, сначала редко, а потом вдруг аплодисменты стремительно переросли в настоящий шквал. Это определенно был успех.

— Это был Гильермо Ромеро! — проорал в микрофон ведущий в красной рубашке, — со своей совершенно нефламенковой, но от этого не менее удачной песней — «Марафон»!

Под громкие аплодисменты я спустился со сцены, ища глазами друзей. Через две минуты поисков я наткнулся на них, они стояли в самом центре площади.

— Хорошо спел, Гил! — похвалила меня Аника.

— Мы все сегодня хорошо выступили, — улыбнулся я, — а ты, Аника, просто спасла меня, когда начала танцевать. Мне надо было сразу попросить тебя об этом.

— В следующий раз догадаешься, — улыбнулась Аника, подставляя щеку. Я поцеловал ее, ощутив на себе завистливый взгляд Мартина. Кажется, он был влюблен в Анику.

— Куда сейчас? — спросил я Мартин, давая ему шанс исправить ситуацию в свою пользу.

— Давайте выпьем пива, — предложил Мартин, — я угощаю.

Только сейчас я заметил, что этот Фернандо Мигуэль ниже меня на целую голову. Однако наблюдая за его короткими, словно осторожными шажками и почувствовав уверенное рукопожатие узкой ладони, мягкой, но сильной, я подумал, что этому типу лучше не класть пальца в рот: откусит. То, с какой непринужденной легкостью он стрелял из своего оружия, пусть всего лишь парализующего, навело меня на мысль, что он применяет его чаще, чем это приличествует простому мирному парню из Севильи.

Во мне полыхали разыгравшиеся эмоции. Не каждый день на тебя нападают вооруженные бандиты. Я не мог и представить, что могло понадобиться этим людям от меня. Я был простым студентом, не сыном кого-то богатого, не блогером, не публичной личностью. В моей голове не укладывалось, кому и зачем могло прийти в голову напасть на меня ночью.

— Помоги мне, — сказал Фер, — надо затолкать этих ребят ко мне в багажник, пока никто нас не заметил и не вызвал полицию.

— А почему не надо полицию? — уточнил я. Идея везти куда-то тела этих мужчин показалась дикой.

— Ты же хочешь узнать, почему они на тебя напали?

Я не стал спорить. Я чувствовал себя эмоционально выжатым, а Фер произвел впечатление человека, которому можно доверять.

Фер направился в синему седану «ауди», припаркованному в десяти метрах позади. Я распознал модель 2008 года, это была одна из лучших. Мой новый знакомый подогнал машину поближе, и вместе мы перетасили наших спящих красавцев в багажник. Об их комфорте мы мало заботились — эти двое были потенциальными убийцами, да еще, кажется, и садистами. Когда им не удалось сбить меня машиной, они могли сразу пристрелить меня, но нет, они хотели позабавиться со мной: вывалить в грязи, избить ногами, разбить в кровь лицо. Собственно, я отплатил им той же монетой, а Фер вне зависимости от его истинных намерений появился очень вовремя. По факту, он спас меня. Я внезапно и нервно улыбнулся. Два скрюченных в три погибели человека в багажнике седана — это очень живо напомнило мне сцену из «Криминального чтива».

Прежде, чем закрыть багажник, мой новый знакомый хорошенько обшарил бандитов: у одного он изъясил ключи от черного «инфинити», а еще его добычей стали два мобильных телефона. Потом Фер достал два длинных автомобильных троса и ловко связал пленников — стянутые за спиной руки он притянул к перехваченным затяжной петлей лодыжкам. Пока он возился с веревками, я вглядывался в лица этих людей: определенно, я видел их первый раз в жизни.

Одному из них явно было за сорок, другой, высокий, вряд ли был сильно старше Фера. Ему, должно быть, пришлось хуже, чем первому мужчине, коренастому крепышу: чтобы затолкать этого парня в багажник нам пришлось буквально сложить его втрое.

— Фер, — окликнул я своего нового знакомого, когда тот захлопнул и закрыл на ключ багажник. Благодарственные речи, равно как извинения, я произносить не любил, но в данной ситуации мне хотелось сразу расставить все точки над «ай», — эмм, думаю, ты спас мне жизнь. Спасибо.

— Не стоит благодарности, — ухмыльнулся кудрявый, — мне кажется, ты и без меня неплохо справлялся. Сам-то цел?

— Цел, — машинально ответил я, ощупывая правый бок. Расстегнув сорочку я осмотрел

свое боевое ранение. Только сейчас я осознал, насколько опасной и реальной была драка. Пуля, кусок металла длиной с фалангу мизинца, засела в моем теле наполовину. Я никогда не ранился так серьезно. Наверно, у меня останется шрам.

— Фер, аптечка есть?

— Есть. Не бойся, я помогу.

Я вытащил пулю, а кудрявый дал бинты. Вместе мы перетянули мне грудь. Бинт сразу окрасился красным. Я в голос выругался.

Только теперь я вспомнил про свою гитару: она так и валялась посреди дороги. Я склонился над многострадальным инструментом, медленно расстегнул защелки чехла и откинул пробитую в двух местах крышку. Да, гитара была повреждена серьезно, это было ясно с первого взгляда. Пуля попала в самый центр корпуса и порвала третью струну. Пулевое отверстие вызвало длинную продольную трещину от розетки до самого нижнего порожка. Второй выстрел ударил левее, трещина от него прошла мимо розетки и порожка и потому оказалась еще длиннее. Я бережно вынул инструмент и перевернул. Естественно, задняя дека была также изуродована, хотя на ней повреждения были все же не такие страшные, как на входе.

Я прикинул, во сколько обойдется ремонт. Замена верхней и нижней деки, новый нижний порожек, лакировка, ну и, естественно, новые струны и чехол. Наверное, будет евро восемьсот — девятьсот. Было забавно думать о таких мелочах, когда только что поцеловался со смертью. Я с любовью посмотрел на гитару. Розетка зияла чернотой, как пустой безжизненный глаз, но восемьсот евро исправят положение. Получается, я выкупил свою жизнь у смерти за пару купюр. Нормальная цена за ремонт гитары, но маловато за жизнь человека. Я грустно усмехнулся.

Пошарив рукой в чехле, я нащупал еще одну пулю. Она на две трети застряла в мягкой обивке чехла. Я вытащил ее. Металл еще хранил в себе жар пороховых газов. Я машинально сунул ее в карман, где уже лежала предыдущая, обогрелая моей кровью. Бережно уложив гитару в мягкую обивку, я защелкнул чехол и оглянулся в поисках Фера. Тот сидел на водительском месте черного «инфинити» и явно шуровал по ящикам. Надеюсь, у него хватит ума удержаться от приватизации этой машины. Я положил гитару на обочину и сел в трофейный джип на правое сиденье, рядом с моим новым знакомым.

Одного взгляда на внутренность машины было достаточно, чтобы с уверенностью сказать: владелец этой машины не бедствовал. Внутри салон был отделан мягкой светлой кожей, то ли новой, то ли вычищенной всего пару дней назад. Изящная приборная панель, качественная магнитола, даже серебряный крестик, свисающий с потолка — все говорило о благополучии владельца и, пожалуй, о некоторой его религиозности: с панели подушки безопасности на меня смотрело изображение Франциска Ассизского.

— Ты ведь не знаешь этих парней? — поинтересовался Фер, осматривая свои находки.

— Первый раз вижу, — подтвердил я, — ты нашел что-то интересное?

— Вот, их документы и бумажники, — Фер протянул мне толстую пачку.

Водительские права на имя Мануэля Торреса — на фотографии я узнал мясистую физиономию коренастого бандита. Потом — паспорт гражданина Александра Лопе, с розовой бумаги на меня смотрело худощавое лицо второго нападавшего. Бумажники: в одном две тысячи евро, в другом — восемьсот, кроме того, в бумажниках две банковские карты. Да, пожалуй, у этих типов с лихвой хватило бы денег на картошку и чай в ближайшем кафе.

Я переглянулся с Фером, он же мне молча передал пенал с музыкальными дисками. Я открыл, и мое удивление возросло еще больше. Псалмы, церковные песнопения, органная музыка — все в этой машине, кажется, свидетельствовало об истовой религиозности владельца.

— Что ты об этом думаешь? — спросил я Фера.

— Они богаты и религиозны, — подтвердил мои предположения кудрявый, — Из этого можно предположить, что они напали на тебя не ради денег, а исходя из идеологических соображений. Гил, может быть ты колдун или, на худой конец, еретик? Или так, шаман-середнячок?

Его шутка мне не понравилась, более того — кое-то в самом Фернандо Мигуэле меня неуловимо раздражало. Меня бесило его спокойствие: выглядело так, как будто он ночи напролет только и делает, что стреляет бандитов по переулкам.

— Сегодня я пел песню на фестивале, — с сомнением предположил я, — песня противоречила религии.

— Слышал я твою песню, — сказал Фер, чуть наклоняясь ко мне, — за такое не убивают, даже в Испании, столице католичества.

— В таком случае, я думаю, мне пора домой, — жестковато сказал я, — я никому не сделал ничего дурного, мне нечего опасаться.

— Домой?! — расхохотался Фер, откидываясь на сидение, — Понимаешь, Гильермо, тебя убить пытались, — не ограбить, не унижить, не переломать пальцы — а убить! Ты понимаешь, что все это значит?

— Я не понимаю одного, — отрезал я, — какова твоя роль во всем этом дерьме. Это мое дело, и, кстати, я очень благодарен тебе за помощь. Ты меня обяжешь еще более, если отвезешь этих двоих в полицейский участок. А мне пора.

Я вышел из машины, хлопнув дверью. Мне безумно не хотелось рыться в этом деле. Внезапно моя университетская рутина, которая последний год казалась приевшейся, стала притягательна и мила. Мне захотелось пойти на лекцию — любую, хоть самую скучную. Пусть рядом сидят Аника и Мартин, а профессор бубнит что-нибудь про античную философию.

Однако я не успел сделать и десяти шагов, как на мое плечо опустилась тяжелая ладонь Фернандо Мигуэля. Я резко развернулся, сбросил его руку и уже открыл рот, чтобы сказать что-нибудь оскорбительное, как вдруг понял всю глупость своего поведения. Он спас мою жизнь и теперь пытался мне помочь. А я уже почти созрел до того, чтобы врезать ему по челюсти.

— Может быть, ты меня все-таки выслушаешь? — спросил Фер тихо и серьезно.

— Выслушаю, — ответил я сухо, — но это надо обсудить в более удобном месте. Здесь в двух минутах ходьбы есть бар.

Через две минуты мы сидели в баре за отдельным столом. Это было одно из моих любимых мест в городе, я частенько бывал здесь с друзьями, в том числе и с Мартином, пару раз мы с ним даже нанимались сюда петь по вечерам. Симпатичная барменша приняла наш заказ: я взял себе пива (уже второе за сегодня), а Фер — бокал сангрии. Мы поспорили, кто будет угощать: Фер убеждал меня, что сегодня я несчастная жертва, а я напомнил ему, что за мной должок. В итоге каждый заплатил за другого.

Знакомая обстановка окончательно вернула мне самообладание, а пиво помогло расслабиться. Я был готов слушать Фера.

— Итак, на тебя напали двое незнакомцев, — обстоятельно начал кудрявый, сделав перед этим большой глоток сангрии, — они приехали на дорогой машине, были хорошо одеты. Им незачем было тебя грабить, у них не было видимых причин, достаточных: для того, чтобы тебя убить. Они религиозны до фанатизма. Что ты сам об этом думаешь, Гил?

— Я не знаю, почему они на меня напали, — ответил я так же, как и в первый раз,

— Сейчас речь идет не о мотивах нападения, — пояснил Фер, — допустим, я сдаю этих двоих властям. Максимум через два дня эта парочка выходит под залог. Восемьдесят процентов, что следующим их действием на свободе станет повторное покушение на тебя. И на этот раз у них может получиться.

Я задумался. В словах Фера была логика. Меня вправду могут попытаться убить снова, хотя я не мог представить зачем, хоть обкурись травой. А если в меня будут стрелять, под пулю может попасть и Мартин, и Аника, и кто угодно еще из моих друзей.

— Вряд ли они попытаются взять тебя своими руками, — продолжал Фер, — Скорее всего, наймут какого-нибудь головореза. Гильермо, тебе стоит попытаться выяснить, почему ты стоишь у них поперек горла. У тебя нет настоящих врагов, которые желают твоей смерти?

— Нет, — ответил я твердо. Недоброжелатели с работы, с универа, со школы не были мне настоящими врагами. Они могли пересказать кому-то дурной слух обо мне, например, что я с кем-то переспал или кутил до утра. Но они не стали бы заказывать меня киллерам.

— Тогда обо мне, — продолжил Фернандо Мигуэль. Он вошел в раж и говорил все быстрее, — Как ты, наверно, уже понял, у меня есть свой профессиональный интерес в твоём деле. Я работаю частным детективом, и мой клиент платит мне, чтобы я вывел на чистую воду некую организацию. Это религиозная секта с довольно специфическим культом. Я предполагаю, что тебя, по непонятным пока что для меня причинам, «заказали» эти люди. Поэтому предлагаю сделку: я помогаю тебе узнать, кто стоит за покушением на твое убийство. А ты в ближайший день-два проводишь со мной, помогая в расследовании и выполняя мои указания. Естественно, в рамках разумного.

— У этой секты очень дьявольские планы? — поинтересовался я.

— Я знаю об их планах не больше твоего, — ответил Фер, не пожелав отвечать на колкость, — Так что, по рукам?

Я колебался. Кудрявый говорил убедительно. Было ясно, что Фер недорассказал мне всего. Но я не мог требовать от него стопроцентной отчетности.

— Еще один вопрос, прежде чем я отвечу. Если я скажу «да», какова программа наших действий и каковы будут мои обязательства?

Глава 2. Секта

— Все просто, — ответил Фер, — Сейчас мы допрашиваем этих ребят, узнаем от них по максимуму и сдаем их полиции. Потом едем ко мне в отель и ночуем. Завтра действуем в зависимости от того, что нам удастся узнать сегодня. Твои обязательства — держаться рядом со мной и исправно принимать пищу тогда же, когда это делаю я.

— И все?

— По правде, нет. Ты понимаешь, что это довольно опасно. Возможно, тебя попробуют выследить и убить еще раз. Мы должны быть готовы, а когда понадобится, действовать согласованно. Мне нужно, чтобы в случае опасности, ты следовал моим указаниям. Тогда все будет в порядке. Тебя это устраивает?

— По рукам, — ответил я. Решение далось мне нелегко, но я понимал, что оно верное. Я выбрал меньшее из двух зол: так был шанс разобраться с этой новой проблемой раз и навсегда. Фер залпом допил свою сангрию и встал из-за стола, протягивая мне руку.

Я сжал его ладонь и поднялся, грудь засадило от движения. Мы вышли из бара, на улице нас ожидал синий «ауди». Фер сел за руль, я сел справа от него. Продырявленную гитару мы аккуратно уложили на заднее сидение: сегодня она заслужила больше почестей, чем наши «дружки» в багажнике.

— Куда едем?

— Ты знаешь в городе какое-нибудь тихое местечко?

— Стоянка у парка, это в нескольких кварталах отсюда.

— Показывай дорогу.

Мы заскользили по пустой ночной улице. Я сидел, пытаюсь собрать воедино разлетавшиеся во все стороны мысли, Голова уже начинала отказывать. Я принялся перебирать в голове события последнего получаса. Ото всей этой истории пахло какой-то пугающей фантастичностью: сумасшедшие сектанты, случайный прохожий с пистолетом, явившийся в самый последний момент, когда я был на волосок от гибели. Пуля в грудь, пробитая гитара, накачаные дурью люди в багажнике машины. События раскручивались по спирали со все возрастающей скоростью. Я еле успевал их переваривать. Я очнулся от мыслей, когда заметил, что Фер насвистывает малагуэнью. Кудрявый перехватил мой взгляд и улыбнулся.

— Классика не стареет. Кстати, Гил, вот первое задание: перед тобой в бардачке два смартфона, скопируй контакты их сим-карт на свой телефон. Это может нам здорово помочь в будущем.

Я занялся разборкой телефонов, не забывая заодно подсказывать Феру, куда поворачивать. Это был хороший ход со стороны моего нового знакомого. А еще в моей голове смутно маячила мысль, что кудрявый парень слишком уж ловко соображал во всей этой кутерьме. Неужели вот она, как есть, профессия детектива?

— Сейчас направо, — подсказал я Феру, когда мы выехали на широкую улицу. Здесь было довольно оживленно, однако наше место назначения было совсем близко. Мы постояли минуту на светофоре, а затем свернули с освещенной улицы на узкую темную дорогу. идушую вдоль темного фронта деревьев. Здесь было ни души: кому придет в голову гулять по парку, когда время уже перевалило за полночь? Через минуту мы достигли маленькой автостоянки: асфальтированная площадка могла разместить на себе всего три-четыре

машины. Больше здесь и не требовалось — обычно люди приходили в этот парк пешком из близлежащих кварталов, чтобы неспешно прогуляться и подышать свежим воздухом. Сам я тоже когда-то часто здесь бывал: гулял, то один, то с друзьями, а то бегал на утренние пробежки.

— Хорошее место, — одобрил Фер, останавливаясь и включая свет в салоне, — Передай мне мою сумку. На заднем сидении.

Я просунул руку назад и нащупал на диване миниатюрный чемоданчик, оказавшийся для своего размера на удивление тяжелым. Чемоданчик был жесткий, сделанный из прочного черного пластика, и, судя по виду, был совершенно непрактичным: в лучшем случае в нем можно было уместить несколько пар аккуратно сложенных сорочек. Правда, почему-то я был уверен, что у моего нового знакомого там лежат отнюдь не сорочки. Мои подозрения отчасти подтвердились: Фер открыл чемодан так, чтобы я не мог увидеть содержимого. Быстро пошарив рукой внутри, кудрявый вытащил два шприца и стеклянную ампулу с зеленоватой жидкостью.

— Мы их что, пытать будем? — спросил я с сомнением.

— Нет, — ответил Фер, наполняя шприцы, — сейчас наши спящие красавцы находятся под действием сразу двух веществ: парализующего снотворного и жидкости, миллиграмм которой развязывает язык не хуже литра крепленого вина. Теперь нам надо немного ослабить парализующее действие, чтобы они, наконец, сумели утолить свое жгучее желание ответить на наши вопросы.

Когда мы открыли багажник, я ощутил искорку сочувствия к нашим пленникам. Их смятые, потерявшие свежесть костюмы в сочетании с опухшими от неестественного сна физиономиями и выкрученными назад руками составляли довольно жалкое зрелище. Но я не забывал: эти двое хотели меня убить, и сделали бы это, если бы смогли. Я не испытывал по отношению к ним ни обиды, ни злости, но я отлично понимал: они сполна заслужили все то, что теперь с ними происходит. Я подумал, что, наверное, никогда не смогу принять в сердце старую евангельскую мудрость: «Если тебя ударили по щеке, подставь вторую». Потому я спокойно наблюдал, как Фер готовит шприц для укола.

Вначале мы решили допросить старшего бандита, хотя он лежал и дальше. Даже когда Фер вколол ему добрую дозу зеленой дряни, он очнулся не сразу. Мы не стали вынимать его из багажника: кудрявый утверждал, что неудобная поза и замкнутое пространство не помешают допросу. Наконец, Мануэль Торрес — так, кажется, звали нашего пленника, вяло открыл глаза. Взгляд у Мануэля был бессмысленный и блуждающий.

— Учитель, где вы? — внезапно захныкал Мануэль, не глядя на нас. Я вздрогнул от неожиданности. Глаза мужчины вращались во всех направлениях, как у наркомана при ломке. Я чувствовал отвращение и стыд за происходящее. Фер довольно точно описал его теперешнее состояние: Мануэль был в совершеннейшем бреде, губы его двигались без остановки, повторяя одно и то же слово: «учитель». Мозг его шевелился вяло, и им можно, видимо, было легко манипулировать. Этим Фер и занялся.

— Я здесь, сын мой, — сказал Фер успокаивающе. Актер из него был неважнецкий, не наркота, которой он обколол человека, делала свое дело, — ты со мной. Расскажи мне, чему я тебе учил?

— Мы избранные, — просипел мужчина, безумно вращая глазами, — Мы избранные... избранные...

Мы с Фером переглянулись. Я скорчил рожу.

— Кто такие избранные? — спросил Фер повелительным голосом, — отвечай, мой ученик.

— Лучшие овцы из стада. Пшеница среди сорняков.

— Кто твой хозяин?

— Учитель! — прохрипел мужчина со слезами на глазах.

Я все никак не мог разобраться в природе этих слез: то ли он плакал от боли, то ли это был побочный эффект той дряни, которой накачал его Фер, или нечто другое. В какой-то момент мне показалось, это были слезы счастья. Кажется, Фер пришел к таким же выводам.

— Назови мое имя, — сказал Фер внушительно.

Мужчина задергался и забился. Я видел, что он пытается сконцентрировать взгляд на Фере, но не может.

— Ты в безопасности, мой ученик. Назови мое имя.

— Мессия, — захныкал мужчина. Все его тело затряслось. Слюни брызгали на прорезиненный пол багажника, слезы градом катились по щекам. И вместе с тем, он улыбался. Уголки его рта дергались.

— Нет! — рявкнул Фер, наклоняясь к нему, — ты не достоин произносить это имя. Назови мое земное имя.

— Падре Доминго, — прошептал мужчина, все более съеживаясь в багажнике. Гнев воображаемого «учителя» оказался для него страшнее всяких пыток, — Простите меня, падре, простите, простите...

— У меня есть еще имена. Если ты мне скажешь еще одно имя, я прощу тебя, сын мой.

— Рикардо Ньевес.

— Что ж, ты прощен, сын мой, — иронично изрек Фер, — а почему ты не выполнил моего задания? — он опять добавил металла в голос.

— Я не справился, — захныкал мужчина и неожиданно умолк, — Учитель, это ты? — в голосе его слышалась тревога, он тщетно пытался сфокусировать оплывшие глаза на Фере. Наверное, вопрос о проваленном задании заставил его вспомнить события последнего часа.

— Не надо об этом, — тихо шепнул я, — Спроси, что это за секта: может они сатанисты?

Фер криво ухмыльнулся, и я понял, что этот допрос его здорово забавляет. Про себя я такого не мог сказать — мне было очень не по себе. Фанатизм этих бандитов и хладнокровие Фера, который легко принял на себя роль инквизитора — в моей голове это слилось в единый сплав отвращения и тревоги.

Я вглядывался в широко распахнутые глаза Мануэля Торреса, пытаюсь понять, что движет этим человеком: был ли он членом какого-то секретного общества или ордена, или он сбежал из психушки. В моей голове живо рисовались картины в духе Дэна Брауна: темные коридоры и закоулки, в которых перешептываются монахи-отступники, приемники древних знаний.

— Это я, сын мой, — произнес Фер, — я прощаю тебя, но мне нужны доказательства твоей преданности. Ответь мне на три вопроса. Первый: помнишь ли ты еще нашу цель?

— Мир должен гореть в огне.

— Молодец. Ты верно служишь нашему делу. Александр Лопе — тоже избранный?

— Да.

Фер сделал небольшую паузу, обдумывая последний вопрос:

— Теперь вкратце перескажи мою биографию, сын мой.

— Учитель, я недостойн осквернить своим языком твой святой жизненный путь.

— Рассказывай, сын, и да будет твое повествование кратким и правдивым!

— Ты был священником в Маледо, — начал мужчина, — и там обрел благодать. Теперь ты знаешь истину. Теперь мы знаем истину.

— Это все?

— Теперь ты учитель избранных, наш учитель, — захныкал Мануэль, — простите меня, падре.

Я чувствовал удивление и отвращение. Сколь же сильна была в этом человеке вера в своего «учителя», в его святость. Даже в таком плачевном состоянии, в галлюциногенном трансе, Мануэль поклонялся своему кумиру. Я задумался, какая же сила внушения должна была быть у главаря этих сектантов, раз они его столь ярко боготворили. Боготворили на грани смерти, в упадке разума, с пеной у рта и слезами из глаз.

— Давай кончать с этим, Фер, — шепнул я, — он же вконец сумасшедший.

Кудрявый медленно кивнул.

— Мы уже узнали достаточно. Но, прежде чем сдать этих ребят полиции, надо их чуть-чуть обработать.

Фер залез в машину и вскоре вернулся с парой новых шприцов и бутылкой вина. Вначале мы занялись Мануэлем. Я держал ногу мужчины, а мой подельник воткнул иглу во внутреннюю сторону бедра, у самой мошонки. Мануэль что-то лепетал, прислушавшись, я услышал обрывки молитвы. Потом мы повторили эту операцию со вторым нашим пленником, до сих пор пребывавшем в отключке.

— Алкоголь, — пояснил кудрявый, — чтобы их виновность не вызвала вопросов. Заодно очухаются немного позже и с памятью будут кое-какие проблемы.

Фер открыл бутылку вина, смочил из горлышка салфетку и вымазал бандитам лица, имитируя последствия бурной попойки. Подумав, кудрявый капнул Мануэлю немного на сорочку.

— Это тебе благодать, мой ученик!

— Благодарю, учитель, — прошептал Мануэль и отключился: видимо, инъекция подействовала.

Через пятнадцать минут мы уже были в полицейском участке. Нам с Фером пришлось подробно описать нападение для полицейского протокола. Мы рассказали всю правду — за исключением лишь того факта, что у «случайного прохожего» как нельзя кстати оказался пистолет. Я подал события так, будто Фер, увидев, как двое пьяных мужчин избивают паренька, остановился и принял участие в драке. С такого ракурса я выглядел жертвой, а Фер — равнодушным и добрым человеком. Наш рассказ был воспринят благосклонно и с пониманием, тем более, что мы сдали в участок в целости и сохранности все ценные вещи и документы преступников, а также их оружие: пару пистолетов и ножей.

— Куда теперь? — устало спросил я Фера, когда мы вновь оказались в синем «ауди». Я чувствовал себя измотанным до предела.

— Ко мне в отель, нам надо хорошенько отоспаться после сегодняшних приключений.

— В отель? — переспросил я удивленно, — Ты не местный?

— Я приехал из Мадрида, — объяснил Фер, — Я следил за нашими сектантами на черном джипе — так я нашел тебя. А на них я вышел с помощью удачи и врожденной интуиции. Называй как хочешь.

Я кивнул, в который раз обмозговывая странные обстоятельства нашей встречи. Вроде

бы все сходилось: у меня в голове сложилась вполне цельная картина. В мозаике не хватало только одного стеклышка: кто и за что платит Фернандо Мигуэлю, и существует ли вообще этот клиент на самом деле. Все-таки в незатейливых отговорках моего кудрявого знакомого явно не хватало деталей.

— Как относишься к скорости? — спросил Фер, заводя мотор.

— Положительно, — ответил я.

Взвизгнули шины, и мы резко сорвались с места и понеслись по ночной улице. Кудрявый вел, плюя в лицо правилам дорожного движения, и скоростной предел у него отнюдь не ограничивался консервативными шестьюдесятью километрами в час. Мы буквально летели по узким сеvilским улочкам, порой я сомневался, успеет ли Фер вписаться в следующий поворот. Лихой водитель постоянно дрифтовал, чтобы избежать столкновений с фонарными столбами и углами зданий.

— Шины пожалей, — я судорожно схватился за ручку, расположенную над дверью, — нам еще далеко?

— Двадцать километров от Севильи, — Фер выжал педаль газа чуть ли не до упора, — в таком укромном местечке ни одна «избранная овца» не всадит зубы тебе в зад.

Последнее его замечание заставило меня вновь задуматься об этой таинственной секте фанатиков. Что это за организация? Кто их учитель, если он может внушать такой благоговейный трепет перед собственной персоной? И, наконец, почему этот «падре Доминго» приказал меня убрать, ведь, судя по всему, приказ исходил именно от него. Фер, похоже, думал о том же.

Мы выбрались из Севильи, и теперь городские дома за окном автомобиля сменились сельскими пейзажами ночной Андалусии. Мимо нас проносились ухоженные виноградники, шеренги олив с толстыми кривыми стволами и округлыми зелеными кронами. Именно с этих широких полей начиналось производство сангрии и оливкового масла. Здесь было сердце Испании. “Andalusia, the fields full of grain” — пропел я слова старой песни. Похоже, покуда огромная кудрявая шевелюра Фера находится рядом, у меня на уме будут только песни Джима Моррисона. Я снова уставился в окно.

Периодически мы проезжали фермы, однако коров и коз не было видно: сейчас они спали в стойлах. Встречались и богатые частные владения — огромные огороженные территории с особняками в два-три этажа. Мимо проносились небольшие поселки, вытянутые вдоль дороги ряды домов. Дома были небогатые, но чистенькие и опрятные. Когда мы въехали в одну такую маленькую деревушку, Фер, наконец, сбавил ход. Через минуту мы затормозили у невысокого двухэтажного домика.

— Вот он, этот чудесный чертог, что является нашим пристанищем, — многозначительно сказал Фер в своей обычной полушутливой манере, — один из немногих отелей в Испании, где не принято бронировать онлайн.

Гостиница с виду и вправду была самый непритязательная. Стены были сложены из светло-коричневого кирпича, здание казалось довольно старым и слегка запущенным. Снизу по кирпичу полз вездесущий плющ, с которым здесь явно никто и не пытался бороться. Над грязноватым входом висела скромная вывеска: Отель «Каравелла». Не самое фешенебельное местечко,

— А за что ты так не любишь бронь? — спросил я у Фера, задумавшись над его странными словами.

— Никто не сможет найти нас через базы отелейных сетей и турагентств, — ответил

Фер, — мы здесь почти что как в танке. Пойдем, покажу тебе комнату.

Мы вылезли из машины, и я пошатнулся: голова подкруживалась после быстрой езды. В ушах гудело, хотелось умыться холодной водой.

Мы поднялись на крыльцо по протертым от времени деревянным ступеням. Фер потянул за ручку старой скрипучей двери, и мы вошли. Внутри было получше, чем снаружи: скромно, но чисто. Мы оказались в небольшой комнате: там за деревянным столом сидела пожилая женщина, видимо, администратор отеля. Она смотрела какую-то мыльную оперу на старинном пузатом телевизоре с выпуклым экраном. Мы поздоровались с ней, а пока Фер отвоевывал у нее ключи от своего номера я был вынужден видеть, как на экране парень в розовой рубашке признавался крашенной блондинке в своей неземной любви.

— Сеньорита, — обратился к ней кудрявый, получив, наконец, свои ключи, — мы хотели бы заказать ужин.

— Да, пожалуйста, — сеньорита, не отрывая глаз от выпуклого экрана, вырвала листок бумаги из блокнота и приготовилась записывать заказ.

— Два омлета, два йогурта, два чая, — скороговоркой продиктовал Фер.

— Вам в номер или вы предпочтете поужинать там? — женщина указала рукой на смежную комнату, где стояло несколько круглых столиков.

— Лучше тут, внизу, — ответил Фер, — мы тогда сейчас пройдем в номер, а через пять минут спустимся.

— Хорошо, — кивнула женщина и, с трудом поднявшись с офисного стула, удалилась, должно быть, передать заказ на кухню.

— Она здесь администратор и повар в одном лице, — шепнул Фер, — а в меню у них одна лишь порошковая яичница и овсяная каша.

У моего нового знакомого был двухместный номер. Когда мы, наскоро поужинав яичницей, поднялись вверх, я, наконец, осознал, как же я хочу спать. Ведь помимо вечерних приключений, сегодня я еще выступал на фестивале и целый день гулял с друзьями. Сейчас мне казалось, что все это было целую вечность назад. Неожиданно я подумал, что моя жизнь, возможно, уже никогда не вернется в привычное русло. С этой мыслью я стремительно раздраконил кровать, снял сорочку, брюки и нырнул под одеяло.

Просторный офис. Белые стены, компьютерные столы. В комнате сидят двое мужчин. Один из них дремлет прямо в кресле, второй борется со сном: его компьютер включен, он коротает время за пасьянсом. Внезапно тишину нарушает легкий шорох платья.

— Что вам нужно, сеньорита?

Древняя старуха была одета в какую-то серую хламиду. Руки ее тряслись, глаза были полны слез.

— Сеньор, — глухо сказала она, — делая шаг по направлению к мужчине, — мне бы сына повидать.

— Хмм... — полицейский был в явном замешательстве, — Это запрещено.

— Сынок, — старуха явно не собиралась сдаваться, — там, внизу, охранник тоже не желал меня пропускать. Но я его уж уломала, он пожалел меня... Пожалей же и ты, сынок!

— Ладно, — сдался полицейский, — ваши документы, подтверждающие личность.

Старуха порылась в наплечной сумке.

— Вот паспорт, — прошамкала она, утирая слезы рукавом, — Изабелла Торрес...

Полицейский недолго изучал паспорт. Ясное дело, старуха была матерью одного из этих

пьяных драчунов.

— Положите ваши вещи сюда, на стол.

— Вот моя сумка. Больше у меня ничего нет.

— Пойдемте со мной, сеньорита.

Зеленоватый свет ламп, длинный коридор. Карцер. На узких кушетках спят двое мужчин в измятых костюмах.

— Маноло, — вырвалось откуда-то из глубин старухино горла, — Бедный мой мальчик.

Она склонилась над одним из задержанных пьяниц, полицейский видел как трясутся ее руки. Было тяжело видеть страдания этой древней женщины.

— Господин полицейский, могу ли я побыть с ним хотя бы пять минут наедине?

— Запрещено. Хмм. Ладно, я побуду в коридоре. Только две минуты.

Офицер полиции вышел из тесного карцера, испытав немалое облегчение. Ох уж эта дремучая трясущаяся старуха. Он вспомнил, что у него на столе оставалась булочка. Такая вкусная: ромовая баба, пальчики оближешь. Хотелось есть. А вдруг напарник проснется и съест ее прежде, чем он вернется? Он отходил от карцера все дальше, когда услышал.

Щелчок. Полицейский не обратил на это никакого внимания. В голове у него была булочка. Мягкая булочка с маковой начинкой. Второй щелчок. В его голове сонно трепыхнулась тревожная мысль. Полицейский бросился по коридору назад, понимая, какую оплошность он допустил. Третий щелчок.

Он вбежал в карцер, сжимая в руке пистолет. Все было уже кончено. Старуха лежала на полу, вокруг ее головы медленно растекалась красная жижа. В руке ее все еще был зажат пистолет. Оба задержанных также были мертвы.

Я проснулся от телефонного звонка. Это был не мой мобильный. Было темно, наверно, я проснулся посреди ночи. Кто же может звонить в такое время?

— Алло, — раздался в темноте раздраженный голос Фера, — что? Как, убиты? Завтра будем. В десять подъедем. До свидания.

Я повернулся лицом к стене.

Глава 3. Западня

Когда я открыл глаза во второй раз, за окном уже было светло. Похоже, я проснулся от того, что Фер, вставший раньше меня, нервно расхаживал по комнате взад и вперед. Я слышал легкое шуршание его ног по ковру. К тому же кудрявый говорил с кем-то по телефону. Он говорил по-английски, тихо, явно чтобы не разбудить меня. Я не показывал вида, что уже проснулся.

— Да, сеньор Кехт, я попрошу Сальвадора... Ему говорить не буду... Так, когда вы примерно будете? Завтра? Хорошо, жду вас. Отель «Каравелла».

Фер закончил разговор. Естественно, я подслушал все, что мог, и попытался понять. Этот «сеньор Кехт» мог быть начальником Фера или клиентом: по голосу кудрявого было слышно, что тот очень уважает собеседника. Особенно меня заинтересовало про «не буду ему говорить»: уж не обо мне ли шла речь?

Так или иначе я понимал, что расспрашивать об этом Фера будет бесполезно. Поэтому я потянулся на кровати, чтобы было ясно, что я только-только начинаю просыпаться.

Наверное, мой кудрявый знакомый был взволнован звонком из полиции. Я вспомнил свой странный сон. Почему-то мне казалось, что он был не менее реален, чем мои вчерашние приключения. Откуда-то я знал, причем совершенно точно, что сегодняшней ночью дряхлая старуха застрелила двоих вчерашних бандитов. «С каких это пор я стал пророком?» — подумал я и решительно сел на кровати.

— Доброе утро, Фер.

— Доброе, да не очень, Гил, — Фер не переставая расхаживал по комнате.

Я встал, натягивая на себя сорочку и застегивая непослушными со сна пальцами пуговицы.

— Их убила Изабель Торрес?

Фер остановился лишь на секунду, затем продолжил движение. Больше он своего удивления никак не выказал.

— Да, Гил.

Я почувствовал себя глупо. До сих пор я никогда не показывал своих способностей окружающим. А теперь открылся Феру, причем без особой надобности. Почему-то мне хотелось проявить себя с лучшей стороны в его присутствии, впечатлить его. Сейчас я понимал, что не стоило говорить про свой сон, но назад дороги не было.

Собственно, о моих способностях. До сей поры они заключались в одном единственном умении: я мог иногда (когда был на эмоциональном подъеме) передвигать небольшие предметы без физического контакта с ними. Я мог заставить покатиться шарик для пинг-понга, мог заставить тихонько задрожать басовую струну — одним взглядом. Эти умения были довольно бесполезны, и я всегда понимал, что лучше мне о них никогда и ни перед кем не распространяться. Потому я не говорил о них никому — ни родителям, ни друзьям. Это было моей личной тайной, я даже получал некоторое удовольствие от того, что у меня был такой необычный секрет.

Телекинезу — способности передвигать предметы силой мысли — я научился, когда мне было тринадцать лет. В развитии этой способности мне помогла моя азартная натура в сочетании с усидчивостью, терпением и силой воли. Кажется, я тогда посмотрелся каких-то

фильмов — то ли «Звездных войн», то ли «людей X», и мне тогда вдруг безумно захотелось развить в себе какую-нибудь уникальную способность. Я тогда, помню, часами сидел, пытаюсь сдвинуть взглядом мячик для пинг-понга. Где-то через недели три у меня был первый настоящий успех. Помню, я тогда дико обрадовался, но у меня уже в те годы было достаточно мозгов, чтобы придержать язык за зубами,

Потом я много времени тратил на то, чтобы научиться делать что-то более значительное. Однако мне так и не удалось даже поднять тот же самый шарик в воздух. Я мог медленно катать его по столу, но это всегда требовало от меня огромной концентрации, а после двух минут я уже серьезно уставал: в голове гудело, а глаза, кажется, готовы были вывалиться из орбит.

А вот пророческие сны мне никогда раньше не снились: это было что-то совершенно новенькое. Может быть, на меня так повлияла вчерашняя драка? Странно, я вроде бы не почувствовал в себе никаких перемен.

— Ты что-нибудь еще знаешь? — спросил меня Фер на полном серьезе.

Я вкратце пересказал ему мой сон, придерживаясь шутивого тона.

— Приснилось? — чуть насмешливо переспросил Фер, когда я назвал источник своих знаний, — хмм, бывает и такое, — я не мог понять, саркастирует он, или говорит серьезно, — Ты молодец, Гил, что рассказал все это.

Я был удивлен его реакцией на мою историю: Фер воспринял всю информацию на удивление спокойно и серьезно. Похоже, он и впрямь поверил даже всем моим подробностям, даже тогда, когда я сказал, что дежуривший в ту смену полицейский думал о ромовой бабе больше, чем о своей работе. Фер ничего не спрашивал, не поинтересовался, ни когда я последний раз проходил медосмотр, ни часто ли у меня бывают такие «приступы провидения»: он просто принял мою информацию к сведению. Такой подход с его стороны неожиданно внушил мне большое уважение к моему новому знакомому.

Мне подумалось: с какой это стати я, годами скрывавший свои телекинетические способности от любой живой души, неожиданно открылся парню, с которым был знаком второй день? Может быть, на меня повлияла экстраординарная обстановка, а, может быть, дело было в самом Фере. Какая-то его черта мне определенно нравилась, я только не мог понять, какая. Именно она заставила меня рассказать ему о своем сне.

— Итак, Гил, — сказал детектив, — сейчас мы завтракаем. Что предпочтешь: овсяную кашу или яичницу?

Я, как и вчера, вновь остановил свой выбор на яичнице. Фер спустился вниз заказывать завтрак, я же пошел в душ. Только сейчас, намазывая шампунем голову, я неожиданно понял со всей остротой: старуха не просто представилась Изабеллой Торрес, она действительно была матерью Мануэля. Я сразу помрачнел. Изабелла могла состоять в той же секте. Почему-то от женщин, а особенно от матерей, ожидаешь бытовой практичности, трезвости мысли. Образ женщины вообще в моей голове не вязался с религиозной фанатичкой. А тут женщина-убийца, да еще убийца сына. Я напряг память и вспомнил Библию. Кажется, его звали Авраам, того еврея, что чуть не зарезал сына. В той истории, ему это велел Бог, но в последний момент небожитель остановил руку бедного отца. Как это похоже: современный Авраам, но женщина. И как ужасно.

Из душа я вышел помрачневший, но, безусловно, посвежевший. Я чувствовал в себе силы для нашего с Фером расследования: я хотел найти этого Рикардо Ньевеса и отыскать способ посадить его в тюрьму хотя бы лет на двадцать. Я понял, что по-настоящему хочу помочь

Феру расследовать это дело.

— Мы поедem сегодня в Маледо? — спросил я детектива за завтраком, разделявая вилокoй яичницу.

— Думаю, да. Ты видел Ньевеса или Доминго в телефонных контактах Торреса и Лопе?

— Не помню, сейчас гляну.

Теперь, когда наши недавние пленники умерли такой страшной и неожиданной смертью, ни одному из нас не хотелось называть их «друзьбанами» и «спящими красавцами». Их было жалко: они были жертвами неизвестного подлца, величавшего себя «учителем», а также, я не мог не признать, собственной глупости.

Через десять минут мы сидели в синем «ауди» Фера. Днем, когда дорога была достаточно загружена, Фер не лихачил и вел хотя и по левому ряду, но все-таки придерживаясь скоростного режима.

Я в это время проверял контакты, скопированные мной вчера с трофейных телефонов. Контактoв в сумме набралось много — около трехсот, однако ничего похожего на «учитель» или «падре Доминго» я не нашел. Впрочем, «Р. Ньевес» все же имелся, причем аж в двух экземплярах — он был в контактах у обоих сектантов.

Для проверки мы с Фером решили позвонить нашему падре. Чтобы еще раз убедиться в верности данных, полученных от наших пленников, ну и, что тоже было немаловажно — чтобы лишний раз понервировать этого гнусного человека. Я включил телефон на громкоговоритель, чтобы Фер мог слышать наш разговор.

— Учитель? — спросил я в трубку.

Ответ заставил меня наострить уши.

— Гильермо Ромеро, — ответил мне вкрадчивый мужской голос, — ты все еще жив?

— Жив, падре, Бог милует, — сказал я, постаравшись вложить в голос побольше насмешки и корча адскую рожу Феру, — Мне интересно, падре, когда это я успел обратить на себя ваше внимание?

— У меня есть свои источники, — тихо рассмеялся падре, — мне известно о твоих планах больше, чем ты думаешь. Пока, друг, думаю, тебе осталось жить от силы дня два.

Он бросил трубку.

— Выпиши его номер, — посоветовал мне Фер, — Я знаю человека, который имеет доступ к базе данных мобильной связи.

Я выписал номер падре на отдельный листок. Вообще, я не подал виду, но слова Ньевеса меня реально взволновали. Кто знает, может, этот святоша реально знал, что говорил, и по моим следам уже шел профессиональный киллер? Может быть, я и впрямь не доживу до завтрашнего дня. Вот только чем же я насолил этому Доминго? Я не мог даже представить, каким боком оказался у него на пути.

Внезапно, в голове моей всплыла ассоциация.

— Фер, знаешь, а кто такие средневековые ассасины? Ну эти, обкуренные.

— Ага.

— Я подумал, эта секта чем-то их напоминает. Тоже есть религиозный предводитель, который посылает подчиненных убивать врагов.

Фер помолчал.

— Сходство вправду есть. Ассасины, однако, были профессиональными убийцами, а на тебя напала какая-то шваль. А вот кто мне вспомнился, так это кумраниты.

— Кто это такие?

Я никогда не слышал этого слова.

— Еврейская община, — объяснил Фер, — они жили до нашей эры, а с развитием христианства постепенно выродились. Кумраниты думали, что они избранные, лучше других. Считали, что вот их возьмут в рай, а остальных кинут в ад. Эти фанатики никогда ни с кем не воевали, но готовились к концу света. По библейскому предсказанию там у них намечалась большая война, в которой они хотели воевать на стороне Спасителя.

— Может, секта Ньевеса это как бы микс этих сект? — предположил я, — мне кажется, для убийств фанатичная вера подходит не хуже гашиша.

— Хорошо сказано, — невесело усмехнулся Фер, поворачивая руль на парковку, — Приехали.

Мы снова оказались в полицейском участке. Это место я видел уже дважды — один раз, когда был тут с Фером, второй раз — когда был здесь во сне. Я узнал белые стены офиса и свет, пробивающийся сквозь полупрозрачные тонкие жалюзи на окнах. Я узнал инспектора Губио, который говорил с нами в прошлый раз и двоих горе-полицейских, дежуривших в сегодняшнюю злополучную ночь.

— Здравствуйте, сеньоры, — бодро поприветствовал нас инспектор Губио, вставая со своего места, — спасибо, что приехали.

Инспектор был высок и худ. Серый пиджак сидел на нем как на палке, но из туго затянутого воротничка выходила довольно-таки мощная шея. Черты лица у инспектора были мелкие и острые, а когда он говорил, его рот слегка кривился влево.

— Не за что, — серьезно сказал Фер, — расскажите, как это случилось?

— Пожалуйста. Честно говоря, я надеялся, что и вы сможете помочь нашему расследованию, — улыбнулся Губио, — Но, может быть, вы хотите сначала посмотреть место преступления? Тела уже увезены, но все же.

— Хотим, — твердо сказал я. Мне и впрямь хотелось еще раз увидеть место, виденное мной во сне, чтобы оценить правдивость своего необычного «зрения».

— Прощу за мной, сеньоры, — сказал Губио.

Мы прошли по коридору вслед за инспектором, зеленоватые лампы, болезненный свет, полуподвальное помещение — я узнавал все. Если бы перед нами не шел инспектор, я бы все равно с легкостью отыскал бы камеру: я здесь уже был. Мысленно. Я оглянулся назад на Фера. Мой напарник шел, странно согнув руку в локте и приподняв большой палец кверху. Может, этим знаком он пытался что-то мне сказать, что лучше не говорить при инспекторе? Но детектив только слегка улыбнулся в ответ на мой непонимающий взгляд.

— Это произошло здесь, — сообщил Губио, показывая на открытую дверь справа. Для меня его слова оказались совершенной неожиданностью. В моем сне было иначе. Нужная дверь была слева и до нее было еще пять метров. Я в этом не сомневался. Фер тихо положил руку мне на плечо. Я сделал незаметное горизонтальное движение головой: не здесь. Краем глаза я увидел, как Фер неприметно кивнул мне в ответ. Да, инспектор врал нам, но зачем?

— Пожалуйста, проходите, — голос полицейского сухо прорезал тишину коридора.

Я не торопился заходить в камеру. Фер протиснулся передо мной и подошел вплотную к инспектору. Хотя детектив уступал Губио в росте, я заметил, что инспектор нервно сглотнул.

— Ромовые бабы любите? — тихо спросил Фер.

Глаза инспектора расширились от удивления. Он набрал в грудь воздуха, чтобы что-то

сказать, но Фер коротко и мощно ударил ему под дых. Из горла полицейского вырвался хрип, он тяжело осел на землю. У меня защемило сердце: зачем, зачем, дурак! Это же полиция. С ними не надо воевать, надо повиноваться. А если тебя в чем-то обвинили, просто сообщи, что имеешь право на адвоката. Но Фер так явно не думал.

— Бежим!

Фер рванул прочь по коридору. А еще он схватил меня за рукав, и потому я тоже сразу стал шевелить ногами. Сомневался я уже на ходу.

— Взять их! — захрипел на полу инспектор Губио. Похоже, его услышали. Из камеры куда он нас секунду назад зазывал, выбежали пятеро полицейских с дубинками в руках.

— Стоять на месте! — крикнули позади.

Быстрее бежать было невозможно. Я двигался на пределе скорости, стараясь сохранять дыхание и не терять спокойствия. Выход в двух шагах. Об пол ударила пуля — видимо, предупреждающий выстрел. Фер дернул за ручку двери — закрыто. Удар ноги — я не знал, что он так умеет — и дверь выбита. Путь был почти свободен.

Навстречу нам встали четверо полицейских, я видел, как руки их потянулись к дубинкам. Первого свалил я ударом кулака в челюсть, второму досталось от Фера. Мой напарник просто толкнул его плечом в грудь, пробегая мимо — полицейский отлетел метра на два, бухнувшись спиной прямо на компьютерный стол.

Двое полицейских выхватили пистолеты, но Фер оказался проворнее. В тесно обставленном офисе он сполна использовал свое преимущество малого роста. Мгновенно упав и перекатившись под столом, он очутился прямо под третьим полицейским. Тот рухнул как подкошенный, когда Фер буквально выдернул землю у него из-под ног.

Четвертый полицейский стоял в стороне.

— Стой на месте, руки за голову! — рявкнул он мне, наводя на меня пушку.

Мы были в лабиринте столов и компьютеров. Если бы я сейчас просто поджал бы ноги и рухнул на пол, он не успел бы выстрелить. Но меня вело какое-то шестое чувство. Мой противник стоял в трех метрах от меня, нас разделял длинный компьютерный стол. На столе, прямо под вытянутой рукой полицейского я заметил чашку с ручками и карандашами. Я мысленно напрягся, активируя телекинез. На концентрацию потребовалась доля секунды, и я осуществил задуманное. Карандаш выстрелил из чашки, как ракета, и вонзился снизу в руку полицейского. Тот от неожиданности выронил ствол. Я толкнулся ногами и, легко перелетев через стол, сделал ему простую подсечку — полицейский грянулся оземь. Я перепрыгнул его, увернувшись от захвата, и рванул к выходу.

Мы с Фером выбежали на улицу. Синий «ауди» еще стоял на своем месте. Фер на бегу вытащил из кармана ключи, мы оказались в машине.

Я увидел, как из дверей полицейского участка выбежали шестеро, среди них уже мелькал серый пиджак Губио. Фер мгновенно завел мотор, машина рванула с места в карьер прочь от полицейского участка. Следом за нами было пущено несколько пуль, я слышал, как они заскрежетали об зад машины и об асфальт. Одна пуля попала в заднее стекло, оно, как ни странно, выдержало: видимо, было бронированным.

— Погоня есть? — спросил Фер, не отрывая взгляда от дороги.

— Есть, — подтвердил я, всмотревшись в зеркало заднего вида, — машина и два мотоцикла.

— Нам бы на магистраль выехать, — процедил Фер.

Мы летели по узкой улочке, виляя между медленно ползущими машинами. Какая-то

женщина неспешно переходила дорогу на переходе, Фер засигналил и едва успел затормозить перед ней. Ремень безопасности рванул мне грудь, и след от пули наполнился болью. Женщина шарахнулась в сторону, а мы понеслись в прежнем темпе. Полицейская машина чуть приотсталала от нас, мотоциклисты же, наоборот, догоняли.

Мы вырвались из плена узких улочек — вылетели на шоссе. Теперь спидометр показывал сто шестьдесят километров в час. Я нервно наблюдал, как жадно заглатывает нос машины серую гладь асфальта. Фер крепко держал руль, не отрывая глаз от дороги. Потом он, к моему ужасу, оставил на руле одну лишь левую руку, а правой вытащил из кармана телефон.

— Алло, Сал? — бросил он в трубку непринужденно, — амиго, слушай, твои подопечные разбушевались. Скажи им, пожалуйста, отставить преследование синего "Ауди А8". Что я натворил? Да ничего. Просто кое-кто перекупил твоего Губио. Да, уверен. Может, вертушку пришлешь? Мы на магистралах, делаем ноги. Ну пока, ждем.

Фер не глядя бросил телефон к прикуривателю и вновь сконцентрировался на дороге.

— Шеф полиции? — поинтересовался я у него.

— Да, Сальвадор — мой старый друг, — ответил Фер, — ты, кстати, сам-то уже понял в чем дело?

— Нет, — признался я.

— Да эти ромовые бабы, — объяснил Фернанло, — твой рассказ был очень подробен, но ты почему-то не пришел к тем выводам, которые пришли на ум мне: полицейские тупы, но не настолько, дежурные в ту ночь явно были накачаны какой-то дрянью. Зуб даю, что эту выпечку они получили от Губио. Тот, что сожрал целую булку — тот к приходу старухи уже спал, а второй съел только половину, потому держался на ногах, но был очень рассеян.

— Почему же Торрес совершила самоубийство? Не могла она что ли, пристрелить этого полицейского?

— Торрес рассчитывала застать их обоих без сознания. Она не была готова убить лишнего человека. Ей было проще убить себя.

Все стремительно становилось на свои места. Но я не понимал еще одной вещи.

— Почему же мы тогда приехали в участок, раз ты предполагал, что это ловушка?

— Надо же было проверить твой сон, — лукаво усмехнулся Фер, на миг поворачиваясь ко мне и встречаясь со мной взглядом.

Я рассмеялся — дико и несколько истерично. Вся ситуация была страшная, но смешная — как американские горки. Кажется, сегодня я второй раз чудом избежал смерти. Если инспектор Губио был подкуплен Ньевесом, он мог попытаться подставить нас с Фером, чтобы нас сочли виновными в смерти Мануэля Торреса и Александра Лопе. Ему было достаточно чуть запугать своего подчиненного, дать на лапу двум-трем важным людям — и дело в шляпе. Ну или просто сдать нас Ньевесу со всеми потрохами. Мне стало интересно, был ли сам инспектор сектантом. Что-то мне подсказывало, что нет. Губио производил впечатление трезво мыслящего человека. Его кто-то попросту перекупил, было и так ясно кто. Остальные же полицейские, скорее всего, действовали по его приказу, не подозревая, что стреляют в невиновных.

Ладно, мы с Фером сегодня постарались на славу: двоих свалил он, а двоих я, счет был равный. Однако тот способ, которым я справился с четвертым полицейским, заставил меня крепко призадуматься,

Раньше я не мог и предположить, что способен на такое. Сегодня я использовал

телекинетические способности в реальной драке, и это дало мне преимущество перед человеком, в руках которого был пистолет. Я впервые почувствовал, что мой телекинез может быть полезен: особенно при условии, если я смогу закрепиться на уровне силы, который сегодня показал. Выстрелить карандашом как пулей! Я почувствовал, что захожу в область мечтаний. Я опять мечтал. Как тогда, в свои золотые тринадцать, когда впервые открыл свою силу.

Я не просто сумел, наконец, поднять предмет в воздух силой мысли: я сумел поразить этим предметом человека, угрожавшего моей жизни. Интересно, видел ли все это кудрявый. С удивлением я подумал, что мне хотелось бы, чтобы Фер знал о моем таланте. Однако я подавил в себе позывы к мальчишескому выпендрежу: если Фер и заметил мой трюк с карандашом, он не подал виду, проявив недюжинное хладнокровие. Хотя, как я могу говорить, что ему свойственно, а что нет — мы с ним знакомы не более двадцати четырех часов!

— Оторвались, — сказал Фернандо Мигуэль, глянув в зеркало дальнего вида, — должно быть Сальвадор им хорошенько всыпал по телефону. Надеюсь, он уволит подонка Губио.

— Или его убьют, — отозвался я, — в течение сегодняшнего дня, чтобы не наговорил никому лишнего.

— Да ну вряд ли, — нахмурился детектив, — но, если убьют, я протестовать не стану.

Теперь, когда за нами не было погони, Фер сбавил скорость до сотни километров в час. После недавних ста шестидесяти казалось, что мы еле ползем. Было еще только одиннадцать часов утра — впереди был целый день, а казалось, что уже должен был наступить вечер. Время текло медленно, секунды растягивались как жевательные резинки. Странная штука время. Его нельзя пощупать, нельзя заставить течь быстрее или медленнее. Нельзя — но может меняться наше восприятие. Последние часы показались мне целым месяцем: и по длительности, и по важности произошедших событий. Судя по всему, время на невидимых часах в моей голове не собиралось ускоряться, так что меня ждало еще много таких перенасыщенных событиями минут.

— Куда мы сейчас? — спросил я.

— Поехали в Маледо. А там видно будет.

Глава 4. Расследование

Через час мы уже колесили по узеньким улочкам Маледо. Это был маленький городок с населением около пяти тысяч человек. По данным Фера в городе находилось всего семь церквей, и их расположение не составляло никакого секрета. В наши планы входили беседы со священниками и прихожанами: кто-то из них должен был обязательно помнить священника падре Доминго, Рикардо Ньевеса в миру.

Конечно, мы могли воспользоваться источниками, которыми вроде как располагал Фер: некими компьютерными базами, чтобы найти моего преследователя. Однако, Ньевес — фамилия достаточно распространенная, да и Доминго по всей Испании пруд пруди. Так что нашей единственной по настоящему ценной нитью был этот скромный городок, лежащий к семирдесяти километрах к северу от Севильи. К слову говоря, пока мы сломя голову мчали по шоссе Андалусии мы немного отделились от нашей цели к западу, так что при первой же возможности нам пришлось свернуть налево. Дальше мы ехали по навигатору и уже к двенадцати часам въехали в город.

Маледо был ничем не примечателен, но это был красивый городок: все дома были единообразные, сложенные из светлого известняка. Улицы были тихие, мимо нас чаще проезжали мопеды и велосипеды, чем автомобили. Для начала мы проехали в самый центр города, где над небольшой площадью возвышался белокаменный собор, смотревший на площадь круглой розеткой, как циклоп одним глазом.

Когда мы с Фером вошли под свод собора, мы напрямик отправились искать местное духовенство. Это оказалось непросто: во всем соборе не оказалось ни одного священника. Мы обошли кругом все нефы, но все было без толку.

Служителя церкви мы нашли, когда вышли из храма. Нам очень повезло — это оказался сам аббат. Он как раз направлялся к дверям храма. Падре был плотного телосложения и явно любил покушать. В целом, вид у него был не самый благостный. Он выглядел, как слегка постаревший Нео из «Матрицы». Его черное облачение, перетянутое под выпуклым животом черной лентой, в сочетании с узкими солнцезащитными очками, навело меня на мысль, что клирик был не так далек от мира, как того велела церковь.

— Здравствуйте, падре, — обратился к нему Фер, — не могли бы уделить нам минуту внимания?

Падре остановился. На лице явственно отобразилась борьба: ему не очень хотелось разговаривать с нами. Однако благородная часть его натуры — та, что любила читать проповеди и проводить вечера за уединенной молитвой, победила. Постояв пару секунд, уперев руки в боки, священник пару раз вдохнул и выдохнул, а потом сказал нам смиренно:

— Слушаю вас, дети мои.

Мы представились и изложили ему суть своего дела. Мы сразу поняли, что нам с самого начала очень повезло: падре Мартин (так, оказывается, звали нашего собеседника) оказался настоящим кладом информации.

— Доминго? — задумчиво переспросил клирик, — Знавал я его когда-то. Хороший священник, народ валом ходил на его проповеди. Когда-то мы с ним были очень дружны. Доминго приехал в Маледо, хмм, в 1993. Кажется, он был тогда в сане иерея. Странный был человек, по-своему образованный и талантливый. Рассказывал мне как-то за рюмкой... прости, Господи, за молитвенником: до того, как он решил посвятить свою жизнь Богу, и

стихи писал, и на мотоцикле гонял, и за женщинами ухаживал, а потом, значит, понял он, что душа его к Богу рвется. Доминго был прекрасным священником, обязанности свои исправлял прилежно, читал факультативом лекции какие-то в семинарии.

— Какие лекции, падре Мартин? — поинтересовался я, воспользовавшись паузой в рассказе священника.

— По теософии что-то. Слушать его было приятно. Доминго был сильный оратор, и говорил интересные, хотя иногда спорные вещи. Но в конечном счете увлечение еретическими сектами прошлого его и погубило. Как-то уехал я в паломничество в Сант-Яго, возвращаюсь, а мой добрый друг Доминго уже не тот человек, что раньше. Исчезли привычная доброта и кротость.

Он поехал крышей, прости меня, Господи, за такие слова. Его коньком всегда было толкование откровения Иоанна Богослова, а тут он вдруг стал всерьез говорить, что скоро грядет конец света. А еще возомнил себя каким-то особым посвященным, как будто с ангелами на короткой ноге.

Мы стали стремительно отдаляться друг от друга. Он игнорировал не только меня, а вообще всех. Откуда-то в нем проснулась огромная гордыня, помню, ходил по церкви, как павлин. А через неделю он сложил с себя сан и уехал из Маледо — это было в 2002 году. Больше его здесь и не видели. Такая вот грустная история. Больше всего мне жаль нашей с ним дружбы.

— Спасибо, падре Мартин, — поблагодарил Фер священника, — подскажите, какого года рождения был ваш друг и откуда он был родом?

— Постойте-ка, — задумался клирик, — Доминго был младше меня на четырнадцать лет. 1976 года, должно быть. А родился он в Кордове. Рассказывал, что приехал в нашу глушь, чтобы от страстей своих убежать. Убежал, да настигли опять.

Информация была исчерпывающей. Мы еще раз поблагодарили священника за потраченное на нас время. Падре Мартин предложил нам исповедоваться, но мы вежливо отказались: сейчас было не время.

— Зря, — добродушно заметил священник, — сегодня всегда лучшее время.

Но нас с Фером было не переубедить — мы спешили по более важным делам.

— Лучше и быть не могло, — Фер хлопнул меня по плечу, когда мы отошли от падре на приличное расстояние, — как насчет обеда?

— Отличная мысль.

Был почти полдень, завтракали мы в девять, время было и впрямь обеденное. Мы без труда нашли кафе. Здесь была горячая (точнее, разогреваемая) выпечка и картошка фри. Обслуживали быстро — едва мы с Фером устроились за столом, как нам принесли наш заказ.

— Что мы делаем дальше? — спросил я Фера, хрустя картошкой.

— Сейчас я прямо в машине попытаюсь кой-чего разузнать по нашему падре: что он за человек, чем на жизнь зарабатывает. Это у меня займет минут сорок. Потом посмотрим.

Мы доели картошку и пироги, а после снова принялись за работу — точнее принялся Фер: он вытащил из багажника ноутбук и обосновался с ним на водительском месте, максимально сдвинув его назад и откинув сиденье.

— Хочешь прогуляться пока, Гил? — предложил Фер, и я понял, что он хочет побыть один.

— Хочу, — согласился я. Эти сорок минут, которые кудрявый собирался потратить на

поиск информации, я мог провести с не меньшей пользой. Мне не терпелось вновь опробовать свои телекинетические способности: мне казалось, они могли очень возрасти со вчерашнего дня.

Мы с Фером обменялись телефонами, чтобы в случае чего быть на связи, а потом он остался, а я ушел. Погуляв по узеньким улочкам Маледо, я быстро наткнулся на уединенный уголок: это был маленький скверик, и он идеально подходил для моих опытов.

Здесь росли красноствольные сосны, невысокие и корявые, источающие запах смолы и хвои. Сквер был иссечен вдоль и поперек линиями усыпанных розовым гравием дорожек. Вдоль дорожек были разбросаны деревянные лавки — на одну такую, в тени сосны я и уселся. Время было рабочее, и вокруг меня в радиусе пятидесяти метров не было ни души. Я с улыбкой подумал, что уже давно не сидел вот так: всегда рядом кто-то присутствовал. Уединение было приятно, как никогда. Легкий ветерок взметнул волосы на голове, проникая, казалось, в самую голову и холодя виски. Думать не хотелось. Было приятно просто вот так сидеть. Такие тихие минуты редки и очень ценны для меня.

Я сладко потянулся и лениво развалился на скамье. Меняхватило минут на семь, потом я понял, что приятная хандра покидает меня, и я снова начинаю противно бодреть. В голове зашевелилось чувство предвкушения, приятное и щекочущее. Я засунул руку в карман и нашел кусок холодного металла. Сегодня пуля послужит мне тренажером.

Я аккуратно переложил пулю в правую руку и внимательно ее рассмотрел. Цилиндрический кусок металла серебристого цвета, чуть сплюснутый с одной стороны. Столкновение с моим чехлом и гитарой все-таки не прошло даром для маленькой смертоносной игрушки.

Я сосредоточил взгляд на пуле. Получится ли у меня поднять ее в воздух с руки, или лучше положить ее на край скамейки? Для начала попробую с руки. Кусок желтого металла лежал на моей ладони. Мои глаза были напряжены до предела, пальцы рук, кажется, онемели. В мозгу нарастало ощущение тяжести.

Нет, что-то неладно. Там, в полицейском участке, все было совершенно иначе. Было легко и как будто безо всякого напряжения. Тогда карандаш сам взлетел и вонзился в руку полицейскому. Я не тянул его каждый миллиметр полета, это был скорее приказ, который я отдал. А выстрелил он как будто сам, легко и просто. Сейчас же я чувствовал огромное напряжение, как будто тяну вес тяжелее, чем могу поднять. Я отчаянно фокусировал взгляд на расплывавшейся пуле, но ничего не мог с ней поделать. Вдобавок вспотели ладони. Я очевидно перенапрягся.

Переложив пулю на твердую поверхность скамьи, я постарался взять реванш. Я лег на скамью животом, пытаюсь сосредоточиться. Глаза начали слезиться, и я натер пальцами кожу в районе слезников. Так! Первый небольшой успех — пуля покатила по скамейке направо — я ее уже полминуты пытался сдвинуть в этом направлении. Негусто. Я с трудом остановил качение пули, удержав кусочек металла от падения вниз со скамьи и остановился, перевести дух. Я слышал собственное сердцебиение, кровь стучала слева под самой шеей, над ключицей. Я вернулся в вертикальное положение.

Мои способности не желали расти. В чем же дело? В полицейском участке я с расстояния трех метров сумел поднять карандаш — предмет намного тяжелее пули, и не просто поднять, но, по сути, выстрелить им в руку противника. Результат моих действий был налицо. Я попытался вспомнить, что тогда было по-другому, во мне и в обстоятельствах.

Была опасность. Да, опасность. Может быть, у меня был выброс адреналина или какого-

то другого «ментального» гормона? Я отчетливо помнил чувство ясности и уверенности в себе. Я был спокоен, хотя мое тело было до предела возбуждено дракой. Это было состояние кристальной ясности. Я как будто оказался в середине тайфуна: вокруг с головокружительной скоростью происходили события, а я сохранил остроту восприятия и отрешенность, как будто это все была игра. Да, адреналин был неплохой гипотезой. Если представится случай, надо обязательно поэкспериментировать с телекинезом во время стресса и физических нагрузок.

А еще там был Фер. Могло ли присутствие этого парня каким-то образом усилить мои способности? Я всерьез задумался над этой нелепой гипотезой. Кажется, в фильмах про супергероев это была довольно распространенная способность. Кто он вообще такой, мой новый приятель Фер? Я не знал о нем ничего конкретного, кроме того, что он определенно не бедствует: его ауди стоил много больше сотни тысяч евро. Я задумался, откуда у Фера игольчатый пистолет и эти шприцы с зеленой дурью. А еще откуда у него явный опыт погонь, хладнокровие, чутье, быстрота реакции: это не вязались с образом детектива. Это было нечто куда большее.

Одно я знал точно: Фер мне нравился. У него была харизма, которая ненавязчиво, но ощутимо притягивала. Может быть, он тоже обладал какой-то способностью, вроде моей, только более развитой? Кто знает, возможно, он скрывает ее так же, как я. Эта мысль позабавила меня. Я и раньше думал, что раз у меня есть дар двигать предметы силой мысли, схожие способности должны быть и у других людей. Не у всех, но некоторых. Если Фер вправду такой же, как я, это объясняет, почему он с такой легкостью выслушал мою сумасшедшую историю об Изабелле Торрес.

А еще Фер, видимо, разбирался в древних сектах не хуже пресловутого Рикардо Ньевеса. Я напряг память и вспомнил это слово, что он сказал: кумраниты. У меня имелись поверхностные знания о разных религиях: я интересовался ими, когда пытался выяснить природу своего телекинеза. Но я не слышал о кумранитах. Фер явно был образован в этой специфичной сфере, ну или изучил вопрос, готовясь к расследованию. Мне подумалось, не был ли Фер сам членом какой-то секты. Кто знает, может один «гуру» заказал ему поискать компромата на другого, чтобы устранить конкурента? Этим «гуру» вполне мог оказаться Диан Кехт, с которым Фер говорил по телефону с утра.

Между тем я глянул на экран своего телефона и понял, что вполне могу уже идти назад. Прошло тридцать минут, за которые я лишней раз убедился, что в жизни не все так просто. Умение двигать горами все еще сторонилось меня: пока что я перебирал неловкими пальцами камешки в песочнице, как ребенок.

Я встал со скамейки, и неспешно пошел назад к машине. Интересно, а не умотал ли Фер, бросив меня здесь? Может быть, ему уже надоело это дело, и он просто нашел предлог, чтобы от меня избавиться. Уйти не прощаясь, по-английски, хороший шанс избежать любых неприятностей и нудных разговоров. Я ускорил шаг, но тут же замедлился. Если я понимал в людях, на Фера можно было положиться. Хотя черт его знает... и, наверное, лучше, чем я. В любом случае, у меня в кошельке лежали восемьдесят евро наличными и банковская карта. Денег с лихвой хватало, чтобы добраться до дома.

Когда я подошел к тому месту, где оставил Фера, сидящего в машине, то обнаружил, что ни его, ни машины на этом месте не находилось. Это было неприятно. Но, если честно, вполне ожидаемо. Все-таки, мы были друг другу никем. Я почувствовал злость. Почему нельзя было просто сказать: «Пока, Гил, здесь наши пути расходятся?»

Я не собирался звонить Феру и спрашивать, где он, куда делся и скоро ли вернется. В тот момент мне все казалось ясно. Какая-то часть меня, конечно, твердила, что надо подождать здесь, но другая, более взбалмошная и скептически настроенная (к которой я всегда больше прислушивался) настойчиво утверждало иное.

Фер спас мне жизнь. Я не собирался отказывать ему в этой заслуге и был благодарен. Фер дал мне почувствовать вкус опасности, а еще подарил прикольную драку с полицейскими, которая дала мне целое море адреналина. С ним я впервые прочувствовал пьянящий аромат бешеной езды: ни я, и никто из моих знакомых так не лихачил. Я вдруг задумался, стоит ли мне вообще возвращаться домой, где меня могут ждать проблемы с полицией или, еще хуже, сектантами. Возможно, мне стоит прямо сейчас начать карьеру преступника в бегах.

Я снова оказался на площади перед собором. Здесь был центр города, надо было спросить какого-нибудь прохожего, как жители Маледо добираются до Севильи. Мимо меня проходила женщина с продуктовой сумкой, я к ней обратился, и она мне все довольно внятно объяснила.

Ждать мне оставалось еще полтора часа, автобус отправлялся в три. Полтора часа в незнакомом городке. Я медленно пошел по площади, сосредоточившись на незамысловатом узоре бело-серой плитки. На душе было беспокойно, тревожно. Все что со мной произошло — было ли это обманом? Меня пытались избить двое хулиганов: как знать, может, никакие они не сектанты. Возможно, не стоило соглашаться на сделку с Фером.

Я достал из кармана телефон. Позвонить что ли родителям, сообщить им, что буду к вечеру. Но нет, я почему-то был не в духе. А цифры на экране мобильного упрямо не хотели меняться, время текло медленно.

Я гулял по Маледо, размышляя о своей жизни.

Я всегда бежал от обыденности. Мне претила мысль, что я двигаюсь по намеченному пути. Учеба, работа, женитьба — эта последовательность меня пугала и заставляла бежать. Бежать в узкие севилльские закоулки, где мне иногда приходилось драться, чтобы постоять за себя. Бежать по беговой дорожке в спортзале, заглатывая ногами километры. Бежать в шумные ночные клубы, где можно было встретить девушку на ночь. Мне нравилось танцевать и чувствовать упругие ягодицы у своих бедер. Вдвойне было приятно целовать молодое роскошное тело, раздетое и разгоряченное желанием.

Я никак не хотел вливаться в обыденность, жить нормально, как все. Вон, Мартин только и метит, чтобы заграбастать Анику и повести ее к алтарю. Я прямо-таки видел его через пять лет растолстевшим, с женой и дитем на руках. Будет радоваться первой подержанной машине и вину по акции в супермаркете.

А мне казалось, что наша жизнь — фальшивка. Будто весь мир лежит под покрывалом, и мы видим лишь эту пеструю ткань. А сдернешь это тяжелое полотно, и окажется, что внизу вещи устроены не так, как ты предполагал. Может быть, из-под ткани вылетят драконы и эльфы, а может ангелы и демоны, неважно. Мир явно не исчерпывается тем, что мы видим. Когда я играл на гитаре, я всегда вкладывал в игру эту тоску: по правде, которую не мог разгадать.

Возможно, это чувство началось в детстве. Когда я был маленьким пацаном, меня мучили кошмары. Я засыпал и всегда видел один и тот же сон. Создание, похожее на женщину, пробиралось ко мне в спальню. Вместо ног у нее был огромный змеиный хвост,

который и составлял основную часть ее огромной туши. Лицо было бледным и неподвижным, волосы — живые, извивающиеся, будто щупальца, а глаза — два черных бездонных блюдца. Я боялся в них смотреть, мне казалось, что меня засосет и я упаду в них. Каждый раз я не удерживался и встречал ее взгляд, и тогда начиналась кульминация кошмара. У меня перехватывало дыхание и сжимало грудь, и я чувствовал, как силы меня покидают. В конце сна я умирал.

Во сне я вжимался в угол постели: всегда пытался убедить себя, что родительская кровать — единственное место, где я в абсолютной безопасности. Не помогало. Страшное создание приходило опять и опять, и ему было все равно на границы кровати. Так продолжалось, по-моему, с трех до семи лет. Четыре года — я умер больше тысячи раз.

Я боялся засыпать, плакал, не хотел идти в кровать. Мой кошмар влиял на меня не только ночью, но и днем. Я боялся оставаться один дома даже на полчаса, боялся темноты. Когда родители вечером уходили по своим делам, пусть ненадолго, я садился на их кровать, где у меня был «последний бастион», и начинал плакать.

Как-то мама научила меня моей первой молитве. Короткое четверостишие, которое, якобы, должно было меня спасти от кошмаров. Не спасало. Я часто шептал эту молитву перед сном, безрезультатно. Тогда я начал сам бороться с навязчивым видением — и, наконец, добился успеха.

Моя проблема была в том, что я не умел просыпаться сам, и начавшийся сон был для меня неотвратим, как полет уже выпущенной пули. Я уже знал его наизусть, в мельчайших деталях, он повторялся из раза в раз, но я ничего не мог с ним поделать, потому что спал очень глубоко. Я учился контролировать сон, и однажды понял, что победа за мной.

Едва я слышал шорох чешуи, как мгновенно просыпался. Какая-то частица моего мозга теперь все время стояла на страже, готовая выдернуть меня из кошмара в реальность. Теперь я спал не так крепко.

На смену регулярным нашествиям демоницы-медузы пришли периодические нападения других чудовищ — но теперь я их даже ждал. Я научился летать во сне, и теперь воздух был моим главным спасением. Когда я летал во сне, я был неуязвим. Я двигался со скоростью собственной мысли, и никакой демон не мог теперь меня испугать. Если кто-то снова пытался вломиться в мой дом, я уже не прятался на родительской кровати — я просто выпрыгивал из окна своей комнаты и улетал. Делал это я мастерски, и, главное, теперь я получал от этого удовольствие.

Теперь я не боялся сна — напротив, я жаждал его. Во сне я был практически всемогущ, в отличие от реальности. Так что же было истиной — реальный мир или сон? Этот вопрос я часто задавал себе. Что если сон — более правильное состояние души, чем бодрствование? Во сне и время, и пространство иные, они пластичнее, намного легче поддаются искривлению мыслью.

Ослабленное чувство реальности сделало меня таким, какой я есть. Я привык думать, что мир поддается изменению мыслью, просто это намного тяжелее, чем, скажем, изменить течение сна. Потому я и стал на полном серьезе учиться телекинезу, искусству двигать предметы силой мысли. Возможно, именно поэтому я и преуспел.

Я искал возможность развить свой дар. Я тренировался. Я изучал разные религии, чтобы понять, нет ли в старинных откровениях подсказки, как развить мои способности. Увы, все безрезультатно. Белые маги Персии и йогины Индии не спешили делиться своими секретами. Прямых ответов я не нашел — только намеки. Как я мог развить собственные

способности, не зная теории? Вслепую? Наверное, именно поэтому я уже давно уперся в плато. Мне нужен был учитель. Учитель, который сам достиг того, к чему стремлюсь я. Не падре Доминго с его сумасшедшей компанией фанатиков, а настоящий мастер телекинеза.

Я остановился. Мастер телекинеза? — Ха-ха. К кому же обратиться? К Дэвиду Копперфильду что ли? Ури Геллеру? Нет. Это было совершенно невозможно. Нереально. Хороший гитарист в наше время и то редкость, что же говорить о настоящих телепатах. Невозможно.

Я шел по главной улице городка Маледо, опустив голову и безразлично рассматривая незатейливый рисунок бело-серой тротуарной плитки у себя под ногами. Впереди послышался тихий шорох шин. Я поднял голову, ко мне приближался синий ауди А8. Он мог принадлежать только одному человеку.

Глава 5. Операция

— Естественно ты не там, где мы договаривались встретиться, — язвительно улыбнулся Фер, опустив стекло, — давай, залезай.

Его колкость была мне безразлична: я был просто рад. И как это я мог в нем усомниться? Чтоб Фер уехал вот так, да еще прихватив с собой драгоценные останки моей гитары? Мою депрессию как рукой сняло. Я обошел машину и сел на переднее сидение рядом с ним, и мы сразу же тронулись с места. Я не знал куда мы ехали, и меня это не особо смущало.

— Не думал, что ты вернешься, — сказал я, не собираясь скрывать свои эмоции.

— Мне пришлось уехать по серьезным причинам, — пояснил детектив, — тут парочка киллеров приехала, кажется, за тобой. Мне пришлось срочно удирать от них загород, а там разбираться с ними.

— Ну и как, справился? — ухмыльнулся я, не поверив ни единому слову.

— Вполне. Кинул в них гранату и дело с концом. Естественно, когда выехал на безлюдный участок.

— Что, правда?!

— Ну да, — отозвался детектив, — они еще стреляли мне в зад, можешь убедиться, всю краску облупили, стекла поцарапали. Я потом спустился в кювет, куда их швырнуло после моего гостинца, оба уже были готовенькие. Я ползил по ящикам (в перчатках, разумеется), взял их паспорта и права — чтобы полицию со следа сбить. Впрочем, Сальвадор их, если что, придержит.

Я слушал рассказ, постепенно осознавая, что Фер не врет. Оглянувшись назад, я заметил на заднем стекле машины шпук пять новых пулевых следов. Мой друг говорил на полном серьезе, рассказ его был подробен и точен. Двадцать минут назад он убил двоих людей (пусть и потенциальных убийц), а сейчас спокойно рассказывал мне об этом. И еще он собирался прикрываться от правосудия своим знакомством с шефом полиции. Добрый парнишка, добрый.

— Не вешай нос, Гил, — улыбнулся Фер, явно читая на моем лице неприязнь, — они искали тебя, а наткнулись на меня. Тут или мы их, или они нас. Без вариантов.

Я медленно кивнул, думая, что из-за меня Фера могли убить. Так уж получалось, что в последнее время я так и притягивал к себе пули.

— Фер, откуда ж у тебя граната оказалась? — поинтересовался я.

— Неверный вопрос. Правильно спросить: что у тебя есть еще, кроме гранаты? — радостно объяснил Фер и сам же ответил, — много чего. самое главное — пистолет «ПСС» — моя русская малютка, кроме него старый добрый «вальтер» и ручной гранатомет. Это не считая оборудования, встроенного в машину. Ну да у меня тут много барахла всякого валяется.

— Ты бы лучше рассказал, что успел узнать про нашего псевдо-падре, — предложил я, решительно меняя тему разговора — я не был специалистом в оружии. Понял только, что недостатка в нем Фер не испытывал, да и обращаться с ним умел недурственно.

Парень эмоционально развел руками в стороны, на пару секунд выпуская из рук руль.

— Мало, но достаточно для того, чтобы сказать: Рикардо Ньевес — уникальный человек. У нас очень достойный противник, Гил, — видя мою готовность слушать, он

продолжил, — я успел ознакомиться только с последними годами его жизни — но они-то нас и интересуют в первую очередь. Оставив церковь в 2002 году, Доминго продемонстрировал железную коммерческую хватку. Он подался в трейдеры. Карьеру начал с быстрых спекулятивных сделок. Он набирал капитал небывалыми темпами, все эксперты были уверены, что ему продают инсайдерскую информацию. Правда, никого из торговцев найти не удалось. К 2004 году уже сколотил немалое состояние и купил контрольные пакеты акций в нескольких десятках компаний. Например, знаешь «Пиццу Эталона»?

— Да, естественно, знаю, — ответил я. С этим замечательным продуктом у меня были особые, глубоко личные отношения, основанные на искренности и взаимоуважении. Когда дома было нечего есть, я частенько доставал из морозилки герметичную упаковку, вынимал замороженный корж и разогревал его в микроволновке. Получалось быстро и достаточно съедобно для того, чтобы не возиться с готовкой и не идти в ближайшую кафешку. Неужели этот гадкий Ньевес покусился на мою пиццу? Мои наихудшие опасения вмиг подтвердились,

— Ну так вот, она лишь небольшая часть холдинга Ньевеса, — объявил мне Фер, — За последующие пять лет наш падре перекупил и перепродал десятки компаний. На протяжении восьми лет экс-священник получал исключительно высокий доход, который все время вкладывал в расширение своих бизнесов и покупку новых. Прибыли росли в геометрической прогрессии. К тому же, Ньевесу постоянно сопутствовала удача, многие его производства — бизнесы международного уровня. Сейчас Доминго — миллиардер. При этом он старается не афишировать собственного богатства, живет скромно, а людей собственного материального уровня избегает. Такой вот человек.

— О действиях Доминго в роли духовного лица неизвестно ничего и никому — это тайна, покрытая мраком, — продолжил Фер, — зато его личная жизнь — хвала всемогущему ЗАГСу, открыта любому простому смертному. Почти любому, тут главное — доступ к полицейским базам. Доминго одинок — ни жены, ни детей. Только бизнес — и подпольная деятельность, в роли главы сектантской церкви.

Да, вот так задача. Вроде теперь мы знали больше, но проще от этого не становилось. Что же делать, когда по твоему следу идут убийцы, а ты даже не знаешь, за что тебя хотят «ликвидировать»? Мне в голову пришла любопытная мысль. Она разворачивалась все шире, обрастая подробностями дикого и совершенно неосуществимого плана... Я начал издалека, стараясь заставить кудрявого самому прийти к тому решению, которое могло созреть только в голове человека, недалекого от сумасшествия. Вроде меня.

— Фер, по твоему рассказу, Ньевес, став на путь коммерции, ни разу не оступился и не проиграл?

— Да, — Фер странно взглянул на меня, — в корень смотришь, Гил. Падре обладает немислимым чутьем. Каждое его действие принесло и приносит ему прибыль. Это учитывая то, что в период кризиса 2008 года Доминго умудрился утроить свое состояние, скупив огромное количество рентабельных акции по самым смешным ценам.

Я решил копнуть глубже, направляя ход мыслей Фера. Внезапно я подумал, что, может быть, мой друг и сам сейчас точно так же толкает меня к тому, что я уже и так понял. Наша беседа остро напоминала игру двоих слепцов, наивно считавших себя зрячими.

— В чем ты видишь причину этих успехов? — спросил я.

— Черт знает, — хмыкнул мой напарник, — кстати, о черте. может быть, Доминго, удачлив, а, может, и сделку заключил с кое-кем.

— Ты что, вправду видишь этому мистическое объяснение?

— Не отрицаю и такого варианта, — последовал абсолютно серьезный ответ. Правда, с Фером в этом плане было нелегко, его интонации редко говорили о его истинных мыслях: я уже успел заметить, что он шутил с серьезным видом и, смеясь, говорил о серьезном. В любом случае его признание отчасти совпало с моими собственными внутренними предположениями, которые я поначалу собирался оставить при себе. Ну ладно, уж коли речь зашла.

— Понятно одно, — как бы между прочим заметил я, — у Доминго есть свои тайны.

— А наша задача — разобраться во всем этом самом... благоуханном, — подхватил Фер.

— А как мы можем в этом разобраться? — спросил я, отдавая вожжи по принятию главного решения своему старшему напарнику.

— Это будет непросто, — жизнеутверждающе и с таким основательным удовлетворением сказал Фер, — мы провернем дело этой ночью. Наша цель в семидесяти километрах к северо-западу от Кордовы. Сегодня нас там точно не ждут.

— Хорошая одежда, — хмыкнул я, натягивая кевларовый бронежилет. Мне в пору было одевать черный плащ и подаваться в Бэтмены — пресловутое одеяние подошло идеально.

Мы с Фером остановились на проселочной дороге в пяти километрах от усадьбы экс-священника. Сейчас мы проводили последнюю подготовку. Дело было серьезное, поэтому мы и готовились к нему основательно. Фер открыл багажник машины и под прорезиненным ковром, где обычно у седанов есть ниша для запасного колеса, обнаружился настоящий боезапас. Я восхищенно смотрел на целый ворох разнообразных орудий — различных по форме, размерам (и, судя по всему, по назначению) пистолетов, несколько полуавтоматических орудий и много чего куда более объемистого и эффектно выглядящего.

— Надень-ка это, — сказал Фер, извлекая со дна ниши сверток ткани. При ближайшем знакомстве сверток оказался элементом одежды. По виду бронежилет напоминал обычную майку, только из непривычно толстой ткани. На теле это одеяние ощущалось на удивление легко и удобно. Я надел бронежилет под сорочку, чтобы не привлекать излишнего внимания.

— И что, это защитит меня от пули? — спросил я, для пробы ударяя себя кулаком в грудь: удар ощущался, как будто бы я был в обычной одежде.

— От «38 Special» спасет точно, — пояснил Фер, — В любом случае, жить будешь. Я вот до сих пор жив.

— А в тебя что, часто стреляли? — поинтересовался я.

— Уж много лет стреляют, — отмахнулся Фер, не переставая копаться в своем барахле, — и чем это я им всем не угодил.

Я не стал уточнять, кто это «они все». Просто я давно понял, что кудрявый — человек со странностями. А кевлар — штука хорошая, что не говори.

— Вот это тебе тоже пригодится, — объявил Фер, — выдавая мне широкий кожаный пояс, на котором висело сразу две кобуры с пистолетами и фонарик.

— Мы что, будем в охранников стрелять?

— Нет. Но мало ли что случится может.

Я повесил на себя пояс, затянув пряжки. Было удобно. Я почувствовал себя настоящим десантником — хоть пентагон штурмуй. Положил правую руку на кобуру — если сейчас немного потренируюсь, то научусь выхватывать пистолет за полсекунды.

Фер тоже обвешался всякими средствами дальнего поражения. Интересно, он объяснит

мне откуда у него все это?

— Итак, инструктаж, — начал мой приятель, — Пистолет справа заряжен сонными иглами, левый стреляет липучкой на тросе. Стрелять умеешь?

— Разберусь как-нибудь, — хмыкнул я, доставая правую пушку. Пистолет был на удивление компактным, устройством своим напоминал обычный «кольт». Тот же курок, затвор. Не надо было разбираться в оружии, чтобы понять, что к чему. А вот левый пистолет оказался куда более хитрым устройством. И необычно длинная, загнутая вперед рукоять, и громоздкие по сравнению с правой пушкой габариты...

— Это вообще не оружие, — объяснил Фер, — это лебедка, чтобы подниматься по стенам: вначале стреляешь в карниз здания (только смотри, чтобы прочный был, не то сверзишься), потом удерживаешь эту кнопку и тебя начинает медленно тянуть вверх. Вот эта кнопка — дезактивация липучки. Не нажми ее случайно...

— Не то сверзуюсь, — закончил я фразу.

— Вниз, — дотошно уточнил Фер и подытожил: — Умный шкет, все и сам знаешь. Теперь идем в салон, гуглить будем.

Мы сели на заднее сидение машины, переложив гитару с заднего дивана в багажник. На коленях Фера оказался ноутбук с открытыми картами Google. Мы максимально приблизили виллу Рикардо Ньевеса. Изображение было мелким и размытым, однако нам удалось уяснить для себя кое-что полезное в области планировки прилегающей территории.

Хотя Доминго и не афишировал своего богатства, однако, некоторую роскошь он все же себе позволил. Пять гектаров собственной земли, огороженные двухметровой кирпичной стеной — феодальные замашки не были чужды бывшему служителю церкви. На карте стена была видна как тонкая змейка, омыкающая прямоугольный участок земли. Со спутника был также виден дом, двухэтажный и разлапистый.

Доминго жил одиноко, но берлогу себе выстроил неплохую. Должно быть, в этом доме он был не единственным обитателем: обязательно есть штат прислуги, наверное, частые приемы гостей. Или нет. Доминго живет тихой жизнью, значит если он и принимает гостей, то эти визиты связаны с его сектой. Нам будет непросто пробраться незамеченными.

— С какой стороны мы пойдём? — спросил я.

— С восточной, — ответил Фер, — та сторона, что примыкает к шоссе, слишком хорошо охраняется.

— Когда выходим?

— В три часа ночи.

— На разведку пойдём?

— Нет.

Такой вот диалог, вопрос — ответ. А на часах еще только семь вечера и куда девать оставшееся время — непонятно.

— Поспи, Гил, — предложил Фер, — а то ночка предстоит та еще.

Я последовал совету детектива: снял обувь и съежился на диване, поджав ноги. А этот шутник пусть на переднем сидении дрыхнет.

— Начали, — тихо скомандовал Фер.

Мы зашли к усадьбе со стороны леса. Отсюда нас вряд ли кто-либо ждал. Да если бы и ждал, то вряд ли бы увидел. Стояла тихая июльская ночь, тьма была крошечная, а мы с Фером предусмотрительно надели приборы ночного видения. Сейчас я видел прекрасно,

хотя и в непривычном зеленом спектре. Мы тихо подобралась к стене. Высота — два метра. Лебедку использовать не было смысла.

— Подсадить? — спросил я своего низкорослого друга. Собственный шепот показался мне самому слишком громким.

Фер помотал головой. Он прыгнул нервным — легко и высоко, зацепился за край стены, подтянулся, отжался. Сделал он это плавно и на едином движении, причем совершенно бесшумно. Хороший мне достался напарник. Я двинулся следом за ним, так же легко преодолевая преграду. Мы одновременно бесшумно спрыгнули на мягкую землю. Теперь надо было взять второй рубеж: дом.

Мы тихо побежали по земле, густо усыпанной хвоей. Вокруг нас возвышались сосны, приходилось смотреть под ноги, чтобы не споткнуться о вышедшие на поверхность корни.

Мы подошли вплотную к дому. Дом был из кирпича, на вид простой и довольно безвкусный. Вокруг дома было светло: горели фонари. Однако приборы ночного видения были качественные и потому быстро приспособились к новому освещению. Фер подал мне знак, и мы легли на землю. Сейчас было не время заботиться о чистоте сорочки.

Мы должны были выждать минимум двадцать минут. К этому неприятному, но правильному решению мы пришли, когда Фер сообщил, что объект находится под охраной “Active Guard” — частной охранной фирмы. Этот факт он узнал, читая о поместье экс-священника в полицейской базе.

Табличка фирмы, как он мне потом рассказал, висела над воротами виллы, очевидно, для устрашения непрошенных гостей. Но мы с Фером не в лес по грибы отправлялись на частную территорию, в нашу задачу входил взлом с проникновением. Мы не могли оставить без внимания столь важное обстоятельство. Фер, оказывается, отлично знал эту фирму и сказал мне, что они патрулируют отдельные земельные участки не чаще, чем раз в пятнадцать минут. Это был самый дорогой вариант охраны: мы с Фером понадеялись, что Рикардо Ньевес не поскупился на защиту своего жилища.

Мы залегли, прикрытые от посторонних глаз десятью метрами темноты и кустарником. Мы подгадали так, чтобы прийти ровно к без трех минут трем часам ночи. Естественно, ждать нам пришлось ровно пять минут. Охранники оказались предсказуемы.

Их было двое — дюжие молодцы в черных костюмах. Ребятки явно претендовали на официальность. Держались они на удивление настороженно — внимательно вглядывались в лес, держа наготове пистолеты.

Пропустив охранников и выждав для порядка две минуты, мы бесшумно встали и побежали вперед. Первый этаж наверняка имел сигнализацию, судя по тому, что решеток на окнах не было. А вот второй, скорее всего, был менее защищен от нелегального проникновения. Мы с Фером, действуя согласованно, остановились под окном. Напарник выстрелил первым: тонкий трос с тихим свистом ударился о карниз и прилип. Будем надеяться, что воровское оборудование у моего товарища на высоте.

Через десять секунд оно и вправду оказалось на высоте — Фер, толкаясь ногами от стены, поднялся вверх. Потом, зацепившись ногами за карниз снял с пояса маленький приборчик и приложил его к стеклу. Оглушительно залаяла собака, и я понял, что хотя человеческое ухо не воспринимало ультразвук, но собака успела пролаять всем и вся о прибытии чужаков. Будем надеяться, что люди сочтут собаку чересчур подозрительной. Еще через пять долгих секунд стекло разлетелось на тысячу осколков. Я мысленно порадовался, что у меня пол лица закрыто огромной маской — пара кусков звякнула о забрало.

Фер исчез в проеме окна. Через мгновение он высунул руку из проема, подняв вверх большой палец. Это означало: пора.

Я тщательно прицелился и выстрелил: липучка прилипла намертво. Я нажал кнопку поднятия и даже немного подергал за бегунок скорости. А то ведь Фер мне поставил самый низкий параметр. Идти по стене было непривычно, но несложно, поэтому я справился быстро. Когда я поднялся на нужную высоту, Фер протянул мне руку и помог залезть в окно.

Тросы мы втянули в окно, не боясь, что следующий патруль их заметит. Эти крепежи скорее напоминали лески или струны, их и днем можно было не разглядеть, что же говорить о ночном времени суток. Теперь мы приступили к выполнению самой сложной и опасной части плана.

Дом был поистине огромным, и, что самое главное, он был выстроен с точки зрения уюта. А уют — штука сложная и не подчиняющаяся разумному объяснению. Любой уют строится на принципах творческого беспорядка. Это — игра хаоса. Планировка дома, как я понял почти сразу, была на редкость запутанной. Не было длинных коридоров, свойственных полицейским участкам и городским больницам. Напротив, коридоры петляли, пересекались, упирались в лестницы — это был лабиринт. В полу встречались огромные ниши, иногда — наоборот, возвышения. Уютные маленькие комнатушки с диванчиками и телевизорами, просторные гиганты-гостиные, напоминающие концертные залы.

Фер вел меня уверенно. Даже слишком уверенно, будто был здесь не в первый раз. Я заметил, что, как и тогда, в полицейском участке, он держит правую руку согнутой в локте с поднятым большим пальцем. Приглядевшись, я пришел к интересному наблюдению: он вел меня, ориентируясь на свой палец! Когда мы оказывались у развилки его палец (видимо, непроизвольно) отклонялся в нужную сторону, и детектив сворачивал, целиком доверяясь своему необычному чутью. «А он не сумасшедший?» — подумалось мне. Я быстро осознал весь парадокс этой мысли.

Впереди раздались шаги. Наша с Фером реакция была стремительна: мы спрятались за огромным столом. Сейчас, когда на нас были приборы ночного видения, было очень непривычно думать, что вот идет перед тобой человек, и для него вокруг кромешная тьма, а для тебя — светло, как днем.

Мы высунулись посмотреть — мимо нас прошлепал босыми ногами полураздетый человек. Лет пятьдесят, обрюзгший, живот далеко впереди едет. В туалет, наверное, среди ночи приспичило. А вдруг это наш падре? Может всадить ему парочку-другую игл в шею? Три иглы — смертельная доза. Глупости. Когда это я успел стать таким циником? Да и вряд ли это Рикардо Ньевес. Наверняка кто-то из прислуги или из гостей.

Мы двинулись дальше. Еще одна развилка, коридор, по стенам висят картины. Тупик! Фер замер перед дверью. Его большой палец был полностью согнут. Пришли, должно быть.

Фер звякнул отмычкой. Возился он недолго — как заправский взломщик. Толчок, и дверь отворилось.

Это была спальня, но огромная кровать сейчас пустовала. Вдоль стены вытянулся широченный стеклянный шкаф до самого потолка, с другой стороны, у окна, стоял низенький прикроватный столик. На стене — картины и плоский телевизор. Еще была дверь на балкон.

Фер вытянул вперед руку, подняв палец. Три шага вперед. Мой друг наклонился и оттащил в сторону ковер, лежавший на полу. В полу был люк! Я разглядел тонкие очертания прямоугольника. Склонившись над люком, Фер быстро ощупал пальцами края. Никаких

петель, защелок, тайных кнопок.

Фер вскочил, рука его снова поднялась. Через секунду он подошел к стеклянному столику у кровати. Точнее, не к столику, а к стене. Потом протянул руку и потрогал розетку, в которую был включен шнур ночника. Немного подумав, Фер выдернул шнур из розетки, а потом быстро повернул ее по часовой стрелке. Затем он повернул необычную розетку на триста шестьдесят градусов в обратную сторону и вновь вернул в начальное положение. Я почти не удивился, когда люк в полу беззвучно отъехал в сторону. Мой напарник много чего умел.

Мы спустились по крутой лестнице вниз. На этот раз я не пропустил Фера вперед, а спустился первым. В этом помещении не было окон, очевидно, попасть сюда можно было только из спальни, откуда мы и проникли сюда. Больше всего помещение напоминало часовню. Место для уединенной молитвы. По стенам были развешаны иконы, было нечто вроде алтаря, Собственно, алтарь-то меня и заинтересовал больше всего, а, точнее, то, что стояло на алтаре: небольшой металлический сейф.

Фер поднял прибор ночного видения на лоб. С фонарем в руке он тщательно обследовал металлический короб. Я тоже подошел поближе. Замок сейфа напоминал домофон: цифры были от 0 до 9.

Фер указал на сейф и показал открытую ладонь с растопыренными пальцами. Пять минут? Он собирается открыть это за пять минут?!

Кудрявый взялся за работу. С пояса он снял небольшое устройство, бесформенный кусок металла, я видел только, что из него торчит металлическая трубочка и Фер не отрываясь смотрит в нее. Потом мой друг нажал первую цифру: 4. Цифр становилось все больше. Через несколько минут их стало десять. Сколько же символов в этом коде? Оказалось, двенадцать.

Замок тихо зажужжал, и дверца отъехала в сторону. Фер сунул свою трубку за пояс и выгреб бумаги из сейфа, благо их оказалось не так уж много. Фер кинул все, что было, в маленький рюкзак, который мы прихватили с собой именно с этой целью. Миссия завершена! Теперь наша цель — выйти отсюда живыми.

Мы побежали по лестнице вверх. В спальне не было никого, однако за дверью явно кто-то был. Что-то тихо зашуршало. Я вопросительно глянул на Фера, тот мне показал на балконную дверь. Крадучись, мы выбрались на балкон. Сейчас мы находились на западной стороне дома. Отсюда нам выйти будет гораздо сложнее.

С балкона мы увидели охранника, прогуливавшегося по садовой дорожке, и быстро пригнулись, чтобы не привлечь внимания. Охранник стоял спиной к нам, но мог обернуться в любой момент. Беда была в том, что мы не знали, сколько других охранников видят его с первого этажа. Если мы его пристрелим, возможно, через минуту здесь будет целая рота. Наш единственный шанс был в абсолютной секретности.

В комнате, откуда мы только что вышли, послышался шорох шагов. Судя по звуку, их было трое. Один путь нам уже отрезали. Надеюсь, эти парни не посвящены в тайну часовни, иначе сейчас весь дом встанет на уши.

Я указал рукой Феру влево. Там был второй балкон, до него было всего два метра. Напарник согласно кивнул. Мы, рискуя привлечь к себе внимание, прыгнули. Нам удалось это почти бесшумно. Теперь охранник был скрыт от нас кроной дерева, к тому же он продолжал от нас отдаляться. Пока что ситуация была под контролем.

Мы прыгнули точно так же еще пять раз, теперь мы добрались до угла дома. Дальше балконов не было. Наше положение было неприятным, потому что мы не могли узнать, что

творится за углом. Однако приходилось рисковать.

Два этажа — не так высоко. Мы слезали по очереди. Первым пошел Фер. Он перекинул ноги через отштукатуренные каменные перила на пузатых балясинах, и, развернувшись животом в сторону дома, осторожно повис на руках.

В это мгновение из-за угла здания показалась фигура. Я среагировал быстрее, чем охранник: шип вонзился точно в шею, однако он успел крикнуть. Там, за углом, мог быть и второй. Тот, кто слышал вопль первого. Я услышал, как Фер приземлился и увидел, как он отбежал в кусты с пистолетом наготове. Теперь была моя очередь подставляться под пули.

Я постарался двигаться как можно быстрее. Когда под ногами у меня оказалась пустота, а пальцы, более привычные к струнам, чем к каменным парапетам, протестующе заныли, я понял, что спуск с балкона не так уж прост, как мне казалось вначале. Подо мной было полтора метра, но когда ты висишь на руках, и знаешь, что в тебя в любой момент в тебя могут начать стрелять...

Я решительно расслабил пальцы. Падение был коротким и жестким. Я успел немного подготовиться, и потому приземлился на носки и дал слегка согнуться коленям. И сразу бросился в кусты, где меня прикрывал Фер. Но нет. Вначале я подбежал к охраннику и втянул его за руку вслед за собой. Чем позже заметят его пропажу, тем лучше.

Мы побежали вдоль южного фасада, сохраняя дистанцию в пятьдесят метров. Нас скрывал лес, однако сами мы неплохо видели ярко освещенный дом. Вот тогда-то и случилось неожиданное. Раздался тихий щелчок, и Фер отлетел в сторону, с разбегу ударившись плечом в дерево. Это был выстрел со стороны дома. Я остановился. С одной стороны, мы были под обстрелом, с другой, я должен был как-то помочь Феру. Я сделал шаг назад и услышал второй щелчок. Кажется, мимо. Пуля улетела вдаль, с сухим стуком вломившись в какое-то дерево. Если бы я не сделал этого шага, был бы, может, уже мертв. Я заметил в окне второго этажа стрелка. Почти не глядя я выхватил пистолет и пустил иглу. Я видел как серебристая молния вырвалась из дула и, бешено вращаясь, понеслась вперед.

Я чуть-чуть скорректировал ее полет, чтобы она не врезалась в толстую ветку, некстати подвернувшуюся на ее пути. А потом я нацелил ее идеально точно: под самый кадык снайперу. Я услышал крик боли и звук падающего оружия. Сейчас мои способности сработали легко и безотказно, как в полицейском участке.

— Бежим, — шепнул Фер. Он был жив!

Мы снова побежали через лес, Фер держался молодцом. Приборы ночного видения работали исправно, но теперь мой напарник спотыкался намного чаще.

Усадьба наполнилась криками: за нами началась охота. Я услышал лай собаки — той самой, что первой возвестила о нашем прибытии. В ответ ей забрехали еще две. Мы бежали на пределе скорости.

До ограды оставалось пятьдесят метров. За спиной я услышал приближающееся рычание и тяжелое дыхание. Я резко обернулся, на нас неслись трое ротвейлеров.

Я выстрелил в ближайшего и тут же понял, что у этих зверюг здоровский иммунитет. Одного попадания на такого было мало, я последовательно всадил в грудь собаки две иглы. У пса пошла пена ртом, он покатился кубарем по усыпанной хвоей земле. Однако яростная тварь все еще пыталась встать. Фер успел так же разделаться со второй собакой.

«Где третья?» — подумалось мне, и в эту секунду на меня обрушилась семидесятикилограммовая туша. Я пролетел два метра больно ударившись спиной о выступающий корень, собака приземлилась как минимум двумя лапами на меня. Из меня

выбило дух, я хрипел, пытаясь набрать воздуха в легкие. Прибор ночного видения перекосялся, однако я и без того прекрасно ощутил челюсти, сомкнувшиеся в сантиметре от моего носа. Жгучее дыхание обожгло мое лицо, однако в последний момент я сумел удержать собаку за шею. Я боролся со звериной мордой, забыв о лапах, отчаянно полосовавших мою грудь. Я услышал, как собака зарычала от боли, когда Фер выстрелил ей в спину. Воспользовавшись полусекундной паузой в атаке, я вытащил из-за пояса левый пистолет-липучку и, засунув дуло в адскую пасть, спустил курок. Это оказалось эффективнее любой иглы. Я спихнул бездыханную собаку с себя, и наша гонка возобновилась. Теперь финиш был близок.

Фер бежал быстро и невозмутимо, однако я прекрасно видел его напряженное бледное лицо и расплывающееся красное пятно на плече. Тут рана была посерьезнее, чем та, что я получил от неудачливого Мануэля Торреса...

— Подсадить? — спросил я, когда мы добежали до стены. Этот же вопрос я задал в самом начале нашей операции и тогда услышал отказ.

— Да.

Я опустился на одно колено, Фер встал на него и дотянулся руками до стены. Я обхватил его за ноги и помог ему подтянуться, буквально втолкнув на эту стену. Вниз пусть сам прыгает. Сам я полез следом, слыша за собой приближающиеся крики. За нами гналась целая орава. В стену ударилось несколько пуль, пущенных издалека и наугад. Но мы с Фером уже были вне зоны досягаемости. Машина стояла припаркованная в двадцати метрах от нас. Мы прыгнули внутрь, напарник завел мотор.

Фер сидел за рулем как мраморная статуя. Бледный и абсолютно неподвижный. Мы неслись проселочной дороге вдоль кирпичного забора. С улицы справа вынырнули три джипа. Первый из них почти успел перегородить нам дорогу, но Фер выжал газ до упора и крутанул руль влево, оставив преследователей позади. Теперь джипы неслись за нами, постепенно приближаясь. В зад машины ударилось несколько пуль. Все-таки, на проселочной дороге внедорожники показывали себя лучше «ауди».

Фер невозмутимо нажал несколько кнопок на магнитоле, загорелась голубоватая подсветка экрана. Заиграл Хоакин Родриго, «Аранхуэс», где-то в середине первой части. Я удивленно воззрился на своего напарника.

— Помирать так с музыкой, — коротко пояснил он.

Позади раздался грохот, сравнимый с громом, и в зеркало заднего вида я увидел желтое марево на миг осветлившее небо. Погони больше не было. Высказывание Фера относилось не к нам, а к преследователям. Мне вспомнилась фраза Фера: «...не считая встроенного в машину оборудования».

— Водить умеешь? — спросил напарник, когда мы выехали на асфальтированную дорогу.

— Да, — ответил я.

Фер остановил машину, и мы поменялись местами. Детектив явно слабел: я видел, как тяжело он вылез из машины и как медленно и осторожно двигался.

Я сел за руль, бегло осматривая приборную панель и рычаги. Коробка передач была ручная, но мне было не впервой. Особого опыта в вождении у меня не было, но водительские права имелись. Сейчас от меня требовалась полноценная езда, и я готов был попробовать себя. Гоняет же Фер на сто шестьдесят километров в час, неужели я не выжму хотя бы восемьдесят?

— Вначале помоги мне, — сказал Фер. Парень уже достал из ящика жгут и бинт. Под его руководством, я наложил повязку.

Ему не повезло: пуля попала точно в левое плечо, незащищенное кевларовой безрукавкой. Снайперская пуля прошла насквозь руку и вошла в бок. Она была еще там! А совсем рядом находилось сердце.

— Скатай валик под мышку, надо пережать артерию, — подсказал мне Фер.

Вместе мы перевязали его руку и перетянули грудь. Я выполнял, а напарник вяло пытался помогать и изредка давал указания. Кровь уже не текла, а так — сочилась. То ли ранка начала спекаться, то ли советы Фера по перетягиванию раны оказались необычайно полезны, или, может быть, кровь уже почти вся вытекла. Лицо моего товарища белело в ночном свете. А выживет ли он?

Я выжал сцепление и двинул палку передач вперед. Плавно отпустив педаль, я заставил машину медленно покатиться вперед. Подбавил газу и переключился до четвертой передачи. Четвертая передача — восемьдесят километров в час. На этом пока и остановимся.

— Хорошо едешь, — сказал Фер, — ездай до «Каравеллы» по навигатору. В течение дня приедет сеньор Кехт, он мне поможет.

И Фер замолчал. А я один ехал по дороге, под чарующие звуки «Аранхуэсского концерта» Хоакина Родриго и думал, что я притягиваю неприятности. Лишь бы Фер выжил.

Глава 6. Исцеление

С моими водительскими способностями дорога заняла намного больше времени, чем когда мы ехали сюда в бытность Фера за рулем. Я вел довольно медленно, на прямых же участках разгонялся до сотни километров в час. Спать мне не хотелось, хотя позади была бессонная ночь — видимо, еще не весь адреналин вышел из крови.

С того самого момента, как Фер сказал свои последние слова, он больше не подавал признаков жизни. Я иногда поглядывал на него, и каждый раз мне казалось, что лицо его было еще серее и безжизненнее, чем это было в прошлый раз. Или это только игра моего воображения?

Я вел, изредка поглядывая на навигатор, чтобы свериться с дорогой. Я превратился в машину для вождения машины — мысли покинули меня, и я методично выполнял свою работу.

Светало. На востоке показалось желтое солнце.

В без малого восемь часов утра я припарковал «ауди» перед отелем «Каравелла». Я подумал, не занести ли мне Фера на второй этаж на руках, тем более, что он, кажется, крепко спит? Но Фер не позволил: он проснулся и вяло спросил:

— Приехали?

— Да, — ответил я.

После этого Фер сам, первым, открыл дверь и вылез на улицу, прихрамывая и скособочившись, и быстро заковылял к двери отеля. Я закрыл машину и поспешил за ним. Фер сразу пошел вверх, а я взял у администратора, «телевизионной сеньориты», ключ от нашего номера.

После этого я догнал Фера и открыл ему дверь. Напарник вошел в номер и сразу направился к кровати. Я помог ему справиться с одеялом — Фер был настолько слаб, что мне пришлось помочь ему накрыться. Перед тем, как закрыть глаза Фер произнес:

— Молодец, Гил. Жди сеньора Кехта сегодня.

И замолчал.

Я решил тоже лечь. Перед сном у меня в голове шевельнулась мысль: а если Фер умрет? Его смерть будет на моей совести. Я мог бы привезти его не в отель, а в больницу и там бы ему уже сегодня провели операцию по извлечению пули. А сейчас — чертов кусок металла находится в его крови и, возможно, медленно, но верно, движется к сердцу. С другой стороны, может быть, этот Диан Кехт сам опытный хирург. Фер же сказал тогда в машине «Он меня вылечит».

С этими мыслями я сам не заметил, как заснул. Мне снился сон, удивительно яркий и правдоподобный.

В этом сне меня не было.

Во всяком случае я знал, что никто меня не может увидеть. Я был абсолютно бесплотным, бесконечно миниатюрным и одновременно таким же большим, как само время или пространство. Я был котом Шредингера. При этом я видел и слышал все.

Небольшая церковь. Потолок центрального нефа расписан сценами из жизни святых. Кажется, это были фигуры апостолов, проповедовавших христианство. Необычно высокие человеческие фигуры, облаченные в просторные белые одеяния, склонялись над толпами маленьких человечков, и соотношение между ними было как между Гулливером и

лилипутами. На огромных лицах, окаймленных желтыми нимбами, были написана доброта и сострадание. Маленькие человечки, напротив, оцетинились дубинами, мечами, многие держали в руках камни.

Я перевел взгляд на стены, увешанные огромными иконами и мраморный алтарь, над которым на цепи висел огромный крест из черного дерева. Убранство церкви было богатым и утонченным.

Маленькая церковь была полна народу. Люди, облаченные в простые белые одеяния (почти как у апостолов на потолочных фресках), чинно занимали длинные деревянные скамьи. Все взгляды были устремлены вперед, к алтарю, где и разворачивалось главное действо.

У алтаря стоял священник — в белом, как все. Я невольно удивился: обычно у священников из-под белой накидки виднеется черная сутана, но этот был в белом с ног до головы. Даже шапочка была белой. Священник был строен и подтянут, движения его были резковаты. Мне подумалось, что ему приходится сдерживать себя и двигаться медленнее, чтобы выглядеть торжественно и солидно. Лицо у священника было узкое и вытянутое. От крыльев прямого носа вниз к уголкам губ тянулись жесткие складки, придававшие лицу вид волевой и решительный. Что-то, однако, в этом лице было для меня отталкивающим. Возможно, взгляд, в котором изредка мелькало что-то жестокое и нечеловеческое.

Священник читал молитву, видимо, на латыни. Я невольно поразился той силе и страсти, которые он вкладывал в незнакомые мне слова, от которых веяло глубокой древностью. Слушатели на скамьях были также заморожены, как и я, а, может быть, и больше меня. Они сидели неподвижно — белые изваяния, и их губы шевелились, беззвучно повторяя за священником слова молитвы.

Потом прозвучало «аминь», все перекрестились, и клирик заговорил, уже не на мертвом языке Рима, а на испанском. Его слова были проникнуты все той же яростной верой.

— Братья и сестры! У меня есть для вас две новости: хорошая и плохая. Начну с плохой: я уезжаю на две недели в Британию, и потому не смогу проводить литанию в эти дни. В этот недолгий период наши собрания проводиться не будут. Молитесь, друзья мои, молитесь и верьте — и да будут ваши души совершенны. Помните, что падение старого Храма неотвратимо. Теперь — хорошая новость: мы очистили себя молитвой, и теперь души наши белы, как наши одеяния. Поэтому сегодня мы проведем обряд Сопричастности! Становитесь в очередь, друзья!

По залу прошел восхищенный шепот, я увидел, какими счастливыми сделались лица участников мессы, радость охватила всю церковь, я почти ощущал ее физически. Люди повскакивали со своих мест, началась небольшая давка, но все довольно быстро уладилось. Те прихожане, что сидели ближе к алтарю встали в очередь первыми, те кто дальше — оказались в конце.

Я смотрел на эту колонну радостно улыбающихся людей, и не понимал, что же могло так их осчастливить. Они стояли, и их свободные белые одеяния величественно колыхались, когда кто-то из них двигался.

Мой взгляд переключился на священника. Падре подошел к алтарю и склонился перед ним. Он стоял спиной к аудитории, но, очевидно, всем присутствующим был хорошо знаком этот ритуал. Священник нагнул голову еще ниже, и я заметил, что он коснулся лбом мраморной плиты алтаря, а его губы коснулись камня. И я заметил, как с его лица сошла некая тень.

Я не знал, чем можно было это объяснить, но во сне я этому совершенно не удивился. Я видел некое искривление пространства, образовавшееся над алтарем. Такое бывает, когда смотришь на горячий воздух, поднимающийся над костром или газовой конфоркой, этакое колыхающееся марево. Только в этой церкви, на алтаре, марево было живым, как будто призрачный морской анемон, вяло покачивающий гибкими лепестками. Я видел, как он слабо и беспомощно шевелит своими длинными щупальцами, число которых постоянно меняется.

Я вспомнил ощущение, которое у меня возникало от присутствия демоницы-медузы в детских снах, постарался сравнить со своим нынешним состоянием. Нет, сейчас я не ощущал страха. Тревогу, да, пожалуй, даже легкое отвращение, но не более. Интересно, это ведь не Бог и не ангел? Что-то мне подсказывало, что нет.

Священник, кланяясь, отошел от алтаря, и, когда он выпрямился, я по-новому взглянул на его лицо. Все нечеловеческое ушло, остался обычный человек средних лет, не лишенный, однако, обаяния и харизмы. Лицо клирика было торжествующим и гордым.

Церемония началась, и я довольно быстро понял ее смысл. Каждый прихожанин подходил к алтарю и прикладывал лоб к мраморной плите, многие прикладывались и губами. Каждый из них стоял у плиты не более полуминуты, а потом уходил в сторону и возвращался на свое прежнее место. На лицах этих «обработанных» светилась горделивая радость.

Я внимательно следил за Тенью. Маревое оставалось неподвижным, но я видел, как жадно охватывает оно головы участников ритуала, как пролезает в их уши, нос, глаза и поры кожи. Что оно им нашептывало? Как я не прислушивался, я не мог разобрать. Казалось, это продолжалось бесконечно.

Усилием воли я заставил себя проснуться.

Проснувшись, я помнил свой сон в мельчайших подробностях. Перед моими глазами то и дело проплывало точеное лицо священника, и марево, сошедшее с его лица, и счастливые лица прихожан, принявших присутствие марева за присутствие истинного Бога.

Мне подумалось, что этот мой сон вполне мог проявить свойства своего предшественника, и оказаться более реальным, чем обычный ночной бред. Вдруг этот священник и есть Рикардо Ньевес, а прихожане — его секта, а призрачный анемон — та самая тайна экс-священника? Может быть, это то самое, в поисках чего мы с Фером решились на такую рискованную операцию?

Фер! Я рывком сел на кровати и взглянул на экран телефона. Было полпервого часа дня. Учитывая то, что я лег спать в восемь часов утра, я проснулся довольно рано. Естественно, ложиться спать снова я не собирался. Сейчас меня больше всего заботило состояние напарника.

Я подошел к его кровати. Фер был мертвенно бледен, лежал он до сих пор все в той же позе, что и заснул. Я даже не мог сказать с уверенностью, был ли он жив.

Я рывком поднялся и стал мерить шагами комнату. Что делать?! Кудрявый умирает, а может быть, уже умер. Надо ли вызвать врачей? Я знал, что живому Феру эта мысль точно бы не понравилась. Он хотел дождаться этого Диана Кехта. А если Кехт не придет? А коль придет, не будет ли уже слишком поздно? А если будет еще не поздно, сможет ли он действительно оказать реальную помощь Феру?! Эти вопросы не отпускали меня, я судорожно искал решение. И, как не странно, оно родилось.

Я вспомнил, что сегодняшней ночью совершил чудо: я скорректировал полет пули. Я

смог не только уследить за ней мысленно, но еще и повлиять на ее движение: заставил ее обогнуть ветку дерева, а затем направил точно в горло вражескому снайперу. Я справился с этой задачей. Теперь мне предстояло новое испытание собственных способностей.

Я оглянулся по сторонам в поисках ножа. Пояс Фера! Он скинул его перед сном. Я вытащил из кожаных ножен на ремне короткое лезвие. Это был самый обычный нож, хотя лезвие его было обоюдоострым, а ручка была покрыта резиной и сделана с учетом формы пальцев. Мне такой вполне подходил.

Я подобрался к Феру слева. Казалось, мой друг спал крепко, однако я не рискнул отодвинуть его левую руку. Рука его лежала, слегка откинута в сторону, и потому я вполне мог провести свою «операцию», не прибегая к физической силе. Единственное, что мне требовалось сделать, это разрезать ножом повязку на боку. Этим я и занялся, стараясь действовать как можно аккуратнее, чтобы не разбудить Фера. Последний слой бинта, намертво приклеенный к коже спекшейся кровью, я не стал отрывать, боясь разбередить только-только закрывшуюся рану. Впрочем, именно хорошенько разбередить ее я и собирался.

Я закрыл глаза, сосредоточиваясь. Мысленным взглядом я постарался увидеть пулю, глубоко засевшую в теле Фера. Это было очень не просто.

В телекинезе есть одна сложная вещь, некий парадокс. Телекинез возможен только если по-настоящему верить в свои способности. При этом вера такой силы не может взяться из ниоткуда: ей должно быть весомое, и, желательно, регулярное подтверждение. Только тогда вера становится знанием, а уже знание, принятое сильным сердцем и подвижным умом способно изменять окружающий мир.

Поэтому у истоков любой веры лежит фантазия. Если человек умеет контролировать свой ум, он может заставить свое сердце поверить в эту фантазию точно так же, как многие люди могут поверить в себя и поднять этим собственную самооценку. Потом, когда вера подтверждается полученным опытом, она становится знанием. А то, что мы знаем, это и есть правда о мире.

Поэтому сейчас я занимался тем, что фантазировал: я пытался представить себе эту пулю, пытался вообразить след, оставленный ею внутри тела. Пытался увидеть узкий проход, заполненный ссохшейся кровью, разорванные капилляры, вены и артерии. Сейчас это было моей фантазией.

Я достал из кармана пулю Мануэля Торреса, которая несла смерть мне. Я задумался, что общего у двух пуль разных калибров, посланных в разное время в разных людей? Они несли смерть. И обе они не справились со своей задачей, но пуля, пущенная хладнокровным снайпером оказалась удачливее пули сектанта. И та, и другая были сделаны из металла, возможно, из одного и того же. Я пощупал прохладный цилиндрок в моей руке, пытаюсь настроиться на него, а затем ощутить пулю, засевшую в боку напарника.

Постепенно моя фантазия становилась верой. Я ощущал себя примерно также, как тогда, в своем сне.

Меня не было. Я был бесконечно мал, как самая микроскопическая букашка, и, одновременно, вездесущ. Я был всепроникающей мыслью.

Я легко проник через канал, залитый кровью и увидел ее. Я ощущал ее ауру, я видел ее внутреннюю сущность. Она была отлита, чтобы принести смерть. В моих силах было ей помешать.

Я потянулся за ней мыслью и ощущал. Она была длинной, легкой и острой, такие пули

делают, чтобы пробивать бронежилеты. Именно поэтому эта пуля с такой легкостью прошла насквозь руку и углубилась в тело, оказавшись лишь на несколько сантиметров выше сердца.

Я мысленно размягчил спекшуюся кровь вокруг пули. Я уже сам не понимал, где кончалась моя фантазия и где начиналась моя вера. Я не осознавал грани между знанием и истиной.

Я потянул пулю к выходу. Она ползла очень медленно, как танк, а я занимался тем, что старательно скреплял разорванные капилляры и снова заставлял заново спекаться тромбоциты. Это была адская работа, однако я чувствовал, что все делаю правильно.

Пуля ползла медленно, но верно. Мне осталось сантиметра два, когда я ощутил, что начинаю выдыхаться. Я ощутил пот, текущий по моему лицу, почувствовал, что у меня затекли ноги — ведь я сидел на четвереньках перед кроватью Фера. Мне стоило больших сил снова сконцентрироваться.

Наконец, я увидел пулю, на этот раз не мысленно, а по-настоящему. Ее конец виднелся из ранки. Не имея больше сил тащить ее мысленно, я просто аккуратно раздвинул кончиком ножа нити бинта и потянул металлический цилиндр пальцами. Очевидно, мои пальцы оказались грубее моих мыслей, потому что Фер чуть-чуть дернулся во сне. Однако, не проснувшись, и потому злосчастная пуля все-таки оказалась в моей руке.

Я облегченно вздохнул, чувствовал себя выжатым, как лимон. Кусок металла, практически полностью скрытый спекшейся кровью, лежал в моей ладони. Я это сделал! Несмотря на адскую усталость — а я еле держался на ногах, мне удалось это.

Я пошел в душ праздновать свою победу. Для начала я омыл свою добычу под проточной водой в раковине и положил ее в карман брюк. Затем скинул с себя всю одежду и хорошенько вымылся. Как же это было приятно после такой бурной ночи! Наверное, я простоял в душе не меньше получаса. Затем постирал нижнее белье, хорошенько отжал и натянул прямо в мокром виде: иной возможности освежиться у меня сейчас не было. Потом внимательно изучил себя в зеркале. Не считая оцарапанных рук, багровых синяков на груди (их мне оставил ротвейлер) и старого пулевого ранения, я был цел и невредим.

Из душа я вышел изрядно посвежевшим, хотя сейчас по всему моему телу разлилась зверская усталость.

Я сел на кровати, думая, что делать. Я хотел отвлечься, думать о чем-то легком и приятном, но на уме у меня был только Фер и этот Диан Кехт. Я думал, выживет ли первый, и когда приедет последний.

Я не мог дать себе ответов на эти вопросы. С усмешкой я подумал о получившемся «детективном треугольнике»: Фер старался разоблачить Ньевеса, экс-священник пытался убить меня, а я хотел вывести на чистую воду своего напарника. Сейчас я задумался о причине, почему я согласился на предложение Фера принять участие в его расследовании. Я уже не мог ответить с уверенностью, что мною двигало тогда, когда я принимал решение: здравый смысл или простое любопытство. Я признался себе, что все это время пытался понять, кто такой Фер и почему он не такой, как все. Мне хотелось понять, почему именно сейчас у меня начались эти пророческие сновидения, и почему в присутствии Фера мои способности к телекинезу так возрастали.

Я встал с кровати и решил действовать, а не размышлять. Фер крепко спал, даже не зная, что самая опасная часть его раны уже вылечена. А от пробитого плеча люди не умирают. Злосчастная пуля лежала в моем кармане, ничто больше не угрожало ни сердцу, ни

другим жизненно важным органам моего друга. Самое время было заняться тем, за что следовало взяться с самого начала.

Наверное, я повел себя плохо, воспользовавшись сном и слабостью детектива, но мне страсть как хотелось получить ответы на свои вопросы. Я принялся изучать вещи своего напарника. Для начала я взял со стола ключи от его машины и вышел на улицу. Маленький чемоданчик, недавно привлечший мое внимание, оказался в ящике машины перед правым сидением. Я аккуратно вытянул его из ящика и принялся дергать за защелку. Через полминуты я убедился, что замок был совершенной бутафорией и чемодан открывался совершенно другим, непонятным мне способом. Так что единственное, в чем я в очередной раз имел возможность убедиться: у Фера было, что скрывать. Но это не было для меня новостью.

Я открыл багажник, и удостоверившись, что на меня никто не смотрит, внимательно его изучил. Ничего кроме вчерашней груды оружия, я не нашел. Закрыв машину, я поднялся наверх, не собираясь отступать на половине пути. Фер спал, как и прежде, хотя мне показалось, что щеки его чуточку порозовели по сравнению с тем, что было утром,

Стараясь передвигаться как можно тише, я осмотрел стол. Бутылка «пепси», расческа, видеокамера, упаковка бумажных одноразовых платков. Мой взгляд наткнулся на небольшую книжку с закладкой посередине. Ага! Что же читает мой товарищ? Захватив книгу, я лег на кровать и включил ночник.

Книга называлась «Сиды. Логика уровней существования». Я удивился такому названию. Когда я открыл эту книгу, я быстро понял, что творение некоего Томаса Джеральда относится к жанру псевдонаучной литературы. Это было очень специфическое чтение, хотя, если честно, язык автора показался мне интересным. Идеи были абсурдны, но не были лишены основного предмета его умствований, а именно — логики. От аннотации, однако же, пахло дешевой эзотерикой:

«Что такое логика? Это система законов, по которым существует мироздание. Из этого определения следует, что в каждый мир существует по своим уникальным законам, во многом зависящим от психологии их обитателей. Книга посвящена вопросам логики и миротворчества».

Я не стал сильно вдаваться в полет фантазии Томаса Джеральда, а сразу открыл книгу на закладке. Мне хотелось узнать, что могло заинтересовать Фера в этом сомнительном произведении. Однако, когда я стал вникать в суть вопроса, я сам очень удивился, обнаружив, что листаю страницы с интересом. Книга читалась, как хорошая беллетристика, с претензией на монументальность и философичность.

Вначале мне бросился в глаза заголовок на странице: «Хрономоты царства Кронос. VII-III век до нашей эры». Это было описание народа необычных существ, отличных от людей и живущих в мире, построенном на принципиально других логических законах. Отсюда следовала несколько видоизмененная психология и строй мыслей обитателей этого мира, не говоря уже о физиологических особенностях (если у хрономотов вообще были физиологические особенности).

Хрономоты, также известные как духи времени, были теми, кого большинство людей называют демонами. По безапелляционному заявлению сеньора Джеральда, они не имели ничего общего с Люцифером и прочими адскими духами. Это была раса. Такой же, как люди, только совершенно другой: ведь с точки зрения человека хрономоты были совершенно бесплотны и невидимы.

Главная особенность этих существ заключалась в том, что для них время и пространство как будто поменялись местами. Духи времени (как следовало из самого названия) были способны путешествовать во времени, однако — были совершенно неподвижны в нашем мире. Они являлись чем-то вроде растений — невидимых человеку.

У хрономотов не было ни тел, ни голов, ни, тем более, языков. Но они, бесплотные и разумные, умели общаться с помощью телепатии. В их мысленном языке присутствовало множество глаголов движения: «ходить», «бегать», даже «красться». Хрономоты перемещались во времени, и делали это так, как будто время было для них вещественным и материальным. Эти существа отнюдь не считали себя «растениями» и не ощущали своей ограниченности: трехмерность пространства не прельщала их, им вполне хватало одномерной линии времени. Всю жизнь находясь на одном и том же месте, они могли веками изучать его историю, проводя время в созерцании. Таким образом, кое в чем этот народ все-таки превосходил нас, людей, а именно: они могли видеть и изучать нас, в то время как мы даже не подозревали об их существовании.

То, каким образом хрономоты размножались, осталось для меня тайной, покрытой мраком ужаса и завесой непонимания, хотя сеньор Томас уделил этому вопросу целую главу. Я пролистал целый десяток страниц, пытаюсь вникнуть в какие-то длиннющие математические формулы, объясняющие возникновение разума внутри времени, однако это оказалось для меня слишком заумно. Отчаявшись разобраться в этом вопросе, я приступил к следующему разделу: «Хрономоты царства Кронос».

Оказывается, у хрономотов были города, государства и прочие «территориальные» единицы. Самое крупное государство находилось в глубокой древности: примерно в VII–III веках до нашей эры. Это было царство Кронос.

Сеньор Джеральд рассказывал, что когда-то древние люди поклонялись времени. Они давали ему разные имена: в Греции — Хронос, в Римской империи — Сатурн, в Вавилоне и Ассирии — Ниниба и «Солнце ночи» Шамаш. Люди строили храмы божествам времени и молились им, и приносили щедрые жертвы.

Роль хрономотов в религиозном культе времени, сложившимся в ту древнюю эпоху, трудно было переоценить. Мудрые духи, как правило, обитали в храмах и священных местах. Пример, известный любому и в наши дни — храм Дельфийского Оракула. Людские жертвы были хрономотам совершенно бесполезны, однако льстили их самолюбию, и потому духи времени, чем могли, помогали людям. А могли они многое: ведь они умели перемещаться в будущее и возвращаться назад.

Они видели поколения жрецов, обращавшихся к ним с молитвами, разъяснявших им свои проблемы. Они знали на годы вперед, когда случится неурожай, когда придет засуха, когда прилетит саранча или когда соседское государство пойдет войной на местного правителя.

Больше всего хрономотов обитало в Греции. Там бога времени знали под именем Хронос. Под покровительством мудрого Хроноса греки стали высокоразвитым народом. Культура их переживала стремительный взлет. И тогда греки возгордились.

Что это за бог, думали они, если он безлик? Что это за бог, если он так жестоко пожирает людей — поколение за поколением? Он дарует благоденствие, но он несет смерть. Это бог смерти! Имя Хроноса стали связывать с разрушением, старением, болезнями, нищетой, самыми страшными пороками.

И люди сочинили миф, который у всех народов по своей сути одинаков: бог-сын

побеждает бога-прародителя. Жизнь побеждает смерть, а бог побеждает время, становясь бессмертным.

Так греческий Зевс побеждает жестокого Хроноса, пожравшего к тому моменту добрую половину своих детей. Поборов Хроноса Зевс воскрешает своих братьев — таким образом, победа юного бога над временем абсолютна. Философская религия времени, приравненная к культуре смерти, оказалась не в почете, уступив место культу простоватого Громовержца, метателя молний и большого охотника до земных женщин.

Хрономоты, обиженные таким отношением к себе, невзлюбили эту эпоху, оставив греков на попечение других существей — благо желающих получать жертвы всегда хватало. Им больше нравилось время, когда Хронос (которого они справедливо отождествляли со своим народом) был почитаем, потому они не желали расселяться в последующие столетия. Эти годы стали «верхней» границей царства Кронос — царства бога Хроноса, хранителя древних греков и многих других народов. Это отнюдь не означало, что в последующие столетия были совершенно необитаемы — некоторые хрономоты облюбовывали себе «приятные» временные отрезки и долгое время в них обитали. Просто царство Кронос было их любимым местом, а для большинства хрономотов — родиной. Это было их золотое царство.

«Да, странный человек, наверное, был этот Томас Джеральд» — подумалось мне. Что Фер нашел в нем? Философия, альтернативная история, другие миры и выдуманные существа. Я и сам некогда увлекался беллетристикой, только я предпочитал наличие сюжета.

А какую историю можно сложить о существах, движущихся во времени? В их действиях причины перемешиваются со следствиями, а еще они практически бессмертны и ни в чем не нуждаются. Скучно.

Я подумал, что хрономоты глубоко несчастны. Как же, наверное, бедна их жизнь! Отложив книгу в сторону, я отправился на кровать, чтобы еще раз обмозговать все прочитанное и вдуматься во множество парадоксов, который, на мой взгляд, остроумный Томас Джеральд забыл осветить.

Устроившись на подушке, я размышлял над тем, каким образом огромное число этих хрономотов, которые моему скромному воображению представлялись баранками, нанизанными на нить времени, могли свободно двигаться в одномерном измерении, не сталкиваясь друг с другом. Было в этом какое-то противоречие.

Или, например, получалась глупейшая вещь: эти духи времени могли бесконечное число раз изменять свое прошлое, причем не только свое, но и человеческое: например, хрономот в дельфийском храме мог много раз возвращаться в прошлое и давать в день жертвоприношения одному и тому же жрецу различные указания, при этом изменяя будущее. Получался полный бред.

С этой мыслью я незаметно для себя уснул.

Глава 7. Собор

Проснулся я от того, что ощутил чье-то присутствие в комнате. Я открыл глаза и моментально сел на кровати. Что-то случилось. Дверь в номер была распахнута настежь, на пороге стоял высокий широкоплечий мужчина в идеальном черном костюме. Мне в глаза бросились мягкие черты узкого лица, тонкие губы, правильный нос и живой пронизательный взгляд. Очень пронизательный. И еще я заметил, что мужчина держал в руке маленький черный чемодан.

— Сеньор Кехт? — уточнил я, вспоминая имя, произнесенное Фером.

— Да, — улыбнулся незнакомец (кстати, он говорил с иностранным акцентом), — а ты, должно быть, Гильермо. Позволишь войти?

Вопрос был явно риторический.

— Прошу, — ответил я, отчаянно вспоминая, как я мог оставить дверь в номер открытой. Я точно помнил, как закрывал ее на ключ.

Получив разрешение, незнакомец не спеша прошел в комнату и остановился у постели Фера.

Диан Кехт понравился мне с первого взгляда. Высокий и подтянутый, он явно был не молод, о чем свидетельствовало лицо, на котором залегли глубокие морщины. В коротко остриженных волосах мужчины поблескивала проседь, из чего я сделал вывод, что ему за пятьдесят. Вместе с тем, несмотря на очевидный возраст, двигался он легко и проворно. Чем-то он мне напомнил Шона Коннери из фильмов про Джеймса Бонда.

— Ух ты, Фера хорошо отделали, — заметил Диан Кехт, — мне потребуется несколько минут тишины, чтобы оказать помощь.

Я кивнул, несколько озадаченный такой самоуверенной прямоотой со стороны незнакомца. Я покорно сел на кровать, наблюдая за действиями сеньора Диана. А тот сел на край кровати рядом с Фером и взял его за руку. После этого внимательно осмотрел плечо и след раны на боку.

Потом он положил правую руку на плечо Фера, полностью накрыв рану ладонью. Так он сидел довольно долго, а по лицу его в это время блуждала лукавая улыбка. Иногда сеньор Диан искоса поглядывал на меня. Когда он отнял ладонь от плеча Фера, и я поразился: от раны не осталось и следа. И аккуратное отверстие, куда пуля вошла, и рваная рана, откуда она вышла — все затянулось, как будто ничего вообще не случилось. А еще мне показалось, что ладони сеньора Диана излучают бледное зеленоватое сияние. Но это, наверно, был полный бред, вызванный обыкновенным переутомлением. Хотя я и проспал черт знает сколько, а все еще чувствовал себя, как после экзамена, предваренного бессонной ночью.

— Я вижу, Гил, ты уже поработал над раной, — удовлетворенно заметил Кехт, изучая след пули на боку Фера.

— Да, мне пришлось оказать посильную помощь, — слабо улыбнулся я, — мне удалось раздобыть немного перекиси водорода, чтобы продезинфицировать рану.

— А пулю, ты, судя по всему, вытащил простым пинцетом, — сказал Кехт, — закрывая глаза и кладя сразу обе руки на бок Фера, — ее там нет, это я прекрасно вижу, думаю, она в левом кармане твоих брюк... Ну да ладно, главное, что ты все сделал правильно. И рану стянул отлично для первого раза. Но в капиллярах, если честно, ты оставил после себя огромную путаницу, и над пайкой еще надо поработать.

Наверное, я слегка покраснел. Я почувствовал себя очень глупо от того, что привычно соврал про свои способности. Судя по всему, Кехт прекрасно все понимал.

— Фер! — тихо позвал Кехт. Мой напарник по-прежнему неподвижно лежал на кровати, — вот гад, ушел в медитацию, — подмигнул он мне.

С этими словами он неожиданно хлопнул Фера по щеке сильным хлещущим ударом. Звук получился погромче, чем от ружейного выстрела. Это произвело потрясающий эффект: детектив рывком сел на кровати, выпучив глаза и хватая воздух ртом. Кехт, слегка откинувшись назад, сидел спокойно, как будто не при делах. Можно было подумать, он удивлен не меньше меня.

— Вы! — выдохнул Фер, хватаясь за только что излеченное плечо, — Как же я рад вам, Диан!

Они эмоционально пожали друг другу руки, причем я видел, что мой новый знакомый рад не меньше Фера.

— Диан, — воскликнул Фер, — вы, наверное, еще не знакомы с моим товарищем.

— Гильермо Ромеро, — улыбнулся Кехт, переглядываясь со мной, — начинающий практик телекинеза и телехирург. Предлагаю отметить нашу встречу.

Через полчаса мы втроем сидели в кафе (ну, если честно, не в самом ближайшем: мы успели проехать мимо двух подобных заведений, и каждый раз Кехт отрицательно качал головой).

До кафе мы добрались на машине Фера. За рулем сидел Кехт, потому что мой напарник все-таки еще был слаб. Фер решительно разлегся на заднем диване, а я сел вперед, рядом с новым знакомым. В дороге Кехт сразу начал давать мне указания.

— Когда лечишь мыслью, Гил, — начал Кехт, словно поясняя собственное недавно совершенное чудо, — необходимо положительно настроиться. Надо обязательно думать, что этот человек дорог тебе и ты готов пожертвовать ради него частью своей силы. Тогда лечение становится во много раз эффективнее и тратит на морячок меньше энергии. И старайся поменьше внимания уделять визуальному контакту: лучше вести энергию через руки. Это намного легче и не требует такой концентрации.

Я слушал Кехта молча, не останавливая, но и не переспрашивая. Так, как будто я не совсем понимал, зачем он все это рассказывает. Это было настолько необычно, встретить такого же «мага», как я. Но, по ходу, куда более опытного. Осознание, что я не один такой, требовало некоторого времени на переваривание.

Между тем Кехт попросил ввести его в курс дела и рассказать, как Фер попал под пулю. Рассказывать пришлось мне, причем я ни словом не обмолвился о том, как я в самом деле подстрелил снайпера. Фер слушал мой рассказ вместе с Кехтом, постоянно внося свои поправки и добавляя подробности. Мне было приятно слышать его здоровый, хоть и несколько более тихий, чем обычно, голос. Заодно, оказалось, что Фер взял с собой добытые нами бумаги и сейчас как раз их изучал. И по мере того, как он вникал в дело, настроение его заметно ухудшилось, уступив место деловитой озабоченности.

— Притормози, Фер, вечно ты выдумываешь проблемы, — сказал Диан, припарковывая машину у кафе, — для начала надо хорошенько поесть. Нас ждет прекрасная форель и недурственное белое.

Кафе и вправду не обмануло наших ожиданий. Внутри было чисто и опрятно. Не знаю, каким образом Диан заранее определил, что в меню будет форель, но рыба оказалась действительно вкусной, ровно как и гарнир: Фер и Диан взяли себе рис, а я итальянские

спагетти.

За нашим обедом (или ужином, ведь уже было пять часов вечера) мы не говорили о делах. Диан завел речь о гитарах, и я с жаром поддержал эту тему. Мой собеседник на удивление хорошо смыслил в этом вопросе, мы обсуждали, насколько сильно влияет катавей на звук и стоит ли резать верхнюю деку для установки звукоснимателя. В том, что резать деку не стоит, мы согласились, но Диан был приверженцем симметрии, в то время как я доказывал, что катавей просто необходим для игры с каподастром... Это был разговор ни о чем, но приятный, тем более что Кехт поименно знал лучших испанских мастеров, а с кем-то даже имел общих знакомых.

В какой-то момент мне почудилось, что Диан просто пытается произвести на меня благоприятное впечатление, беседуя на тему, которая была мне интересна. Мог Фер предупредить его, что я музыкант? Наверняка предупредил. К тому же Кехт пару раз тонко намекнул на то, что он не сомневается в моем исполнительском мастерстве. Так или иначе, ему удалось понравиться мне.

Общество Диана доставляло мне большое удовольствие, и в какой-то момент мне начало казаться, что мы с ним уже давным-давно знакомы. У этого человека была невероятная харизма.

Затем мы все-таки перешли к делу, и Фер сунул сеньору Кехту несколько листов, с которыми тот довольно быстро ознакомился. Мне же Фер объяснил все на словах.

Оказывается, в наши руки попали очень важные бумаги: это был полный список членов секты, а также контракты на закупку кое-чего крайне нелегального. Имея на руках эти бумаги, мы имели все возможности посадить Ньевеса за решетку. Я спросил Фера, как мы собираемся объяснить тот факт, что бумаги оказались в наших руках, на что мой напарник только махнул рукой и продолжил рассказ.

Религиозная организация Ньевеса имела под собой чисто экономическую подоплеку. Вступившие в секту экс-священника были обязаны выплачивать ему до тридцати процентов своих доходов. До службы допускались только те, кто выплачивал более сотни тысяч долларов в год. А «благотворительная деятельность» церкви, как выяснилось, заключалась в контрактах на закупку взрывчатых веществ и ракет среднего радиуса действия. Что собирался делать с этим грозным оружием бывший церковнослужитель, оставалось для нас загадкой. Мы с Фером сошлись на предположении, что человек, некогда звавшийся падре Доминго, замыслил теракт.

Сеньор Диан по-прежнему сидел, рассеянно улыбаясь и изредка опуская глаза на лист бумаги, который дал ему Фер. А потом сказал — тихо, непринужденно:

— Вот вы, сеньоры, сидите да гадаете, каков будет следующий ход нашего падре. А я скажу вам точно: он собирается взорвать Севильский собор, завтра в одиннадцать ноль-ноль, во время службы.

Секунд десять мы с Фером обмозговывали это безапелляционное заявление, а потом мой друг вскочил и нервно прошелся вокруг стола. Когда он вернулся на свое место, разговор продолжился, но я видел, как был взволнован Фер, и, по правде говоря, сам был взволнован не меньше:

— Вы уверены, сеньор Кехт? — спросил я.

— Сеньор Кехт никогда не ошибается, — мимоходом бросил Фер.

И тут же спросил сам:

— Откуда вам это известно?

— Поживите с мое, сами будете чувствовать такие вещи, — ответил Кехт, растягивая тонкие губы в усмешке, — Это же самое обычное, так сказать, типовое дело. Сектанты, считающие себя избранными. Вера в конец света. Закупка взрывчатых веществ. Как еще можно увязать все это в одну цельную картину?

— Они собираются ускорить наступление конца света? — спросил я, опередив Фера. Видя одобрительный взгляд Диана, я продолжил, — Севильский собор — третий по размеру в Европе. Но зачем им взрывать собор?!

— Испания — страна самого яростного католицизма, заметил мой напарник, до этого мрачно молчавший.

Мы с Фером пытались понять ход мыслей Диана, а сам Кехт допивал маленькими глотками вино, весело поглядывая на нас.

— Если бы кто-то хотел устроить конец света, — начал Кехт, видимо, потеряв веру в нас, — то ему понадобилось бы очень много взрывчатки. Столько не скупить ни Биллу Гейтсу, ни Илону Маску. Если бы я преследовал эту цель, я бы постарался спровоцировать ядерный конфликт между сверхдержавами. Но падре действует не по принципу эффективности, а исходя из своеобразной эстетики.

— Он хочет развязать войну из-за религии? — хмыкнул Фер.

— Можно взорвать Ватикан, — продолжил Диан, и в его голосе мне почудились нотки мечтательности, — можно взорвать собор святого Павла. На кого спишут эти взрывы? Тот же час повесят все грехи на Алькаиду, потом припомнят покушение на папу Павла, а затем — все покатится под откос. Французы начнут расстреливать арабских эмигрантов, в ответ в Египте вырежут всех туристов. А потом, если взорвать какую-нибудь известную мусульманскую святыню, скажем, Софию, можно смело одевать на голову каску и прятаться под тот самый писсуар, в который «никто никогда еще не попадал». Потому что война будет обеспечена, война, сочетающая в себе ужасы Второй Мировой и романтику Крестовых походов.

Эти слова звучали страшно, и даже не потому, что все они являлось реальностью. Реальность часто бывает ужасной, но она нас не волнует. Когда мы смотрим по телевизору сообщения о беспорядках в других странах, о наводнениях и пожарах, обрывающих тысячи жизней, мы редко сильно переживаем. Потому что все эти смерти происходят далеко и, по сути, нас не касаются, тем более что мы ничем не можем помочь умирающим на другой половине планеты людям. Сейчас все было иначе: взрыв мог прогреметь в моем родном городе, с моего ведома и как будто бы, по моей вине...

— Каковы наши планы? — спросил я.

— Бомба, скорее всего, уже заложена, — сказал Фер, — надо гнать в Севилью.

— Может быть, стоит позвонить в полицию? — на всякий случай уточнил я.

Диан и Фер переглянулись, а потом Фер расхохотался, потрянув лохматой головой.

— Позвоню Сальвадору, пусть пришлет парочку жандармов. И пусть отправит информацию во все испанские аэропорты, чтобы ни в коем случае не дать нашему падре покинуть страну.

Мы опять неслись по шоссе, только сейчас нас было трое, а не двое. Фер, окончательно пришедший в себя, сидел за рулем. Ранение не повлияло на его любовь к высоким скоростям, а сейчас его водительское искусство было нам только на руку.

Диан Кехт сел назад. С появлением этого человека мне стало спокойнее. Глядя на его

уверенные движения, невозмутимые английские манеры (оказалось, Диан был родом из Ирландии — вот откуда был этот смешной акцент), на черный, словно космическое пространство, смокинг и ванильного цвета рубашку, мне думалось, что этот человек знает, что говорит и что делает.

Да и на Фера, чего уж там, можно было положиться. Он был парень, что надо. Чего только я никак не мог понять, как Фер умудрялся ориентироваться в незнакомых местах с помощью руки. А не задать ли ему этот вопрос прямо сейчас? Почему нет? Не захочет отвечать — перейдет на другую тему.

— Это мое врожденное умение, — ответил Фер на удивление легко, — очень удобная штука. Я могу найти все, что мне угодно практически на любом расстоянии.

— Это называется биолокация, в народе — лозоходство, — вмешался в наш разговор Диан, — Фер — один из лучших в мире биолокаторов.

— При чем здесь лоза? — поинтересовался я.

— Видишь ли, — начал объяснять Кехт, — большинству людей с этим даром, чтобы определять направление поиска предмета необходим какой-нибудь гибкий прут — виноградная лоза или, на худой конец, веточка ивы. Прут берут в руку и мысленно настраиваются на предмет поиска, и в умелых руках он сам собой склоняется в нужную сторону. Но наш Фер настолько силен, что ему достаточно поднять палец.

Уххх! Я переваривал все сказанное. Звучало невероятно, но было похоже на правду. Я слышал подобные истории. Например, про то, что есть люди, которые определяют место для бурения скважины при помощи двух кусков проволоки. Действительно, незаменимое умение для детектива.

Во мне по-прежнему бурлила тьма вопросов. Предположим, Фер обладал уникальной способностью: он мог найти, что угодно на любом расстоянии. Я не мог объяснить это умение никакими понятиями физики. Никакие электромагнитные волны, никакие атомы не могли дать ему такую силу. Однако, я не сомневался в его способностях, потому что неоднократно был свидетелем действенности этого приема. Несомненно, его сила была родственна моей, но — совершенно другой.

У Кехта тоже была сила, причем, как мне почему-то казалось, сила невероятная. В этом человеке чувствовалась огромная энергия, вот, наверное, почему он мог лечить людей, восстанавливая поврежденные кожные покровы и даже кости. Сила целителя. Наверное, его способность тоже была близка моей — ведь и я мог соединять капилляры и заставлять сворачиваться кровь. Просто пока что я делал это неумело и на многие порядки хуже, чем Диан.

Передо мной начинала вырисовываться некая картина. Я пока не торопился делать выводы, однако многое уже становилось на свои места. Кехт и Фер были хорошо знакомы, похоже, они даже работали вместе. И оба они были самыми необычными людьми, которых я когда-либо встречал.

Наша встреча не могла быть случайной. В голове пронеслось «Целитель, биолокатор и телекинетик заходят в бар...»: звучало, как начало анекдота. Люди с такими способностями очевидно редки: возможно, десяток другой на всем земном шаре. Значит, гипотеза о неслучайности намного правдоподобнее противоположной версии.

Пока я варился в собственных мыслях, Фер успел переговорить с Сальвадором с высылке подкрепления. Переговоры дали положительный результат, и нам пообещали незаметно выставить полицейское оцепление вокруг собора. Заодно Сальвадор высказал

предположение о возможном нахождении бомбы.

Оказывается, твердый грунт под собором был пронизан подземными ходами и катакомбами. Еще в начале пятнадцатого века, когда Севильский собор только строился, тайным приказом капитула под ним были вырыты подземные кладовки, использовавшиеся в качестве сокровищницы.

Сокровищ в Севильском соборе всегда хватало, потому кладовок становилось все больше, пока, наконец, под собором не образовался целый подземный лабиринт. А когда Хуан де Эррера начал проектировать свой знаменитый Архив Вест-Индии, церковники поручили ему включить в проект подземный ход до собора, кончавшийся (или начинавшийся) в уже готовых катакомбах.

К тому времени Реконкиста уже давным-давно закончилась, а Гранадский эмират уже давным-давно сдался на милость испанских рыцарей. Однако у Испании хватало внешних врагов, поэтому ход готовили на случай войны: вдруг пригодится. Хотя нового конфликта с арабами не случилось, во внутренних усобицах Испания никогда не испытывала недостатка. Так что работа землекопов не пропала даром: в самом начале семнадцатого века по приказу великого инквизитора ле Гуэвары ход был расширен и разветвлен. Там было организовано секретное логово священной инквизиции. Были установлены пыточные механизмы, тюремные камеры и прочее оборудование.

Об этом подземном лабиринте было мало кому известно, туристов туда не водили, но, будучи деятелем церкви, Ньевес вполне мог знать о нем и воспользоваться им для осуществления своего плана. Мы должны были помешать ему взорвать собор любой ценой.

Через десять минут мы на полной скорости влетели в центр Севильи. Здесь нам пришлось серьезно сбавить скорость — не хватало, чтобы еще сальвадорovy подчиненные оштрафовали нас за превышение скорости.

Фер остановил машину на площади Триунфо, у самого подножия собора. Нас спасло то, что сейчас был будний день, иначе мы ни за что не отыскали бы парковку. Мы вылезли из машины, и Фер сразу же повел нас в нужном направлении.

Я был здесь миллион раз. Это был исторический центр Севильи. Широкая площадь была замощена серой плиткой. Слева от нас на небольшом отдалении стояло приземистое двухэтажное здание Архива Вест-Индии. Белое здание, имевшее форму куба со срезанным на две трети верхом, изначально было предназначено для купцов Вест-Индской кампании, привозивших из-за Атлантики серебро и пряности. Только чужое серебро сыграло с Испанией злую шутку — слишком значительная часть экономики зависела от внешнего притока драгоценного металла. В результате бездарной политики королей Испания растеряла былое могущество, а Севилья из богатейшего города Европы превратилась в один из провинциальных центров разоренной страны. Но здание Архива осталось, напоминая Севилье о былом величии. Сохранился и внутренний дворик Архива — вечно затененный прямоугольник живой земли в царстве белого камня.

А впереди над нами величественной мрачной махиной возвышался Санта Мария де ла Седе, острым пиком смотрела вверх знаменитая башня Хиральда. Многие говорят, будто именно Севильский Собор — сердце Испании. В какую больную голову могла прийти кощунственная мысль взорвать это великолепие?

Быстрым шагом мы направились к колоссальной постройке, выполненной в готическом стиле, которую с такого расстояния было невозможно охватить взглядом.

Севильский собор представлял собой огромное сооружение, имевшее в плане простой

четырёхугольник. Длинная сторона выходила роскошным фасадом на улицу Фрай-Сеферино, в то время как короткая, вдоль которой мы сейчас шли, тянулась вдоль вытянутой площади Триунфо. Над нами возвышалась стометровая громада Хиральды, древней башни, венчавшей северо-восточный угол собора.

Главный вход, естественно, был с Фрай-Сеферино, и если бы мы вошли, то, я, наверное, в который раз поразился бы масштабам пятинефного собора и богатству его убранства, витражам на его окнах и великолепию его золоченого алтаря.

Но нас интересовало сейчас совершенно другое. В Севильском соборе был небольшой внутренний дворик. Это было все, что осталось от сада, разбитого там еще много веков назад арабами. Тогда вместо Севильского собора на этом месте стояла легендарная Большая мечеть, а Хиральда была не колокольней, а минаретом, и еще не была надстроена. Но маленький кусочек старинного сада пережил огонь религиозных войн, и древние оливы глубоко впились в землю, насквозь пропитанную запахом древности. Если подземный ход и вправду имел место быть, то начало его должно было находиться именно в этом саду.

Фер уверенно вел нас по широкому тротуару вдоль собора. По дороге я заметил нескольких здоровенных парней и подумал, что хоть они и не в штатском, наверняка это и есть сальвадоры молодцы. Фер, сосредоточенный на своих ощущениях, прошел мимо них и даже не заметил, а Диан приветливо и чуть насмешливо кивнул им. Словно матерый волк посмотрел на дилетантов.

Мы уверенно свернули направо, следуя за Фером. И уткнулись в запертую железную дверь, злобно ошестинившуюся шляпками кованых гвоздей.

— Приехали, — сказал наш биолокатор, бессильно дергая за медное кольцо, удерживаемое львиной пастью. Дверь была заперта, а чтобы открыть такую нужно было время. Фер вытащил из кармана звякающую связку отмычек и начал подбирать нужную.

А Диан Кехт сделал шаг вперед из-за моей спины и приблизился к двери, словно прислушиваясь, к чему-то. Затем он улыбнулся и поднял голову. Навстречу нам по улице спешили четверо мужчин. Впереди суетливо перебирал короткими ногами невысокий толстячок в черной кожаной куртке.

— Сал, привет, старина! — радостно закричал ему Фер издали, проворно пряча отмычки в карман.

Услышав это сердечное, обращение толстяк побагровел, и, подойдя, крепко врезал Феру под дых.

— Сколько раз просил не звать меня так при подчиненных?! — яростно спросил он моего согнувшегося пополам (то ли от удара, то ли от смеха) напарника.

— Эээ... здравствуйте, уважаемые, — отдуваясь поприветствовал толстяк Кехта и меня, — Я Сальвадор Альварес, шеф севильской полиции.

Сальвадор Альварес был отнюдь не молод, и, должно быть, любил плотно покушать, о чем свидетельствовало выпирающее вперед пузо и пухлое лицо с глубоко посаженными темными глазами. Однако он явно был деятелен и скор в принятии решений, о чем свидетельствовала быстрота его реакции на звонок Фера. Говорил он быстро и явно взволнованно, иногда немного заикаясь.

Для начала он пожал руки нам троим — вначале Феру (наконец, разогнувшемуся), потом Кехту, а затем и мне. Его узкая ладонь оказалась неожиданно сильной, так что моя рука чуть не оказалась раздавленной в этих тисках. Я сразу проникся к нему уважением.

Двое его сопровождающих тоже поздоровались, да так и остались стоять в сторонке.

Третий был одет в черную рясу, выдававшую в нем священника.

— Это падре Луцио, — представил нам Сальвадор своего спутника, — он будет нашим проводником в катакомбах.

Священник степенно кивнул нам, доброжелательно улыбнувшись. Я обратил внимание на его округлое лицо с выступающими скулами и серые, как будто прозрачные глаза, глядящие на нас сквозь толстые стекла очков.

— Епископ был против такого вторжения в дела церкви, — смиренно произнес клирик, — но, учитывая сложившиеся обстоятельства, мы просто не имели права пренебречь вашим предупреждением. Милости просим.

С этими словами он достал из кармана огромный черный ключ и начал возиться с дверью. Наконец ключ дважды провернулся, щелкнул замок, и священник вместе с шефом полиции навалились на тяжелые створки.

— Прошу, сеньоры, — пропыхтел падре, вытирая со лба выступивший пот, когда дверь, наконец, отворилась.

Мы оказались под сводом высокой каменной арки, впереди было открытое пространство внутреннего сада. Вслед за священником мы вошли в тенистый двор, где в огромных каменных чашах росли трехсотлетние оливы — краса и гордость Испании. Здесь было тихо, сыро и мрачно — слишком уж гнетущими казались уплывающие ввысь стены собора, окружавшие нас со всех четырех сторон.

Завернув за неприметный угол, священник привел нас к невысокой окованной железом двери, такой же, как предыдущая, открытая нами, только размером поменьше. Вытащив из кармана новый ключ, священник щелкнул замком и приглашающе махнул нам рукой, ведя за собой в темный провал.

Да, мрачное место выбрали церковники для своих сокровищ, а господин де Гуэвара небось заработал себе хронический бронхит, постоянно находясь в этом подземном холодильнике.

Впрочем, темный проем оставался таковым совсем недолго: нажав на неприметный тумблер где-то слева на стене, священник включил скудное освещение. Стилизованные под древние подсвечники лампы выхватили из тени очертания прямой длинной лестницы, ведущей вниз.

Тут Диан Кехт грациозным движением снял с себя пиджак.

— Уважаемый, — обратился он к одному из амбалов Сальвадора, — вы не поддержите это, пока мы будем обследовать подземелье? Будьте аккуратны, это монгольский кашемир.

Остолбеневший полицейский так и застыл по стойке смирно с пиджаком на вытянутых руках, как будто боялся сам его испачкать.

— Нам стоит пойти впятером, — объяснил Кехт, встречая вопросительный взгляд шефа полиции, — вы, мы трое, — он махнул рукой в сторону Фера и меня, — и, конечно же уважаемый падре.

— А, понимаю, — многозначительно улыбнулся Сальвадор, — у вас же свои возможности.

Эта улыбка немало удивила меня. Получается, полицейский был в курсе способностей Фера и Диана, да еще и мне, похоже, приписал кое-что. Странные дела творились.

— А вы, падре Луцио, — обратился Кехт к священнику, — вы человек глубоко духовный, а наша операция может быть связана с делами земными и материями косными.

Поэтому вы пойдете не впереди, а между нами. И еще одно правило: ни единого слова, когда мы спустимся в подземелье. На всякий случай, возьмите этот пистолет, он стреляет парализующими иглами.

Священник слушал речь Диана молча, но я почувствовал, как он напрягся. Внушительный вид ирландца не допускал никаких пререканий и потому священник, явно порывавшийся сказать что-то против, только и сумел, что впустую выдохнуть воздух, взятый для возражений. С Кехтом было трудно поспорить. Но пистолет он взял — с показным отвращением к орудию убийства.

— Фер, ты вперед, падре Луцио, вы идете вторым, я — следом за вами, Гил, ты четвертый, Сальвадор — замыкаете, — отчеканил Кехт тоном командира. Никто не имел возражений по поводу места, отведенного ему в нашей процессии. Только священник с постной миной на лице неприязненно блеснул толстыми стеклами очков.

В моей руке оказался маленький игольчатый пистолет, кажется, тот самый, который был при мне во время нашей с Фером операции. Рукоять привычно легла в мою ладонь, и мне подумалось, что сегодня мне, может быть, снова придется мысленно управлять полетом игл. Подумал я об этом как-то очень буднично и просто, словно это для меня уже было не в новинку. Кажется, во мне зарождалась крепкая вера в свою телепатическую силу. Сознание этого было приятно.

Фер, вытянув вперед руку, начал спуск по лестнице. Операция началась. Передо мной шагал Диан Кехт, причем в его руках не было оружия. Ирландец шагал размашисто, но совершенно бесшумно, словно кот на охоту вышел. За мной уверенными маленькими шажками двигался Сальвадор, переставший пыхтеть и отдуваться. Должно быть, шеф полиции еще не научился ходить на настоящие задания.

Падре Луцио шагал за Фером, часто оступаясь и, по-моему, производя шума больше, чем мы четверо вместе взятые. После одного особенно громкого спотыкания Кехт мягко опустил руку ему на плечо. Я видел, каких трудов стоило падре удержаться на ногах. После этого священник шел, внимательно глядя под ноги.

Пока что мы шли по узкому коридору, пол ощутимо наклонился вниз. В метре над нашими головами навис тяжелый каменный потолок, грубо обработанные стены давили нас сыростью и холодом. Однако в крови у меня медленно закипал адреналин, и потому холода я не чувствовал.

Это были не роскошные нефы Севильского собора. Это была его изнанка, то, что не предназначалось глазам посторонних. Петляющие полутемные узкие коридоры, уходящие влево и вправо запертые двери, за которыми хранилось имущество церкви. Священник пару раз, потрясая связкой ключей, жестами предлагал нам проверить эти ответвления, но идущий позади него Диан Кехт каждый раз молча подталкивал падре вперед. Не очень-то ирландец был вежлив с посланцем епископа.

Мы быстрым шагом двигались по бесконечным петляющим коридорам. Фер уверенно вел нас к нашей цели. И чем дальше мы шли, тем более нервной казалась мне походка падре. А когда мы уверенно преодолели очередную развилку, случилось непредвиденное.

Падре Луцио вскинул руку с пистолетом и выстрелил в спину Феру. Мой напарник качнулся и кувыркнулся вперед, а в руке Диана откуда-то возник пистолет и его пушка мгновенно уперлась в шею отчаянно трепыхавшегося священника. Подоспевший из-за моей спины Сальвадор молча кивнул, и Кехт, рывком развернув к себе клирика, вlepил ему пощечину. Сегодня этот нехитрый прием разбудил Фера, но сейчас получилось иначе: звука

практически не было, только короткий глухой шлепок. И клирик молча осел на землю. Он был без сознания.

Кехт молча взглянул на Сальвадора и развел руками, шеф полиции снова мрачно кивнул. Все и так было ясно. Луцио был предателем, связанным с террористами. Он хотел оттянуть время, но видя, что мы не ведемся на его хитрости, решил убрать нашего проводника, Фера. Только Кехт предусмотрительно дал ему незаряженный пистолет. Уж не знаю, как он сразу раскусил этого священника.

Фер, живой и невредимый, повел нас дальше. Мы спускались все глубже в подземный мир, и, если я еще не совсем потерял ориентацию, находились прямо под собором. Впереди был крутой поворот налево. Тогда-то в дело снова вступил Кехт.

Положив руку на плечо Фера, он сделал ему какой-то знак, а потом, повернувшись ко мне и Сальвадору приложил палец к губам: впереди опасность.

Кехт по-кошачьи подкрался к острому каменному выступу и замер. А затем неожиданно вскинул руку с пистолетом и, не глядя, выстрелил за угол. Послышался звук падающего тела и тихим всплеском пронесся по коридору приглушенный шепот. Я почему-то подумал, что наших противников должно быть четверо, как и нас.

Кехт махнул рукой, и мы, крадучись, двинулись за ним. За поворотом никого не было, ну или почти никого. На небольшом отдалении справа виднелся черный неосвещенный провал — видимо, очередное ответвление коридора или чья-то гробница. Рядом с этим провалом в неестественной позе лежало тело. Это был тот, кого подстрелил Диан. Интересно, ирландец стрелял парализующими иглами или все же настоящими пулями?

Сеньор Кехт шел медленно и спокойно, а когда из проема вылетел крупный мужчина с огромной черной пушкой, ирландец прострелил ему руку раньше, чем тот успел даже толком нас разглядеть. Мне даже показалось, мой новый знакомый выстрелил раньше, чем бедолага показался из своего укрытия. Сеньор Кехт был не только прекрасным целителем.

Мы медленно продвигались по коридору, держа наготове пистолеты. Сальвадор на всякий случай заглянул в черный проем, но не нашел там ничего, кроме белокаменного саркофага. Я заметил, что ни Кехт, ни Фер не стали проверять этот проем, и мне было совершенно непонятно, как они поняли, что там никого нет.

Переступая через тела двух террористов, я взгляделся в их лица. Хотя их мышцы и были сведены судорогой паралича, а лица перекошены безумием, они тоже были людьми. Что могло их толкнуть на этот очевидно ложный путь? Мне вспомнился мой последний сон, в котором я видел тайную церковь и алтарь с восседающей на нем тенью-анемоном. Быть может, в моем сне как раз содержался ответ на этот невысказанный вопрос?

В следующий раз нас атаковали сразу двое. Они одновременно выскочили из расщелин по бокам коридора. Еще за десять секунд до этого Кехт тронул за плечо Фера и указал ему направо. Теперь эти двое среагировали молниеносно: левого уложил Кехт, а правого Фер. Я видел, как Сальвадор потрясенно покачал головой, глядя на эти чудеса владения оружием.

По несколько ускорившимся движениям Фера я понял, что нам уже осталось немного. Впереди показалась очередная развилка. Мы свернули влево и увидели массивную черную дверь.

Кехт и Фер переглянулись, а затем ирландец сделал знак Сальвадору — приложил ладонь к носу. Шеф полиции сразу все понял и снял со спины ранец. Через несколько секунд мы все были снабжены противогАЗами.

Я с трудом натянул на голову тяжелую маску, закрывающую полностью не только лицо,

но и затылок. У противогаза был отвратительный обзор: скосив глаза я легко мог увидеть границу стекол очков. Было очень неудобно и непривычно, маска сдавливала голову, а воздуха через фильтры поступало, по-моему, вдвое меньше нужного объема. Я чувствовал, что не протяну долго в этом издевательском агрегате, так что оставалось только надеяться, что Кехт знал, что делал.

Ирландец приложил руку к поверхности двери, и замок сам собой щелкнул (Что это было? Уж не телекинез ли?). После короткого и сильного толчка дверь отворилась и мы четверо оказались в просторной комнате.

Похоже, здесь мало что изменилось со времен славного сеньора де Гуэвары. Мне сразу бросилась в глаза клетка, грубо скованная из железных прутьев, как раз такого размера, чтобы в нее можно было посадить скрючившегося в три погибели человека.

Рядом стояло другое ужасное приспособление, в котором я узнал дыбу. пытка дыбой заключалась в том, что человека медленно поднимали на веревке за связанные за спиной руки. В результате у несчастного еретика вначале ломались локтевые суставы, а затем плечевые.

Был здесь и испанский воротник — тяжелая деревянная колода, одевавшаяся на шею. На внутренней стороне колода была покрыта острыми длинными шипами. Суть мучения заключалась в том, что истязаемый не мог уснуть в таком воротнике, не пропорыв насквозь шею, поэтому был вынужден все время стоять или сидеть. Если, конечно, хотел выжить.

А еще в комнате стояло то, ради чего мы сюда пришли: бомба. Массивный склад кирпичей, с одной лишь разницей, что кирпичи были не глиняные, а тротиловые. Вполне возможно, что их и доставили сюда совершенно открыто — на тачках, под видом стройматериала для ремонтных работ в катакомбах.

Сеньор Кехт и Фер действовали стремительно и профессионально. Для начала они обошли тротиловую гору со всех сторон, затем Фер осторожно отложил в сторону несколько кирпичей и обнаружил детонирующее устройство.

Формой и размером детонатор напоминал обычный будильник. На передней панели находилось всего несколько кнопок и маленький красный дисплей, по которому медленно бежали цифры таймера обратного отсчета. Девять минут сорок три секунды. Мы успели очень даже вовремя.

Затем последовала довольно долгая работа: миниатюрным резакон Фер осторожно срывал с устройства обшивку, обнажая провода. Затем Фер провел свою биолокационную экспертизу. Переглянулся с Кехтом, тот утвердительно кивнул. И Фер обрезал ярко желтый провод.

Глава 8. Погоня

— Там был зарин, — объяснил мне Кехт, когда мы выбрались из подземелья.

— Что? — не поняв, переспросил я.

— Боевой газ. Мгновенно расслабляет все мышцы человека: сердце, легкие, даже мочевой пузырь. К тому же абсолютно бесцветен.

— Понятно, — кивнул я, снимая с головы противогаз.

Мы снова вернулись во внутренний двор Севильского собора. Опасность была позади. Бомба была обезврежена, дело осталось за молодцами Сальвадора: теперь им предстояло ликвидировать этот склад тротиловых кирпичей и тела террористов (эх, все-таки Кехт стрелял настоящими пулями). Работенка была незавидная: от подземелья веяло стужей и сыростью. Но такова работа полицейских, следить за порядком в любых обстоятельствах.

Все мы были в необычно приподнятом настроении, за исключением Кехта, для которого приподнятое расположение духа, судя по всему, было типичным состоянием. Потому его всегдашние шутки не воспринимались нами как нечто из ряда вон выходящее. При этом сам я ощущал, что моя душа прямо сейчас готова с непотребными воплями унести в зеленый садик под названием рай, в котором, по общепринятому мнению, обитают дивные гурии и никогда не пустеют кувшины с вином. Фер пожимал плечами, будто хотел танцевать, а Сальвадор хоть и сохранял внешнюю серьезность, то явно единственно по причине присутствия здесь его непосредственных подчиненных.

Один из амбалов (стоявший в той же позе, что мы его и оставили) протянул Кехту его пиджак из монгольского кашемира, и ирландец широким круговым движением вддел руки в рукава.

Тут у Сальвадора зазвонил мобильный телефон. Шеф полиции ответил немедленно, и, по мере того, что он слушал, лицо его багровело.

— Что? Упустили? — гневно переспросил он в трубку, — Куда?.. Ах, черти вы несносные...

— Рикардо Ньевес улетел в Рим, — объяснил нем шеф полиции. Вчера, ночным рейсом.

Пару секунд Диан Кехт молчал, обдумывая услышанное. На его лице отразилось лишь легкое удивление.

— Оставьте это нам, Сальвадор, — улыбнулся он полицейскому, — Мы вылетим в Италию немедленно, и я сейчас же свяжусь с итальянскими властями и Ватиканом с просьбой о повышении мер безопасности. И еще, Сальвадор, я хотел бы отдать вам бумаги, которые позволят доказать причастность Рикардо Ньевеса к минированию собора. Проводите нас до машины, все документы там.

Вчетвером мы шли к синему «ауди». Мы шагали по вытянутой вдоль восточной стены собора площади Триунфо. Впереди били струи фонтанов, и возвышалась четырехгранная стелла из бежевого камня. Сейчас на площади было пусто, но народ все же был. Эти люди гуляли по площади или спешили по своим делам, и они не догадывались, что в это самое время Севильский собор мог взорваться, если бы не вмешательство Диана Кехта и Фернандо Мигуэля.

Неожиданно до меня со всей остротой дошло: мы с Фером уже не были напарниками. С самого приезда Диана Кехта все проблемы как будто бы сами собой разрешились: ирландец с легкостью разгадал планы Ньевеса, разметал четверых террористов, а сейчас собирался

лететь в Италию, чтобы, наконец, завершить это дело. Я был уже не нужен, скорее даже, я был обузой для этой давно уже спевшейся парочки. Я почувствовал, что мне пора домой.

Я все еще чувствовал эту волну радости, но к ней начинала примешиваться грусть. Я достал телефон. Там была куча сообщений от Мартина, Аники и других моих приятелей. Была пара пропущенных вызовов от родителей. Определенно их пора было навестить. Только вот рассказать им ничего не выйдет.

Вместе с Сальвадором я проводил Фера и Диана до машины. Ирландец выдал шефу полиции папку с бумагами из сейфа Ньевеса, тот принял ее без каких-либо вопросов и, шутливо козырнув, поспешил назад, туда, где его подчиненные уже перетаскивали тротил в полицейский фургон. Фер сел в машину на водительское место, а Кехт, видимо заметив некоторое мое замешательство, задержался, выжидательно посмотрев на меня.

— Садись, Гил, — пригласил Кехт.

— Сеньор Кехт, — отчеканил я, — думаю, мне пора домой.

— Зачем? — удивленно поднял брови ирландец.

— Я больше ничем не могу вам помочь.

Кехт долго смотрел мне в глаза, так долго, что мне стало тяжело выдерживать его взгляд.

— Я понимаю, — медленно начал Кехт, — У тебя своя жизнь. Друзья, гитара-фламенко, университет, танцы в ночных клубах. Но сейчас та точка, когда ты можешь повернуть свою жизнь очень круто. Ты сам как? Хочешь лететь со мной и Фером в Италию?

Я молчал, не зная, как ответить на его вопрос. Что в данный момент значило мое желание? Ровным счетом ничего. Я вправду хотел отправиться в такое путешествие, но мне было бы неприятно быть обузой на чьей-либо шее.

— Гил, — сказал Кехт и вытащил из кармана три бумажных прямоугольничка, — знаешь ли ты, что это такое?

— Банковские карты, — ответил я, — но...

— Неверно, — неожиданно резко ответил Кехт, — это состояние Рикардо Ньевеса. Точнее — деньги с его счетов в различных банках. Наши хакеры уже выдернули зубы змее. И я считаю, ты заслужил свою награду.

Я молчал, недоумевающе глядя на Диана Кехта, а тот продолжил.

— На каждой этой карточке по десять миллионов евро. И одна из них — твоя. Сейчас, Гил, у тебя есть выбор, — сказал Кехт, — свои десять миллионов ты заработал, и, если ты действительно хочешь, ты можешь вернуться к прежней жизни. Этих денег тебе хватит надолго. Я и Фер — мы очень благодарны тебе за ту помощь, которую ты оказал нам и нашему делу.

— Какому делу? — спросил я. Получилось резче, чем хотелось, — я не знаю ничего ни о вас, ни о Фере, куда я, по-вашему, могу с вами ехать?

— А ты хочешь знать? Хочешь ехать со мной и Фером?

Кехт испытующе смотрел на меня, облокотившись локтем на крышу синего «ауди». Я молчал долго. А потом коротко ответил:

— Да.

— Вот и прекрасно, — удовлетворенно произнес Кехт, — Тогда летим в Рим. Время дорого.

— Но, сеньор Кехт.

— Что еще?

— Я предполагаю, что следующий взрыв произойдет в Британии.

Пока мы ехали в аэропорт, мне пришлось во всех подробностях пересказать свой последний сон. Мы с Кехтом сидели на заднем диване, и ирландец изучающе смотрел на меня, пока я рассказывал ему про тайную службу в церкви Рикардо Ньевеса и тень-анемона на алтаре. Особенно Кехта заинтересовала эта самая тень.

— Ты сам-то что думаешь по этому поводу, Гил? — поинтересовался у меня он, когда я закончил рассказ.

Сам я много чего думал, потому что пока я вслух вспоминал свое видение, мне в голову пришла удивительная мысль. Как я раньше до этого не додумался?! Книга Фера про загадочный народ хрономотов. Могло ли это быть связано с моим сном? Но тогда мне надо дочитать ее до конца, чтобы утвердиться в своих только-только назревших предположениях.

— Я думаю, что следующей целью Ньевеса станет либо Солсберийский собор, либо собор Святого Павла в Лондоне, — ответил я на вопрос.

— Это потому что Рикардо в твоём сне сообщил о своем отбытии в Англию... — задумчиво произнес Кехт, — Боюсь, ты прав, Гил. Позвоню-ка я кое-кому по этому поводу.

Далее Диан Кехт долго говорил по-английски с кем-то по телефону. Я неплохо знал английский, но моих языковых навыков все-таки не хватало, чтобы воспринимать такую быструю разговорную речь. Я делал вид, что смотрю на пейзажи за окном, но, естественно, прислушивался к разговору, вылавливая из потока слов фразы и целые предложения:

— Использовать все силы... Сообщить полиции... Проверить Солсбери и Лондон... И Кентерберийский добавьте. Как можно скорее...

Я понял немного, но выводы сделал: Диан Кехт занимал какой-то важный пост — раз он раздал указания, а не просто оповестил местные полицейские силы. Может быть, Кехт был главой какого-нибудь отдела британских спецслужб? Ми-7, например. То-то он так напоминал мне Джеймса Бонда.

Мы выехали из Севильи и двигались по шоссе в направлении аэропорта. За окном машины уже темнело, небо было озарено розово-желтым закатом. Я улыбался, глядя на солнечное зарево. Внезапно солнечный огонь связался у меня в голове с кострами испанской инквизиции. Мне живо вспомнились дыба и испанский воротник.

Мне подумалось, что я сам являлся самым настоящим колдуном и еретиком. Пожалуй, то же было применимо к Феру и сеньору Кехту: биолокатор и экстрасенс на все руки. Хотя нет, Кехт мог быть самим дьяволом.

Впереди показалась стеклянная громада аэропорта. Фер припарковал машину.

В самолете нас рассадили не самым удачным образом: нам дали два места рядом и одно практически на другом конце салона. Диан Кехт не дал нам с Фернандо спорить, кто сядет отдельно, а просто сказал, чтобы я сел с ним. Наверное, ему не хотелось, чтобы я чувствовал себя одиноко.

Совсем уж одиноко я себя не чувствовал — хотя бы потому, что на карточке, выданной мне Кехтом в машине, действительно лежали десять миллионов евро. Эту проверку я провел в аэропорту, пока мы слонялись по магазинам беспошлинной торговли. В банке я сразу же обналичил со своей карточки тысячу евро и теперь явственно ощущал, как топорщится мой карман от бумажек. Сейчас мое доверие к Диану Кехту сильно возросло, хотя мне не очень нравилось то, что он знал пароль к моему счету. Как только выдастся свободное время, я

обязательно сменю пароль.

Сейчас мне очень хотелось поговорить с сеньором Кехтом наедине, и ирландец, словно угадав мое желание, пригласил меня сесть рядом с собой. Фер поддержал предложение старшего коллеги и сразу сел на отдельное место.

Мы летели вечерним рейсом в 21:05 — ровно на сутки позже Рикардо Ньевеса. До Рима было полтора часа полета. У меня было предостаточно времени вытрясти из Кехта, кто он и чем занимается. Пока я сидел в удобном синем кресле с высоким подголовником и размышлял, с какого вопроса мне начать, ирландец начал сам.

— Гил, — сказал он, — ты хочешь знать, кем я работаю.

Это был не вопрос, а утверждение. Я кивнул, мысленно порадовавшись тому, что Кехт сам начал этот разговор. Пожилой мужчина тоже немного помолчал, обдумывая, с чего начать. Я терпеливо ждал.

— Моей профессии ты не найдешь ни в одном перечне, — начал Диан, — ровно как и меня самого ты ни за что не сможешь найти ни в одной государственной компьютерной базе. С официальной точки зрения ни меня, ни Фера, ни других таких, как мы, не существует. О нас известно только главам сильнейших государств мира, да и то, я бы сказал иначе — главы сильнейших государств мира — наши агенты.

Кехт приостановился, испытующе поглядев на меня. Я слушал внимательно и кстати, вполне верил рассказу ирландца — банковская карта убеждала.

— И кто же это «такие, как мы»? — поинтересовался я.

— Мы — отряд особого назначения, созданный с целью поддержания порядка в мире. Спектр наших задач необычайно широк. В наши функции входит борьба с террористическими организациями, а также предотвращение использования оружия массового поражения: ядерного и химического оружия, а также более специфических и редких приспособлений для убийства. Например, Гил, ты не задумывался, каким образом Ньевес сумел всего за несколько лет сколотить себе миллиардное состояние, а затем привлечь в свою секту многих влиятельных и богатых людей?

— Какое-то психологическое оружие? — предположил я,

— Именно, — улыбнулся Кехт, — Видишь ли, Ньевес сумел заполучить некое необычайно высокотехнологичное устройство, которое необходимо вернуть в надежные руки. Как бы объяснить. Это похоже на рой нанороботов, наделенных искусственным интеллектом. Скопление микроскопических роботов, запрограммированных на проникновение в мозг человека. Эти роботы вполне способны стать причиной настоящего сумасшествия, потому что из-за них человек начинает слышать голоса в своей собственной голове. Ньевес использовал нанороботов на своих конкурентах по бизнесу и на своих последователях. А теперь его целью стало разжигание межконфессиональной розни. Тогда за дело взялась наша организация.

— И часто вам приходится расследовать такие дела?

— Я редко занимаюсь работой оперативника, — усмехнулся Диан, — мне намного приятнее заниматься стратегией и менеджментом, то есть координировать действия моих коллег.

— А по какому критерию вы выбираете людей для вашего отряда? — поинтересовался я с очевидным подтекстом.

— Уникальность. Каждый в нашем отряде — выдающийся человек, причем не только в смысле физическом: отнюдь не каждый из нашего отряда способен справиться с Майком

Тайсоном. Однако посмотри на Фера — он лучший биолокатор в Европе, таких специалистов нет ни на одной государственной службе.

— И все же, каковы ваши отношения с государствами? — уточнил я.

— Мы — международная организация. При этом мы стараемся не допускать к себе СМИ и вообще остаемся в тени. Поэтому связи у нас в основном либо на самом высшем либо на среднем уровне. Так, например, мне ничего не стоит позвонить хоть сейчас Папе Римскому и попроситься к нему на обед, — Кехт довольно улыбнулся, — однако, естественно, я могу не помнить имя министра сельского хозяйства, скажем, в Замбии. Просто мне это не нужно. Плюс ко всему наши филиалы в регионах обеспечивают нам мелкие, но важные связи. Так, Фер лично знаком со всеми высшими чинами испанской полиции и армии. Если бы не эти связи, нам вряд ли бы удалось заручиться поддержкой Сальвадора. Вот такие дела.

Я молча завидывал. То, что рассказывал Кехт казалось намного интереснее гостиничного дела, которым я собирался заняться после университета.

— А ты сам не хотел бы к нам присоединиться? — спросил Кехт.

Вопрос застал меня врасплох. Я сглотнул застрявший в горле комок.

— Не знаю, сеньор Кехт. Я бы рад, но мне кажется, что вы еще о многом мне не рассказали.

Это вполне безобидное заявление я бросил наугад, рассчитывая либо попасть в точку, либо хотя бы сбить Кехта с толку. Видимо, получилось первое.

— Ты сам должен все понять, — был ответ, — тебе только надо сделать правильные выводы. Ты много знаешь, теперь тебе надо соединить все это в одно целое.

Кехт улыбался, и я против воли тоже улыбнулся. Стюардесса принесла нам напитки, я взял пива, а Кехт — красного вина.

— Сеньор Кехт, — произнес я, потягивая пиво, — а вы читали Томаса Джеральда?

— Читал, — ответил ирландец, — толковый автор.

— Вы помните что-нибудь о хрономотах?

— Ты правда хочешь в этом разобраться? — уточнил Диан, посерьезнев и ставя недопитый стакан на салфетку, — это длинная история. Как человеческая. И почти такая же интересная.

Я приготовился слушать.

— Гил, ты, наверное, уже слышал о хрономотах царства Кронос и об их правителе Шамаше, — начал Диан, — История царства Кронос далека от нас, и потому, рассказывая с народе хрономотов, намного интереснее говорить о хрономотах республики Рагнарек — то есть о хрономотах нашего времени. Но все же один хрономот царства Кронос нас интересует: его звали (а, точнее, зовут) Асурафэль. Он был первым хрономотом-симбионтом. Помнишь библейский сюжет, где Иаков всю ночь борется с некой сущностью? Этот случай уже давно вошел в историю.

Как ты знаешь, Гил, хрономоты не способны самостоятельно передвигаться в пространстве. Асурафэль был первым, кто попытался исправить этот недостаток физиологии духов времени. Изобретенный им способ не отличался порядочностью, но открывал перед его народом совершенно новые горизонты. Асурафэль дожидался момента, когда его невидимое бесплотное тело соприкасалось с телом человека — лучше всего, с головой, и проникал в сознание человека, подавляя его волю. Надо сказать, ментальная атака хрономота, как правило, сходу сметает любые мысленные барьеры, выставляемые

человеком,

Так что перед Асурафэлем открылась радость пространства. Вначале он без цели и смысла путешествовал по земле, меняя людей, как лошадей. Он объехал всю Элладу, затем морем двинулся в Персию, а затем оказался в Израиле. Это было просто, главное, все время надо было держаться людных мест.

Но как-то раз Асурафэль понял, что избрав для себя путешествия в пространстве, он практически лишил себя путешествий во времени. Исследуя свои возможности в контролировании человеческой судьбы, он быстро понял, что человеческое тело материально, и отнюдь не способно перемещаться во времени вместе с ним. То есть на деле существовала некая «точка вмешательства» — волна времени, оказавшись на гребне которой хрономот обретал возможность управлять сознанием человека.

Когда хрономот проникал в чье-либо сознание, ему приходилось двигаться вперед во времени вместе с его носителем: иначе он не мог контролировать поступки человека, а оказывался лишь созерцателем. Он был вынужден постоянно соотносить свое существование с «точкой вмешательства», равномерно удалявшейся вперед, в будущее. Таким образом, хрономот не мог изменять прошлого своего человека. Он мог влиять на его будущее, но для этого ему было необходимо двигаться во времени параллельно со своим носителем. Иначе человек выходил из-под контроля. По сути жизнь Асурафэля превратилась в жизнь обычного человека. С маленьким «но»: Асурафэль не был человеком, а был паразитом, и сам это прекрасно понимал.

Поэтому, как-то раз, путешествуя по Израилю, Асурафэль неожиданно покинул своего носителя. Причем это было не в городе и не в деревне: это было в совершенно диком месте, под кроной раскидистого дерева, куда его человек присел отдохнуть.

Асурафэлю очень хотелось снова по-настоящему погулять по времени. Надо сказать, находясь в совершенно безлюдном месте Асурафэль вовсе не был одинок: мимо него то и дело проходили другие хрономоты, с которыми он был знаком и дружен. Ведь время одномерно, и потому Асурафэль не был лишен общения с товарищами.

Однажды Асурафэль отправился на прогулку в будущее. Шел он долго, и, как-то раз, увидел приближавшегося к старому дереву человека. Хрономоту уже порядком поднадоело это дерево и однообразный пейзаж вокруг, и потому он решил, так сказать, сменить обстановку. Благодаря счастливой случайности (впрочем, иначе случиться не могло), Иаков (так звали. проходившего мимо еврея) лег спать именно на то место, где восседал Асурафэль.

И началась одна из самых важных битв в истории, на века изменившая судьбы двух народов. Впервые Асурафэль наткнулся на человека, способного противостоять его воле. Железной хваткой вцепился он в человека, но Иаков был крепок, и потому не сдавался. Затем ослабевать начал сам Асурафэль. Хрономот рванулся в прошлое, в будущее, а толку было мало: его бесплотное тело и сознание Иакова сцепились в такой яростный клубок, что дух времени оказался не в силах вырваться на волю. Асурафэль взмолился о пощаде, но Иаков был непреклонен. Его сознание медленно, но верно подавляло волю хрономота. И тогда Асурафэль предложил человеку сделку: Иаков станет его носителем, а он, дух времени, будет взамен предсказывать ему будущее. И Иаков согласился.

Асурафэль даровал Иакову зрение хрономота — способность видеть будущее и его колебание в зависимости от еще не до конца созревших решений и намерений. Теперь Иаков видел не только в цветовом спектре, но мысленным взором мог увидеть грядущие события.

Недалеко, конечно. Вообще, хрономоты могут видеть на многие сутки и в прошлое, и в будущее, но, когда они находятся в теле человека, обилие вероятностных исходов замутняет их зрение. Но даже так Иаков получил величайший дар.

Так Иаков стал одной из самых примечательных фигур еврейского народа. Его мудрость, дальновидность, находчивость поражали современников и навсегда остались вписанными в библейскую историю. Асурафэль был верен своему носителю до самой смерти человека, а затем перебрался «на перекладных» обратно в Элладу эпохи Кроноса. После Иакова ему уже не хотелось иметь дел с людьми. Никто не знает, почему, но я выскажу свое предположение:

Асурафэль не был подлецом. Столкнувшись с равным, и даже превосходившим его соперником-человеком, хрономот перестал смотреть на людей, как на «варварскую расу», низшие создания. Многие годы Иаков был его настоящим другом, ведь, безусловно, Асурафэль мог, воспользовавшись удачным моментом, выскользнуть из головы Иакова или даже погубить его.

Вернувшись к размеренной жизни, Асурафэль рассказал о своих приключениях Шамашу. Знаменитый царь сразу понял всю опасность искушения, открывшегося перед народом духов времени. Царь Кроноса совместно с духом-путешественником разработал «кодекс о людях». Этот закон распространили среди всей правящей верхушки Стран Времени, чтобы те следили, дабы опыт Асурафэля не использовался в злых целях.

Кодекс состоит из двух простых правил. Первое называется «правилом тысячи шагов». Это значит, что хрономот не имеет права преодолевать на одном человеке более одного километра. Второй базовый закон — «правило тысячи дней», значит, что хрономот имеет право на одну прогулку в пространстве лишь преодолев тысячу дней во времени.

За беспрекословным соблюдением Кодекса следит полиция духов времени. Поэтому случаи злоупотребления редки, этому способствует также и разнообразная антиреклама, финансируемая правительством. Поэтому у хрономотов есть давно сложившаяся культура, в которой паразитизму на людях нет места. Достаточно кому-то напомнить, что люди посещают туалет, как большинство хрономотов начинает брезгливо морщиться.

Случаи взаимовыгодного существования — симбиоза, тоже необычайно редки. Не всякий человек может вступить в союз с хрономотом на равных: для этого нужна железная ментальная хватка. Такая была у Иакова. Такая была у многих великих людей — именно поэтому в их биографиях столько противоречий и неправдоподобного везения.

— Эй, Гил, нам, кажется, ужин несут, — улыбнулся Диан Кехт, указывая мне на подходящую к нам стюардессу, толкающую перед собой столик с посудой.

Я чувствовал себя так же, как зритель сериала, где серия обрывается на самом интересном месте.

Глава 9. Мечта

— Отель «Дива», 365? — переспросил сеньор Диан в трубку, — спасибо за информацию. И нам закажите... Три одноместных... Нет-нет, сами справимся. Всего доброго.

Мы трое были налегке, поэтому вышли из здания аэропорта Римини раньше всех. Диан и Фер шли с одинаковыми черными чемоданчиками в руках, я шел вообще налегке. Чего я никак не мог понять, это как моим «спецназовцам» удалось провезти с собой пистолеты. По выходу из аэропорта Фер вручил мне давно ставшее «как бы моим» игольчатое оружие, и мне только оставалось удивляться, как его не заметили, когда просвечивали содержимое чемоданов рентгеном.

Диан подошел к первому попавшемуся желтому такси и назвал адрес места назначения. Я отметил про себя, что он обратился к таксисту на итальянском. По моим наблюдениям сеньор Кехт знал как минимум три языка. Загорелый дочерна водитель согласно кивнул, обильно жестикулируя и тараторя в ответ на предложение Диана, и через минуту мы уже сидели в аккуратном салоне «фиата», колесившего по шоссе в сторону вечного города.

Мимо меня проплывали пейзажи, мало отличавшиеся от родной Андалусии. Только дома здесь были побогаче — все-таки играла роль близость столицы, в то время как Севилья была всего лишь областным центром. Но Европа была Европой, и потому здесь росли те же оливы, те же пальмы, те же корявые зеленые сосны, характерные для средиземноморского климата.

Мы проехали по центру Рима (я, не отрываясь, смотрел в окно), и остановились перед одним из самых престижных пятизвездочных отелей города. Трехэтажное белое здание громадой нависало над неширокой, но оживленной улицей, пестрившей обилием всевозможных бутиков.

Диан расплатился с таксистом, и мы выбрались из машины. Швейцар перед нами распахнул стеклянные двери и мы очутились в просторном, сияющем чистотой и роскошью зале. В глаза мне бросились вазы с огромными широколистными фикусами и огромный стол администрации. Одной ослепительной улыбки Диана, пущенной им через весь зал, хватило на молоденькую симпатичную администраторшу: она зарделась и постаралась незаметно поправить прическу.

— Меня зовут Диан Кехт, а мои спутники — Фернандо Мигуэль и Гильермо Ромеро, — улыбнулся ей Диан.

— Добрая ночь, сеньор, — улыбнулась блондинка, протягивая нам три ключа с массивными брелками, — ваши номера ждут вас. Желаю вам приятного отдыха.

Было восемь часов утра. Я был совершенно не выспавшийся, но зато бодрый и очень злой. Кехт не дал мне насладиться мягкой постелью, на которой можно было лежать с равным успехом что вдоль, что поперек — он поднял меня в эту несусветную рань, сунул в руку пистолет и отправил в ванную комнату приводить себя в чувство. Там я принял душ, а сразу после этого мы втроем (у Фера вид был не менее заспанный, чем у меня) оказались в коридоре, а Кехт нами предводительствовал. Позавтракать мы решили после.

Мы втроем зашли в лифт и поднялись со второго этажа на третий. Пол здесь был устлан толстым красным ковром, а на стенах висели довольно безвкусные картины, в основном

относящиеся к символизму и абстракционизму. Хотя мой взгляд остановился на нескольких неплохих образцах, но эти экземпляры было скорее исключением, нежели правилом.

Все номера на этом этаже были трехзначные и начинались на цифру «три». Нам не составило труда выяснить логику следования чисел и потому мы быстро нашли номер «365». Кехт повернул латунную ручку и нажал на тяжелую деревянную дверь, лоснящуюся от лака. Оказалось незаперто, и потому мы втроем вошли в комнату.

Номера в отеле «Дива» вполне соответствовали заявленному пятизвездочному качеству. Я с уважением оглядел огромное помещение с высоченным потолком и выходом на балкон, своими размерами больше напоминавший террасу. В этой комнате все было проработано до мелочей: от белых обоев с ненавязчивым узором до легких светло-бежевых штор, отброшенных от окна и перехваченных лентой. Прекрасная мебель: диван, пышная кровать, венские стулья — все здесь имело свое четко определенное место (надо сказать, моя собственная комната была ничем не хуже этой, просто оказавшись в ней в два часа ночи я не был склонен предаваться восторгам).

В номере никого не было, однако по легкой улыбке на губах сеньора Диана и по тому, как плавно и беззвучно он вытащил из-за пазухи свое оружие, я понял, что наш визит в это место не был бессмыслен. Диан указал мне на балконную дверь, а сам направился обследовать ванную комнату.

В моих руках оказался мой игольчатый пистолет, и я боком, крадучись, приблизился к открытой двери. Затем я осторожно выглянул за угол, с пистолетом наготове. Увидев знакомого человека в белом, я, уже не таясь, вышел на балкон, подняв пушку.

— Вот мы и встретились с тобой, Гил, — произнес Рикардо Ньевес, грустно улыбаясь.

Он сидел, уютно устроившись на шезлонге под огромным синем зонтом, который вовсе не защищал его от низкого утреннего солнца. Сейчас падре выглядел не как священник, а как простой и немного уставший от жизни миллиардер. Его идеально скроенный костюм был абсолютно бел, даже легкие кожаные туфли были белы. Его каштановые коротко остриженные волосы слегка трепетали на теплом ветру. Жесткие складки у губ, казалось, немного разгладились по сравнению с тем временем, когда я видел его в своем сне. Горделивое выражение не покинуло его лица, но как будто сгладилось его расслабленной позой и мягким взглядом. Признаюсь, вид у него был обаятельный и не лишенный поэтичности.

— Добрый день, сеньор, — бесстрастно отозвался я на его приветствие.

И невозмутимо сел в белое кресло перед падре.

— Какое чудное утро, — улыбнулся Ньевес, — Гильермо, вам налить вина?

— Не откажусь, — улыбнулся я, не опуская дула пистолета.

Диан, наверное, хотел, чтобы я поговорил с падре наедине, раз до сих пор не появился. Из этого я сделал вывод, что сейчас Рикардо был не слишком опасен, но все равно следил за каждым его движением. Экс-священник привстал и разлил вино по бокалам. На миг встретившись с ним глазами я не заметил ничего сверхъестественного. Я с удивлением поймал себя на мысли, что искал в его глазах присутствие духа времени (вот ведь, Кехт, заморочил голову!). Не нашел. Глаза Рикардо Ньевеса, темно-серые, живые, не выдавали никакой неземной тайны. Я пытался говорить с ним вежливо и невозмутимо, подмешивая в речь немного иронии.

— Признаюсь, вы меня немало удивили, сеньор Ньевес, — улыбнулся я, кладя ногу на ногу, — позвольте спросить, зачем вам понадобилось взрывать соборы?

— Церковь измелъчала, — не спеша ответил падре, потягивая вино, — и люди измелъчали. В нашей жизни так мало романтики, искренних, благородных поступков. Вы понимаете, о чем я говорю, Гильермо?

— Думаю, да.

Я и вправду понимал его, хотя мне было странно, что миллиардер сетовал на скуку жизни. Кто-кто, а он-то мог позволить себе немного развлекаться. Наверное, у него была своя яхта, много домов по всей планете, он мог полететь в любую страну, какую хотел, и получить любую женщину. Кто поймет этих миллиардеров? Это были мысли еще не вошедшего во вкус мультимиллионера.

— Я хотел, чтобы мир стал лучше, — с легкой грустью продолжил Ньевес, делая неопределенный взмах рукой, — Чтобы люди меньше думали о себе, но больше времени уделяли своим близким. Чтобы люди молились в церкви, а не молчали, потому что другие молчат. Чтобы в них появилось хоть немного самоотверженности, чтобы у них была общая скрепа.

— И для этого вы заложили бомбу под Севильский собор? — уточнил я.

— В точку, — усмехнулся падре, — Гильермо, вы можете представить себе войну Востока и Запада? Новый Крестовый поход. Святую войну, очищающую мир. И землю — феникса, поднимающегося из пепла, и военные песни, и кресты, нашитые на солдатскую униформу. Неужели вам не кажется это прекрасным?

— Нет, не кажется, — буркнул я, — падре, как вы вообще можете представить себе войну Запада, обладающего ядерным оружием, и менее технологически развитого Востока?

— Европа сомнет противника за несколько недель, — улыбнулся падре, — но кто сказал, что война на этом кончится? В Европе исстари созрел клубок противоречий: как религиозных, так территориальных и экономических. Стоит грянуть хорошей войне, как все эти противоречия снова окажутся остры, как никогда. И тогда Франция, Англия и Испания перегрызут друг другу глотки, а Германия постарается перегрызть глотки всем, до кого дотянется. А повод — он всегда найдется.

— Но жертвы...

— Богу нужны жертвы, — бесстрастно ответил Ньевес, и в его голосе зазвенел металл, — весь мир стоит на жертвенном алтаре. Тот, чья жизнь — жертва, свят. И не важно, что это за жизнь, сто лет в праведности или короткая жизнь с блистательным концом в расцвете сил.

Я мысленно напрягся. Наш с Ньевесом разговор отнюдь не напоминал перебранку или допрос пленника. Это был спор, касающийся религии и нравственности. Мне хотелось побить его в словесной дуэли.

— Позвольте, падре, вам напомнить первую заповедь Христа: не убий. Своими действиями вы собирались убить и способствовать дальнейшим убийствам, а значит, вы пошли против религии. Разве не так?

— Вы забыли, Гильермо, продолжение заповеди: не убий брата своего во Христе. А таких братьев, к сожалению, по миру — раз-два и обчелся. Как думаете, сколько в мире истинно верующих людей?

Ньевес беззаботно улыбнулся, и я увидел черты снобизма, проступившие на его лице.

— Миллионы, — уверенно ответил я, — еще заповедь: почитай отца и мать. Зачем вы заставили сеньору Изабель Торрес убить собственного сына?

— Это была прекрасная жертва, исполненная глубокого символизма, — ответил экс-

священник, — вспомним Авраама...

— Это было убийство, — жестко оборвал я его.

— Нет. Это была трагедия, достойная пера Шекспира. И ее написал и воплотил.

— Вам нравится быть кукловодом, сеньор Ньевес. Это тешит ваше самолюбие. А вы никогда не думали, что на самом деле верите лишь в собственную избранность?

Последнее слово я постарался выплюнуть. Ньевес оставался невозмутим, но я видел, как он слегка побледнел.

— Я ношу в себе Бога.

— Носили, — наугад брякнул я, и явно попал в точку. Увидев замешательство падре я стремительно продолжил атаку, — не знаю, кого вы там в себе носили, если ребенка — вам надо было обращаться в фонд поддержки беременных мужчин.

— Он дал мне власть, — отрезал Ньевес, но глаза его метались.

— Бог не дает власти, — спокойно ответил я, — власть дает дьявол.

— Он показывал мне будущее!

— Бог не показывает будущего, он учит смиряться перед неизвестностью.

— Я — его избранник! — крикнул экс-священник, вскакивая с шезлонга, рука его стремительно рванулась за отворот пиджака.

Я выстрелил первым. Игла вонзилась ему в шею. Священник стоял, недоуменно покачиваясь и глядя на меня.

— Напялив белый халат, не станешь бел душой, — коротко сказал я.

И Рикардо Ньевес повалился на землю. Сначала на колени, затем всем телом на твердый, выложенный бежевой плиткой пол. Я сунул пистолет за пазуху и медленно встал. Мой враг лежал у моих ног, но что-то подсказывало мне, что я забыл спросить его о чем-то важном. Точно! Каким же я был дураком. Забыл спросить: а при чем был здесь я?!

— Bravo, Гил, — послышался голос Фера.

— Пойдем-ка перекусим, а за падре уже полиция едет, — естественно, это была реплика сеньора Кехта.

— Куда сейчас? — спросил я, откидываясь на спинку кресла.

Мы сидели в фешенебельном ресторане при отеле «Дива» и только что закончили уплетать необычайно плотный завтрак.

— В Ватикан, — ответил Диан, — думаю, наша цель находится в Соборе Святого Петра. Сегодня же как раз день апостолов Петра и Павла. Кстати, Гил, у меня хорошая новость, — сеньор Кехт выдержал эффектную паузу и указал на меня вилкой, с нанизанным на нее колечком огурца, — бомба в лондонском соборе Святого Павла обезврежена. Королева просила передать тебе привет и огромное спасибо.

— А мне-то за что? — усмехнулся я, как всегда, не сразу поверив ирландцу. Только потом мне подумалось, что Кехт мог и не шутить.

— За своевременное предупреждение, — пояснил Фер.

— Наш лондонский филиал принялся за дело сразу же после получения информации и обезвредил бомбу, — улыбнулся Кехт, — Кроме того были задержаны шестеро подозреваемых. В СМИ естественно никакая информация не просочится, об этом позаботится лично епископ Кентерберийский.

— Ладно, — отмахнулся я, — можете познакомить меня с ними обоими, ничего не имею против. Но кажется, у нас есть более важное дело.

— О да, — ответил Кехт, — вставая из-за стола. Сейчас уже половина девятого, нам пора.

На такси мы за полчаса добрались до места назначения. Таксист довез нас до самой площади Петра. Моим глазам открылось великолепие Ватикана: круглая площадь с кльком четырехгранной стеллы, знаменитая колоннада Бернини и возвышающийся почти до самого неба грандиозный купол собора.

Несколько лет назад я был здесь. Помню, тогда этот величественный архитектурный ансамбль произвел на меня колоссальное впечатление. Это было давно, я уже почти не помнил подробностей той поездки, однако сейчас, приближаясь к сердцу католицизма, я, как тогда, ощутил чувство глубокого почтения и к давно умершим строителям, и к идее, которая ими двигала. Я подумал, что до определенной степени, я понимал, что имел в виду Ньевес.

Мы вошли в роскошный храм. Служба еще не началась, но посетителей в соборе, как всегда, было хоть отбавляй. Большинство бесцельно бродило и рассматривало иконы и фрески, кто-то уже занял места на деревянных скамьях. Через час ожидался выход самого Папы Римского.

— Он близко, — подтвердил Фер, поднимая руку с поднятым большим пальцем, — идемте. Сеньор Кехт, готовьте вашу ловушку.

Мы шли за Фером, пробираясь сквозь толпу людей. Иногда мне приходилось выписывать совершенно дикие пируэты руками и ногами, чтобы избежать столкновений с неспешно передвигавшимися посетителями храма.

Кехт шел позади меня, но не отставал, стремительно и ловко вворачивая широкие плечи в просветы среди движущихся кто куда людей. Я пару раз оборачивался на него, и каждый раз замечал на его лице лишь глубочайшую сосредоточенность.

— Здесь, — сказал Фер, когда мы неожиданно оказались на небольшом свободном от людей пятачке. Мы стояли почти перед самым алтарем. Я невольно залюбовался убранством храма, но сейчас было не до того.

Я не мог понять, что обнаружил здесь Фер, здесь не было никого и ничего: только затейливая мозаика на полу. Однако догнавший меня через пару секунд Диан Кехт так не считал. Он проворно достал из-за кармана пиджака нечто, больше всего напомнившее мне портсигар (только очень большой и старомодный с виду). Кехт откинул крышку и начал медленно водить рукой с портсигаром по воздуху. Второй рукой он совершал какие-то странные пассы, словно загонял кого-то в открытую коробку.

И тут я увидел. Воздух под руками Диана Кехта шевелился и перетекал, складывался в призрачные щупальца. Щупальца боролись и отмахивались от Кехта, но толку было мало. Словно облачко пара, горячий воздух, искажавший зрение, постепенно проникал в портсигар. И еще я ощущал в этом призрачном анемоне жизнь. Ни добрую, ни злую, но странную и отчего-то неприятную. И, к тому же, знакомую. Я уже видел это существо.

Это была тень-анемон из моего сна. Что же это было? Облако нанороботов, как рассказал мне Кехт, или хрономот, дух, путешествующий во времени? Признаюсь, для меня нанороботы были столь же далеки и непонятны, сколь и всякие астральные сущности. Да и как можно нанороботов загнать в старый портсигар одними лишь взмахами руки? Был в этом какой-то парадокс, который я отчаянно пытался перебороть. И — неожиданно — переборол.

Диан Кехт невозмутимо закрыл портсигар и сунул его за пазуху. Я по-новому взглянул

на ирландца. Теперь я понимал, как у него получалось предугадывать меню ресторана и стрелять за угол, не глядя. Как же я мог быть раньше таким дураком.

— Ну что ж, — улыбнулся Фер, — теперь уже все кончено?

— Для нас, да, — ответил Кехт, — а вот для Сальвадора и лондонской полиции — нет. Им еще предстоит повидать как минимум целую сотню лиц и разобраться, кто из них просто спонсировал церковную организацию, а кто принимал участие в противозаконных действиях. Также надо разобраться со всеми поставщиками оружия, которых Рикардо Ньевесу удалось подкупить или убедить действовать заодно с ним. По сути, мы сделали пока что только полдела. А еще мне надо кое-кому позвонить.

Диан достал из кармана смартфон и, нажав несколько кнопок, приложил к уху. Говорил он по-итальянски, но первые два слова (Алло! Бен?) я понял отлично. Когда Диан кончил говорить, я на всякий случай его спросил:

— Вы там не с Папой случаем говорили?

— С ним самым, — ответил Диан Кехт, — кстати, напросился на чай. Мы идем втроем. Но вначале всем нам, особенно тебе и Феру, надо посетить салон костюмов. А то в таком виде идти на аудиенцию с понтификом просто неприлично.

Глава 10. Ответы

Мы с Кехтом сидели в уютном салоне частного самолета и играли в шашки. Это была самая прикольная игра на свете! Никогда бы не подумал, что шашки могут приносить столько удовлетворения.

Сейчас, вспоминая всю эту историю, я получал огромное удовольствие, тем более что аудиенция у Папы прошла успешно. Расскажу обо всем этом чуть поподробнее.

Перед аудиенцией, которая должна была состояться в два часа дня, уже после службы, мы часа полтора провели в скитаниях по магазинам. В итоге мы зашли в какой-то известный салон, и там Фер и я, перемерив кучу костюмов, в итоге сделали свои покупки.

Я приобрел отнюдь не самый дорогой костюм, но даже Кехт одобрил мой выбор. Это был экземпляр простого и строгого фасона, нестареющая классика.

После этого наш таксист, которого Кехт нанял на целый день, отвез нас обратно к площади Святого Петра. Кехт уверенно провел нас через ворота в правом крыле колоннады Бернини. Пройдя через несколько арок, нашим глазам предстало основание Апостольского Дворца, резиденции Папы. Разряженные в желто-фиолетовую форму гвардейцы чинно пропустили нас.

Папа Бенедикт принял нас приветливо. Мы сидели в его маленьком и уютном кабинете, а на столе стояли маленькие чашечки с зеленым чаем и блюдо со сладкими пончиками. Я старался не слишком пожирать Папу глазами, и, надеюсь, у меня это получалось, иначе это было бы вовсе неприлично. Кехт и Фер держались легко и свободно, видимо, обоим было не в первой беседовать с августейшими особами. Разговор велся на английском, насколько я понимаю, только из-за меня: кажется, я был здесь единственным, кто не умел изъясняться по-итальянски.

Понтифик произвел на меня крайне благоприятное впечатление. Его утонченные манеры, сдержанная речь и сам факт того, что этот человек являлся главой миллиарда верующих, потрясал и подавлял. Кехт вкратце рассказал Папе нашу историю, пару раз особенно положительно отзываясь обо мне. В конце он еще немного поговорил с Папой на итальянском — должно быть, это было что-то, не предназначавшееся для моих ушей.

После этого, тепло распрощавшись с понтификом, мы отправились напрямик в аэропорт. Там нас ждал специально подготовленный для нас самолет. Это была маленькая машинка, рассчитанная на восемнадцать человек, не считая двух мест для пилотов. Я опасливо взошел на борт миниатюрного воздушного судна. По словам Диана, это транспортное средство одолжил ему сам Папа Бенедикт в благодарность за то, что мы спасли ему жизнь и репутацию. О том, каким образом мы «спасли» понтифика я еще догадывался довольно смутно, и, если честно, рассчитывал уточнить для себя кое-какие детали во время полета.

Фер сел в носовую кабину в качестве второго пилота (первый пилот был личным шофером Папы). Вместе эти двое с энтузиазмом обсуждали особенности управления самолетом. Мы с Дианом сели в просторный салон, обустроенный без излишеств, но, вместе с тем, со всем необходимым для более чем комфортного перелета. Так, например, здесь имелся холодильник с напитками (с большим выбором вина) и две корзины: одна с разной выпечкой, а другая — с фруктами. Похоже, об этом распорядился сам Папа.

Мы взлетели и сделали небольшой круг над Римом, а затем понеслись через синюю

гладь моря в сторону Испании. Оторвавшись от иллюминатора, за которым уже не было ничего по-настоящему интересного, я повернулся к Кехту. Мы сидели друг против друга за небольшим столиком, привинченным к полу. Сейчас, когда мы набрали высоту нас практически не трясло. Настало время для вопросов и ответов.

— Сеньор Кехт, — этот вопрос волновал меня с самого начала всей этой истории, — почему Ньевес преследовал меня и как он вообще обо мне узнал?

Кехт с улыбкой выслушал мой вопрос. Если мои предположения были верны, он знал, что я спрошу его об этом еще минут пять назад. Наверное, он уже давно обдумал свой ответ. И этот ответ меня отнюдь не удивил.

— Каковы твои предположения? — это было вполне в духе ирландца.

— Я скажу вам, что я думаю, — ответил я, — во-первых, я скорее поверю в хрономотов, чем в нанотехнологии, потому что это многое объясняет.

— И что же это объясняет? — поинтересовался Кехт, лукаво прищурился глазами.

— Абсолютно все. Рикардо Ньевес обладал хрономотом. Не знаю, что это было, симбиоз или паразитизм, но, скорее всего, второе. Так или иначе, хрономот подогревал тщеславие и религиозность Ньевеса, и сумел убедить священника в том, что тот слышит голос Бога. С помощью хрономота Ньевес влиял на сознание своих последователей по секте и предугадывал ситуацию на фондовом рынке. Это объясняет власть Ньевеса над умами его последователей и неправдоподобную удачу в бизнесе.

— Разумно, — одобрительно сказал Диан, — но ты так и не ответил на собственный вопрос,

— Отвечу, — улыбнулся я и по ответной улыбке Кехта понял, что вряд ли ошибался в своих предположениях, — у вас тоже есть хрономот.

Это прозвучало довольно глупо, но иначе я не мог объяснить последних событий. Диан весело глядел на меня, и мне казалось, что он был мной доволен. Я продолжил:

— Ваш хрономот рассказал обо мне хрономоту Ньевеса.

— Даже если предположить, что ты в чем-то прав, зачем ты понадобился моему духу времени?

— Не ему, — усмехнулся я, — вам.

— А мне-то зачем? — Диан Кехт удивленно изогнул левую бровь.

— Потому что я мог бы поступить в ваш отряд.

— Что ж... — задумчиво протянул Диан, — ты умеешь отличать правду от лжи. И у тебя определенно есть немалые способности. Фер рассказал мне о тебе много интересного: драка с двумя взрослыми мужчинами, левитирование карандаша. А чего стоит видеозапись с прибора ночного видения: там отчетливо видна разница почти в три градуса между направлением дула твоего пистолета и целью: снайпером в окне. И вместе с тем ты попал. Затем следовало извлечение пули, плюс к этому ты даже попытался заштопать капилляры. Для новичка это очень неплохо.

— Коль уж вы вспомнили про нашу с Фером операцию по взлому, я уже кое в чем разобрался, — продолжил я, — Ньевес, обладая хрономотом, знал, что мы проберемся той ночью в его дом. Единственное, о чем он не догадывался — это то, что Фер — биолокатор. Поэтому он битком набил свой личный кабинет охранниками, надеясь заманить нас в ловушку. Но незадолго до этого он перенес свой сейф из личного кабинета в тайную часовню под спальней. Наверное, он опасался, что мы каким-то образом все-таки сумеем похитить сейф, или просто не до конца доверял своей охране. Так или иначе, это решение

нас спасло: нам с Фером ничего не стоило проникнуть в дом и пробраться в пустую и никем не охраняемую спальню, где был тайник с сейфом.

— Ты удивляешь меня, Гил, — улыбнулся Диан Кехт, — но, по твоим словам, я понял, что ты считаешь хрономотов прямо-таки всемогущими.

— Вовсе нет, — улыбнулся я, — думаю, зрение хрономота распространяется в будущее примерно минут на пять.

— На шесть, — поправил Диан, — но все зависит, конечно, от конкретного духа времени и от предсказуемости конкретной ситуации. А вообще скорость шага хрономота — четыре-пять махов в час, а скорость бега трусцой — махов двенадцать-пятнадцать в час. А ночью, когда носитель засыпает, хрономот обычно отправляется на разведку в будущее, чтобы увидеть ход событий сразу на день вперед. Теоретически за одну такую вылазку хрономот способен преодолеть пешком до пятидесяти часов. А если верхом на мимасе — так все сто.

— Почти как люди, только вместо километров — часы, — заметил я, с трудом удерживаясь от соблазна спросить у Диана, кто такие эти «мимасы» и каким образом хрономоты умудряются ездить на них верхом.

— В точку, — усмехнулся Диан Кехт, — именно поэтому люди меряют расстояние километрами — взаимопроникновение культур, хотя мало кто об этом знает. кстати, хрономоты меряют время точно так же, как и мы. Точнее, это именно они передали нам, людям, свою шестидесятиричную систему отсчета времени. А все потому, что у Шамаша по тридцать щупалец на каждой конечности.

— Что, правда по тридцать на каждой?

— Ну не на каждой, но в сумме шестьдесят.

— Сеньор Кехт, вы мне зубы заговариваете, — сказал я, заметив, что позволил увести себя от темы, — Как же вы сами обо мне узнали, и что ваш дух времени сказал обо мне хрономоту Ньевеса?

— Сам я узнал о тебе с помощью моего доброго друга Габриэля, — ответил Кехт, — который в настоящее время как раз плывет верхом на мимасе в недалекое прошлое, чтобы по секрету сообщить некоему господину Лауфонэлю о том, что в Севилье живет охотник на хрономотов. Якобы, его самого силком вытащили из носителя. Незамысловатая история, но Лауфонэль клюнет.

— Уже клюнул, — поправил я.

— Не мог не клюнуть, — рассмеялся Кехт, — обожаю истории, в которых замешано время. Это один сплошной парадокс!

— Полностью с вами согласен, сеньор Кехт. А этот ваш Габриэль, он случаем не из хрономотской полиции?

— Ага, — кивнул Диан, — начальник штаба по соблюдению Кодекса в пределах царства Рагнарек. Когда мы брали Лауфонэля в Соборе Святого Петра, Габриэль со своими ребятами как раз взяли его с поличным и обездвижили, не давая ему сбежать ни в прошлое, ни в будущее. Без помощи Габриэля вся наша операция была бы обречена на провал.

— Но зачем Лауфонэлю вообще понадобился Собор Святого Петра? — спросил я.

— Папа Римский. Хрономот хотел завладеть сознанием Бенедикта, чтобы его устами вдохновлять людей на религиозную войну.

— А разве Бенедикт не сумел бы воспротивиться его воле? Все же он... Папа.

Это я спрашивал на полном серьезе. За кажущейся медлительностью престарелого

понтифика мне виделась железная хватка духовного подвижника и опытного политика. Я просто не мог поверить, что его можно было так легко сломать.

— Может быть, и сумел бы, — задумчиво проговорил Кехт, — А, может, и нет. В любом случае, Господь и так не допустил, чтобы такое случилось, поэтому мы уже никогда не узнаем, выстоял бы Бенедикт, или нет.

Я облегченно вздохнул. И замолчал, по-новому обдумывая последние события. Теперь все встало на свои места. Абсолютно все. Мне было сложно осознать, как мое имя вплелось в совершенно чужую историю. Это было чудо — с помощью духа времени будущее каким-то образом сумело запустить корни в прошлое и стать настоящим. Это была чистая случайность — или судьба.

— Так значит сейчас вы не видите будущего? — спросил я Диана Кехта, тщетно пытаюсь найти хоть какие-то перемены в его глазах после исчезновения хрономота. Но взгляд Диана оставался все таким же мягким, пронзающим — и непроницаемым.

— Вижу, — улыбнулся Кехт, — просто теперь на мои поступки влияет только моя личная интуиция, а не видение Габриэля.

— Понятно.

Я вспоминал историю последних дней, пытаюсь найти в голове еще вопросы. Во!

— А что это за такая способность у меня, видеть другие места во сне?

Кехт посмотрел на меня внимательно и уголки его губ саркастически дернулись.

— Эта способность называется «сэр Кехт послал видение». Тебе что, своего телекинеза мало?

— Да не.

— Не желаешь ли сыграть в шашки?

— Давайте.

— Тебе играть белыми.

Я не спорил. Мы расставили шашки по полю. Я привычно потянулся за крайней правой шашкой, чтобы сдвинуть ей в угол.

— Нет, — мягко оборвал меня Кехт, — мысленно.

К такому повороту событий я не был готов, но вызов воспринял с радостью. Сейчас я чувствовал в себе силу. Сосредоточив взгляд на белом кружке, я мысленно двинул его по диагонали. Шашка двигалась медленно, рывками — но уверенно.

— Отлично, — прокомментировал Кехт, — старайся меньше напрягать мышцы глаз. На самом деле тебе это совершенно не нужно. Смотри, как я делаю. Легко и непринужденно.

Его крайний левый кругляш плавно переполз по диагонали в угол, симметрично моему предыдущему ходу. При этом на лице Кехта даже не отразилось никакой концентрации, он лишь слегка скользнул по нему взглядом.

Я был потрясен. Диан Кехт владел телекинезом, как и я! Только куда свободнее. Впервые я встретил человека, который обладал той же способностью, что и я. Я следил за Дианом и старался подражать его «легкости и непринужденности». По-моему, я делал успехи.

Я проиграл партию в шашки, хотя Кехт победил с небольшим перевесом. Но я ничуть не был расстроен. Сейчас ментальная составляющая игры была для меня интереснее любой стратегии.

— Может быть, устроим схватку в реальном времени? — предложил Кехт, съев мою последнюю «дамку».

— Это как? — поинтересовался я.

— Смотри.

Кехт расставил восемь шашек в одну линию. Я расставил свои точно также. Внезапно крайняя шашка Диана быстро поползла через поле и столкнула одну из моих с доски. Потом следующую. И еще одну. Я быстро понял суть игры. Следующая моя шашка оказала сопротивление налетчице и после полуминутной борьбы сбросила ее с поля. Это было очень интересно — но очень тяжело. У меня болели глаза, видимо, я все еще не научился расслаблять мышцы. Я стянул с себя пиджак.

— Молодец, Гил, — похвалил Диан, отправляя в атаку вторую шашку.

Теперь я был готов, и навстречу шашке Диана медленно пополз белый кругляш. В середине доски разыгрался настоящий поединок. Круглые шашки давили друг друга, ускользали и бросались из стороны в сторону. В итоге Диан меня вытолкнул.

Играя, я на миг поднял глаза на Диана и заметил, что взгляд его рассеян, и, похоже, манипуляция шашкой совершенно его не напрягает. В то время как я играл на пределе. Повинуясь порыву, я воскликнул:

— Как это круто, что вы учите меня!

Кехт пристально посмотрел на меня. В его глазах было мало человеческого даже без хрономота.

— Есть специальная Академия для таких как ты. Хочешь учиться?

Больше книг на сайте - Knigoed.net